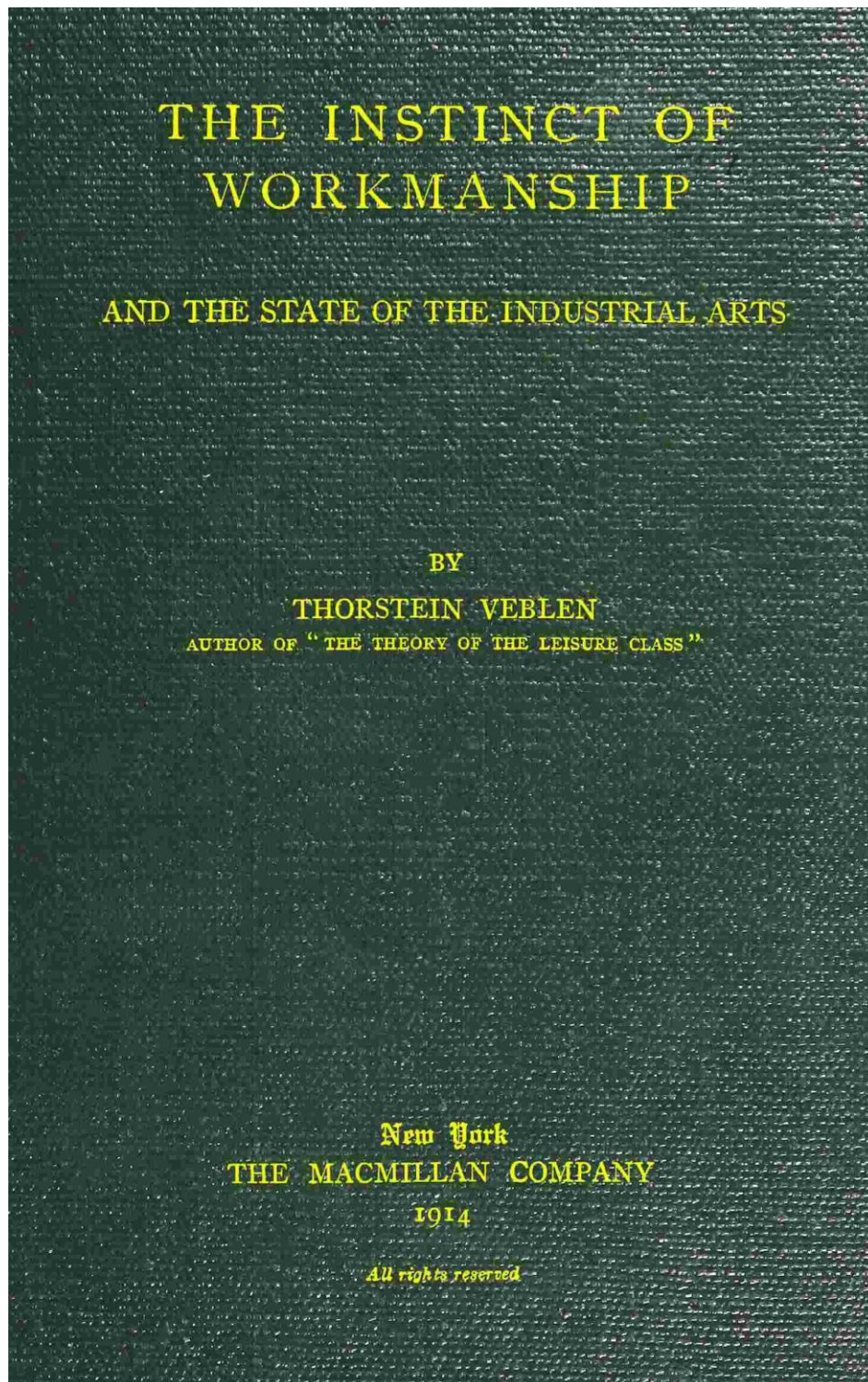

Инстинкт мастерства и состояние промышленного искусства

Торстейн Веблен

Электронная книга проекта "Гутенберг" об инстинкте мастерства и состоянии промышленного искусства

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: инстинкт мастерства и состояние промышленного искусства

Автор: Торстейн Веблен

Дата выхода: 28 января 2023 г. [Электронная книга № 69888]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Соединенные Штаты: компания "Макмиллан", 1914 г.

Авторские права: Эммануэль Аккерман, Арт Чимз, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИНСТИНКТ МАСТЕРСТВА И СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ИСКУССТВА" ***

Примечание переписчика

Компания Transcriber создала изображение обложки на основе изображений оригинальной обложки и титульного листа. Результат остается в общественном достоянии.

ИНСТИНКТ МАСТЕРСТВА

THE MACMILLAN COMPANY

КОМПАНИЯ MACMILLAN

НЬЮ - ЙОРК · БОСТОН · ЧИКАГО · ДАЛЛАС

АТЛАНТА · САН - ФРАНЦИСКО

MACMILLAN & CO., Limited
ЛОНДОН · БОМБЕЙ · КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

КОМПАНИЯ MACMILLAN CO. ИЗ КАНАДЫ, ООО.
ТОРОНТО

ИНСТИНКТ МАСТЕРСТВА И СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ИСКУССТВА

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН,
АВТОР КНИГИ “ТЕОРИЯ ПРАЗДНОГО КЛАССА”

Нью - Йорк
THE MACMILLAN COMPANY
1914

Все права защищены

Авторское право, 1914,
Создано и электротипировано КОМПАНИЕЙ MACMILLAN
. Опубликовано в марте 1914 года.

В Б К Н

ПРЕДИСЛОВИЕ

В следующем эссе предпринята попытка анализа такой видимой корреляции между промышленным использованием и привычками и теми другими институциональными фактами, которые составляют любую данную фазу цивилизации. Предполагается, что в процессе роста культуры, как и в ее текущем поддержании, факты использования технологий и привычки являются фундаментальными и определяющими в том смысле, что они лежат в основе и обуславливают масштабы и методы цивилизации помимо технологического аспекта, но не в таком смысле, чтобы исключать или упускать из виду степень, в которой эти другие условия любой данной цивилизации, в свою очередь, влияют на состояние промышленного искусства.

Анализ основывается на материалистических предпосылках современной науки, но без ущерба для лежащего в основе вопроса о скрытой компетентности этой материалистической концепции, рассматриваемой как метафизический принцип. Исследование просто принимает эти механистические допущения материаловедения для поставленной цели, поскольку они обеспечивают приемлемые в настоящее время условия решения любой научной проблемы подобного рода при нынешнем состоянии предвзятых мнений по этому вопросу.

Как следует из его небольшого объема, эссе носит характер беглого обзора, а не исчерпывающего исследования с полной документацией. Соответственно, несколько приведенных ссылок и авторитетные источники, упомянутые в ходе аргументации, не должны рассматриваться как всеобъемлющее изложение материалов, на которых основывается расследование. Следует также отметить, что там, где цитируются авторитетные документы, цитирование носит общий и обширный характер, а не конкретный и детальный. Где бы ни приводились подробные ссылки, будет обнаружено, что они имеют отношение к конкретным фактам, приведенным в аргументации в качестве иллюстративных деталей.

Содержание

ГЛАВА I

	СТРАНИЦА
Вводный	1

ГЛАВА II

Заражение инстинктов примитивной технологией	38
--	----

ГЛАВА III

Дикое состояние промышленного искусства	103
---	-----

ГЛАВА IV

Технология хищнической культуры	138
---------------------------------	-----

ГЛАВА V

Собственность и конкурентная система	187
--------------------------------------	-----

ГЛАВА VI

Эпоха ремесел	231
---------------	-----

ГЛАВА VII

Машиностроение	299
----------------	-----

ИНСТИНКТ МАСТЕРСТВА

ГЛАВА I

Вводная

Для человечества, как и для других высших животных, жизнь вида обусловлена совокупностью инстинктивных склонностей и тропизматических способностей, которыми обычно наделен этот

вид. Таким образом, не только продолжение жизни расы зависит от адекватности ее инстинктивных наклонностей, но и рутина и детали ее жизни также, в конечном счете, определяются этими инстинктами. Это основные движущие силы в поведении человека, как и в поведении всех тех животных, которые проявляют самостоятельность или осмотрительность. Человеческая деятельность, в той мере, в какой о ней можно говорить как о поведении, никогда не может выходить за рамки этих инстинктивных предрасположенностей, по инициативе которых человек совершает действия. Ничто не укладывается в человеческую схему желаемых действий, за исключением того, что отвечает этим врожденным склонностям человека. Только эти врожденные склонности делают что-либо стоящим, и из их работы вытекают не только цель и эффективность жизни, но также ее существенные удовольствия и страдания.

* * * * *

В последнее время слова “инстинкт” и “инстинктивный” уже не так часто встречаются среди изучающих те биологические науки, где они когда-то были в большой моде. Студенты, изучающие психологию поведения животных, осторожно избегают этих выражений, и в этом предостережении они, несомненно, правильно поступили. Для такого использования это слово, по-видимому, больше не подходит в качестве технического термина. Оно утратило необходимую четкость определения и последовательность коннотации, по-видимому, в результате распада при более тщательном анализе, чем ранее подвергались явления, входящие в это понятие. В этих биологических науках интерес сосредоточен не на вопросе о том, какие действия можно отнести к врожденной склонности в целом, а скорее на определении несводимых психологических — и, более того, физиологических — элементов, из которых складывается поведение животных. Для этой цели понятие “инстинкт” имеет слишком расплывчатое и изменчивое определение, чтобы соответствовать требованиям точной биологической науки.

Для наук, занимающихся психологией человеческого поведения, столь же тщательный анализ элементарных фактов поведения, несомненно, столь же желателен; и при столь пристальном изучении этих фактов, несомненно, окажется, что и здесь широкий термин “инстинкт” имеет слишком неточный характер, чтобы удовлетворять потребностям исчерпывающего психологического анализа. Но потребности исследования природы и причин роста институтов не совсем совпадают с потребностями такого исчерпывающего психологического анализа. Генетическое исследование институтов обратится к росту привычек и условностей, обусловленных материальной средой и врожденными и устойчивыми склонностями человеческой природы; и для этих склонностей, поскольку они проявляются в процессе культурного роста, нет лучшего обозначения, чем устаревший “инстинкт”.

В свете недавних исследований и спекуляций вряд ли следует подвергать сомнению, что каждая из этих различных склонностей может быть проанализирована на более простые составляющие элементы квазитропизматической или физиологической природы;¹ но в свете повседневного опыта и общеизвестности в то же время не подлежит сомнению, что эти простые и несводимые психологические элементы человеческого поведения подразделяются на составные функциональные группы и, таким образом, образуют специфические и детерминированные склонности, которые в рамках компетенции социальных наук подлежат обработке, как несводимые черты человеческой природы. Действительно, может показаться, что именно в особой группировке и сцеплении этих основных психологических элементов в

характерные черты интересов и склонностей природу человека в конечном итоге следует отличать от природы низших животных.

Эти различные врожденные склонности, которые вместе классифицируются как “инстинкты”, имеют общую характеристику, заключающуюся в том, что все они или некоторые из них, более или менее императивно, предполагают объективную цель усилий. С другой стороны, что отличает один инстинкт от другого, так это то, что каждый из них устанавливает характерную цель или объект, подлежащий достижению, отличный от объективной цели любого другого инстинкта. Инстинктивное действие телеологично, сознательно, и телеологический масштаб и цель каждой инстинктивной склонности характерно отличается от всех остальных. Несколько инстинктов являются телеологическими категориями, и в разговорном употреблении различаются и классифицируются на основании их телеологического содержания. Следовательно, в том виде, в каком этот термин используется здесь, и действительно, в том виде, в каком он понимается в настоящее время, инстинкты не должны определяться или описываться ни в механических терминах тех анатомических или физиологических способностей, которые причинно лежат в их основе или которые вступают в действие при функционировании любого данного инстинкта, ни в терминах движений ориентации или руления, вовлеченных в функционирование каждого из них. Отличительная черта, по признакам которой идентифицируется любой данный инстинкт, заключается в особом характере цели, к которой он ведет.² “Инстинкт”, в отличие от тропизматического действия, включает осознанность и адаптацию к поставленной цели.

Разумеется, настоящим не ставится цель установить или предписать определение “инстинкта” в целом, а лишь максимально точно указать, какой смысл вкладывается в используемый здесь термин. В то же время считается, что это определение понятия не наносит ущерба ни разговорному употреблению, ни использованию тех студентов, которые использовали этот термин в научных дискуссиях, особенно при обсуждении инстинктивных склонностей человечества. Но не следует упускать из виду, что это определение термина может оказаться неприменимым или, по крайней мере, сомнительным в применении к тем более простым и непосредственным импульсам, о которых иногда по традиции говорят как об “инстинктивных”, даже в поведении человека, — импульсам, которые с большим успехом можно было бы назвать “тропизматическими”. Например, в поведении животных, а также в таких прямых и непосредственных импульсивных действиях человека, которые справедливо причислить к поведению животных, часто вызывает некоторое недоумение провести грань между тропизматической активностью и инстинктом. . Общеизвестно, что действия, обычно признаваемые инстинктивными, сильно различаются между собой по степени прямоты или непосредственности, с которой происходит данная реакция на стимул. В этом отношении они варьируются от таких реакций, которые сомнительно отличить от простого рефлекторного действия, с одной стороны, до таких, которые сомнительно признаются инстинктивными из-за степени, в которой рефлексия и обдумывание участвуют в их выполнении, с другой стороны. Путем незаметной градации низшие (менее сложные и преднамеренные) инстинктивные действия сливаются в класс безошибочно определяемых тропизматических чувств, при этом практически невозможно определить каким-либо надежным тестом, где должна заканчиваться одна категория и начинаться другая.³ Такая квазитропизматическая деятельность может быть оценена наблюдателем как целенаправленная в том смысле, что, как считается, она способствует жизни отдельного агента или вида, в то время как со стороны наблюдаемого агента отсутствует осознание цели; тогда как “инстинкт” в более узком и специальном смысле, к

которому относится представляется желательным ограничить этот термин для текущего использования, поскольку он обозначает сознательное стремление к объективной цели, которую рассматриваемый инстинкт делает ценной.

* * * * *

Таким образом, цели жизни, которые должны быть достигнуты, определяются инстинктивными склонностями человека; но пути и средства достижения тех вещей, которые инстинктивные склонности придают ценности, являются вопросом интеллекта. Отличительной чертой человечества является то, что выработка инстинктивных наклонностей расы руководствуется интеллектом в степени, недоступной другим животным. Но зависимость расы от ее наделенности инстинктами не менее абсолютна при таком вмешательстве интеллекта; поскольку только по побуждению инстинкта рефлексия и обдумывание начинают применяться таким образом, и поскольку инстинкт также управляет масштабом и методом интеллекта во всем этом его применении. Люди думают, но человеческий дух, то есть расовый дар инстинктивных склонностей, решает, о чем им думать, как и с каким эффектом.

Однако зависимость образа жизни от совокупности инстинктивных склонностей становится, таким образом, менее непосредственной, поскольку между инстинктивно заданной целью и ее реализацией начинает вмешиваться более или менее расширенная логика путей и средств; и линии связи между любой данной инстинктивной склонностью и любой конкретной чертой человеческого поведения становятся тем более извилистыми и окольными, что их труднее проследить. Чем выше уровень интеллекта и чем шире доступный объем знаний, имеющихся в любом данном сообществе, тем более обширной и изощренной будет логика путей и средств, стоящих между этими импульсами и их реализацией, и тем более разнообразным и сложным будет аппарат приемов и ресурсов, используемых для достижения тех целей, которые инстинктивно заслуживают внимания.

Этот набор путей и средств, доступных для достижения всего, что может быть достойно внимания, по существу, является делом традиции прошлого, наследием привычек мышления, накопленных благодаря опыту прошлых поколений. Таким образом, способ и в значительной степени мера, в которых реализуются инстинктивные цели жизни в любой данной культурной ситуации, в некоторой степени тесно обусловлены этими элементами привычки, которые таким образом обретают форму общепринятой схемы жизни. Инстинктивные склонности, по сути, просты и направлены непосредственно на достижение какой-либо конкретной объективной цели; но в деталях цели, к которым стремятся таким образом, многочисленны и разнообразны, и пути и средства, с помощью которых их можно достичь, столь же разнообразны и разнородны, включая бесконечное обращение к приемам, адаптации и постепенному согласованию нескольких склонностей, которые все являются достаточно срочными.

В рамках дисциплины привыкания эта логика и аппарат путей и средств укладываются в общепринятые рамки, приобретают последовательность обычая и предписания и, таким образом, приобретают институциональный характер и силу. Привычные способы действий и мышления не только становятся само собой разумеющимися, легкими и очевидными, но они также санкционируются социальными условностями и, таким образом, становятся правильными и пристойными и порождают принципы поведения. В силу использования и привычки они включены в существующую схему здравого смысла. Элементы утвержденной схемы поведения и преследования эти общепринятые пути и средства занимают свое место в

качестве ближайших целей усилий. Вследствие чего в дальнейшем процессе неустанного привыкания, когда внимание обычно фокусируется на этих ближайших целях, они захватывают интерес до такой степени, что обычно отодвигают их собственную скрытую цель на задний план и часто позволяют ей упускаться из виду; как это может произойти, например, при приобретении и использовании денег. Из этого следует, что в большей части человеческого поведения только эти непосредственные цели присутствуют в сознании как объект интереса и цель усилий, и определенные традиционно принятые пути и средства становятся определяющими принципами того, что правильно и благостно; в то время как скрытая цель всего этого вспоминается лишь изредка, если вообще вспоминается, как запоздалая мысль, при усилении размышления.⁴

* * * * *

Среди психологов, которые занимались этими вопросами, до сих пор не было большого согласия относительно количества специфических инстинктивных склонностей, которые являются врожденными для человека; нет также согласия относительно точного функционального диапазона и содержания, приписываемых каждой из них. В широком смысле, по-видимому, считается само собой разумеющимся, что эти инстинкты следует рассматривать как дискретные и специфические элементы человеческой природы, каждый из которых вырабатывает свое собственное определенное функциональное содержание, не смешиваясь в значительной степени со своими соседями по тому духовному комплексу, в который все они входят как составные элементы, и не отвлекаясь на них.⁵ Для целей исчерпывающего психологического анализа, несомненно, целесообразно максимально использовать ту дискретность, которая наблюдается среди инстинктивных склонностей. Но для исследования масштабов и метода их проявления в процессе роста институтов, возможно, еще более целесообразно обратить внимание на то, как и с каким эффектом несколько инстинктивных склонностей пересекаются, смешиваются, накладываются друг на друга, нейтрализуют или усиливают друг друга.

Наиболее убедительный генетический взгляд на эти явления ставит инстинктивные склонности в тесную связь с тропизматической чувствительностью и относит их в физиологическом отношении к тому же общему классу, что и последние.⁶ Если рассматривать некритично и в общих чертах, то эта точка зрения, по-видимому, подразумевает, что инстинкты должны быть дискретными и прерывистыми между собой примерно таким же образом, как тропизматическая чувствительность, с которой они в значительной степени связаны; но при более тщательном рассмотрении такая генетическая теория инстинктов, по-видимому, не подтверждает точку зрения, согласно которой их следует рассматривать как фактически прерывистые или взаимоисключающие, хотя она также может не предполагать обратного — что они образуют непрерывную или неоднозначно сегментированную совокупность духовных элементов. Признанные тропизмы выделяются, по всей видимости, как четко очерченные физиологические признаки, передаваемые по наследству в неизменном виде, разделяемые и неискаженные, что наводит на мысль о “единичных признаках”, о которых говорится в современных теориях наследственности.⁷

Хотя инстинктивная чувствительность не может быть объяснена как производная от тропизмов, существует достаточное сходство в работе этих двух факторов, чтобы предположить, что оба

класса явлений должны объясняться на несколько сходных физиологических основаниях. Простые и более узко определенные инстинктивные предрасположенности, которые во многом выглядят как немедленное рефлекторное нервное действие и автоматически определяемая реакция, сносно поддаются такой интерпретации, как, например, стадный инстинкт или инстинкт отталкивания с сопровождающей его эмоцией отвращения. Подобные им разделяются человечеством с другими высшими животными на довольно равных началах; и они относительно просты, непосредственны, их нелегко изолировать или компенсировать привычкой. Очевидно, что они имеют во многом ту же природу, что и тропизматические ощущения; хотя даже в этих более простых инстинктивных предрасположенностях характерная квазитропизматическая чувствительность, характерная для каждого из них, по-видимому, осложнена неясными раздражениями нервных центров, возникающими в результате функционирования тех или иных внутренних органов. И то, что верно в этом отношении для более простых инстинктов, должно быть применимо и к более расплывчатым и сложным инстинктам, но с большей поправкой на более обширное усложнение висцеральных и органических стимулов.

Следует ли рассматривать эти подсознательные стимуляции нервных центров посредством функционирования внутренних органов в терминах тропизматической реакции - сложный вопрос, которому до сих пор уделялось мало внимания. Но в любом случае, что бы ни говорили по этому поводу опытные исследователи этих феноменов, висцеральных или органических стимулов, задействованных в любом из инстинктивных ощущений, по-видимому, всегда больше одного и обычно они несколько сложны. Действительно, хотя на первый взгляд кажется простым отнести любой из простых инстинктов непосредственно к некоторым определенным внутренним органам как к главному источнику, из которого соответствующая стимуляция поступает в нервные центры, отнюдь не легко решить, какие из внутренних органов или другие органы, которые обычно не классифицируются как внутренние, не будут иметь отношения к делу.

Это приводит к тому, что с физиологической точки зрения обычный набор человеческих инстинктов не следует рассматривать как отдельные и элементарные склонности. Одни и те же физиологические процессы в какой-то мере, хотя и в разных пропорциях, участвуют в функционировании каждого из них. В инстинктивных действиях индивид действует как единое целое, и в поведении, возникающем под влиянием движущей силы этих инстинктивных предрасположенностей, роль, которую играет каждый из нескольких инстинктов, является вопросом большей или меньшей, а не исключительной направленности. Поэтому они должны постоянно соприкасаться, смешиваться, накладываться друг на друга и вмешиваться, и их нельзя рассматривать как действующие каждый по отдельности и независимо друг от друга. Следовательно, отношения отдачи и взятия между несколькими инстинктивными предрасположенностями — инокуляции, “контаминации” и взаимных целей — предположительно более слабые и менее значимые для более простых и, по-видимому, тропизматических импульсов, в то время как, с другой стороны, менее специфические и более расплывчатые инстинктивные предрасположенности, такие как родительская склонность или склонность к конструированию или приобретению, будут так всесторонне и запутанно связаны в паутине корреляции и взаимозависимости — будут так неустанно контаминировать, компенсировать или усиливать друг друга, и каждая из них будет иметь столь большие и в то же время столь изменчивые границы. точки соприкосновения со всеми остальными — что между ними едва ли можно провести жесткие демаркационные линии. Лучшее, что практически

можно получить в качестве надежного определения, - это описательная характеристика каждой различимой склонности вместе с указанием более заметных и последовательных последствий, посредством которых каждая из них загрязняет другие склонности, составляющие тот комплекс инстинктивных предрасположенностей, который составляет духовную природу расы. Так что схемы определения, которые были разработаны до сих пор, в значительной степени следует воспринимать как удобные механизмы, исправный аппарат для текущего использования, а не как различия, проводимые во всех точках за счет одинаково резкой существенной дискретности фактов.⁸

Этот факт, что в какой-то мере несколько инстинктов проистекают из общей основы разумной жизни, что каждый из них затрагивает индивида в целом, имеет серьезные последствия в области привычек, и поэтому он имеет большое значение для роста цивилизации и повседневного ведения дел. Физиологический аппарат, участвующий в функционировании любого данного инстинкта, частично, хотя и в разной степени, участвует в работе того или иного другого инстинкта; в результате чего, даже по одним только физиологическим причинам, привыкание, затрагивающее функционирование любого данного инстинкта, должно, в меньшей степени, но всепроникающе, влиять на привычное поведение того же агента, когда им движет любой другой инстинкт. Таким образом, с этой точки зрения сфера действия привычки, поскольку она имеет отношение к инстинктивной деятельности, неизбежно шире, чем конкретная линия поведения, которой обусловлено рассматриваемое привыкание.

* * * * *

Инстинкты - это наследственные черты. В современных теориях наследственности они, по-видимому, считались бы вторичными характеристиками вида, являясь в некотором смысле побочными продуктами физиологической деятельности, придающей виду его специфический характер; поскольку эти теории в конечном счете опираются на физиологические термины. Таким образом, инстинктивные предрасположенности вряд ли можно было бы считать единичными признаками в менделевском смысле, а скорее следовало бы считать духовными чертами, возникающими в результате определенного совпадения физиологических единичных признаков и несколько варьирующимися в соответствии с вариациями в наборе единичных признаков, которым вид или индивид может быть обязан своей конституцией. Отсюда возникли бы вариации индивидуальности среди представителей расы, основанные некоторым образом, как только что было предложено, на различной одаренности инстинктами и идущие обратно через них, в конце концов, к скрытым различиям физиологических функций. Некоторый подобный анализ инстинктивных предрасположенностей и их связи с физическим состоянием индивида представляется необходимым как средство понимания их и их работы без допущения явного разрыва между физическими и нематериальными явлениями жизни.

* * * * *

Характерной чертой расы является степень расплывчатости или общности, отсутствие автоматически детерминированной реакции, отсутствие конкретной возможности, как это можно было бы назвать, в обычном русле человеческих инстинктов. Этот неопределенный и изменчивый характер инстинктов, или, возможно, скорее, привычной реакции на их побуждение, следует рассматривать в связи с широтой и изменчивостью их физиологической основы, о которой говорилось выше. Очевидно, что для долгосрочного успеха гонки это имеет высочайшую ценность, поскольку оставляет широкие и легкие возможности для

экспериментов, привыкания, изобретательства и приспособления к ощущению мастерства. В то же время и в силу тех же обстоятельств масштабы и диапазон конвенционализации и изоэщенности столь же гибки, широки и последовательны. Несомненно, несколько расовых групп очень заметно различаются в этом отношении.

Совокупность инстинктивных предрасположенностей, включающая в себя под этим термином как врожденную склонность, так и соответствующее ей чувство, составляет то, что можно было бы назвать “духовной природой” человека — часто ее называют проще “человеческой природой”. Не допуская, чтобы это подразумевало что-либо вроде дуализма или дихотомии между материальными и нематериальными явлениями, термин “духовный” удобно использовать в его разговорном смысле. Применяемый таким образом, он не привязывает дискуссию к вопросу о единой или двойной конституции человека, а просто использует общепринятое выражение для обозначения того набора функций, для обозначения которого оно используется в современном обиходе.

Набор инстинктов человека колеблется от одного индивидуума к другому в кажущемся бесконечным разнообразии, различаясь как по относительной силе нескольких инстинктивных склонностей, так и по схеме координации, слияния или интерференции, которая преобладает среди них. Это разнообразие туземного характера заметно у всех народов, хотя некоторые народы низших культур демонстрируют заметный подход к единообразию типа, как физического, так и духовного. Это разнообразие особенно заметно среди цивилизованных народов и, возможно, в особой степени среди народов Европы и ее колоний. Чрезвычайное разнообразие туземного характера, как физического, так и духовного, заметное в этих сообществах, по всей вероятности, связано с тем, что они состоят из смеси расовых компонентов. С точки зрения родословной, все особи народов западной культуры являются гибридами, и большее число особей представляют собой смесь более чем двух расовых групп. Пропорции, в которых несколько передающихся признаков, составляющих расовый тип, входят в состав этих гибридных особей, соответственно, будут бесконечно варьироваться. Следовательно, число возможных перестановок будет чрезвычайно велико; так что результирующий диапазон вариаций у гибридов, которые таким образом получаются в результате скрещивания этих различных расовых групп, будет достаточно велик, даже если он находится в таких пределах, что общий человеческий тип остается нетронутым. Время от времени вариация может даже выходить за эти пределы человеческой нормальности и давать вариант, в котором относительный акцент на нескольких составляющих инстинктивных элементах распределяется по схеме, настолько далекой от общечеловеческого типа, что данный вариант утрачивает связь с общечеловеческим уклоном и помечает человека как душевнобольного или как непригодного для целей сообщества, в котором он обитает, или даже как непригодного для жизни в любом обществе.

Тем не менее, даже в этих гибридных популяциях присутствует общечеловеческий тип духовной одаренности, преобладающий как общее среднее свойство человеческой природы повсюду и подходящий для продолжения жизни человечества в обществе. Неприемлемо большие отклонения от этого общечеловеческого и полезного типа духовной одаренности будут постоянно иметь тенденцию к избирательному устранению из расы, даже если вариация возникает в результате гибридизации. Подобное будет справедливо более радикальным образом применительно к вариантам, которые могут возникнуть в результате менделевской мутации.

Таким образом, многочисленные расовые типы, существующие в настоящее время, представляют собой только таких мутантов, которые находятся в пределах терпимости, налагаемой ситуацией, при которой возник и выжил любой данный мутантный тип. Выживший мутантный тип обязательно более или менее точно соответствует обстоятельствам, при которых он возник и впервые обеспечил свое выживание, и, по-видимому, он менее приспособлен к любой другой ситуации. Следовательно, с изменением ситуации, таким, которое может произойти с миграцией данной расовой группы из одной среды обитания в другую, или с эквивалентным сдвигом в развитии культуры или изменении климата, требования к выживанию, вероятно, изменятся. Действительно, изменения, которые могут таким образом возникнуть в текущих требованиях к выживанию, настолько серьезны, что любая данная расовая группа может истощиться и прийти в упадок только по той причине, что рост ее культуры привел к тому, что эта группа стала вести образ жизни, сильно отличающийся от тех, при которых возник данный тип человека и которые сделали его пригодным для выживания. Итак, при смешении рас, составляющих население западных стран, конкурентная борьба за выживание, по-видимому, всегда продолжалась среди нескольких расовых групп, входящих в гибридную массу, с разной судьбой в зависимости от того, как меняющиеся культурные требования и возможности благоприятствовали то одному, то другому типу людей. Эти культурные условия выживания в расовой борьбе за существование менялись на протяжении веков с серьезными последствиями для истории жизни расы и ее культуры; и они, возможно, меняются более существенно и быстро в ближайшем настоящем, чем в любое предыдущее время в течение исторического периода. Так что, например, постоянный биологический успех любой данной из этих групп в европейской расовой смеси в течение умеренного периода времени сместился с позиции боеспособности и даже в некоторой степени с позиции климатической приспособленности к духовной пригодности для выживания в условиях, навязанных новой культурной ситуацией, системой институтов, которая незаметно, но непрерывно меняется на ходу.⁹

Эти непрекращающиеся изменения и приспособления, которые происходят в системе институтов, правовых и обычных, неустанно порождают новые привычки в работе и мышлении в сообществе, и поэтому они постоянно прививают новые принципы поведения; в результате тот же набор инстинктивных предрасположенностей, врожденных у населения, будет проявляться с другим эффектом в отношении требований выживания расы. По всей видимости, что в этой связи имеет первостепенное значение для селективного выживания нескольких европейских расовых групп, так это их относительная приспособленность к удовлетворению материальных потребностей жизни, их экономическая пригодность к жизни в условиях новых культурных ограничений и с новым воспитанием, которое дает эта изменившаяся культурная ситуация. Но судьба западной цивилизации как культурной схемы, помимо биологического выживания или успеха любой данной расовой составляющей у западных народов, также связана с жизнеспособностью европейского человечества в условиях этих институциональных изменений и зависит от духовной пригодности унаследованной человеческой природы успешно и стойко продолжать измененный образ жизни, навязанный этим народам ростом их собственной культуры. Подобные ограничения, налагаемые на культурный рост местными склонностями, плохо приспособленными к цивилизованной жизни, достаточно заметны в нескольких направлениях и у всех народов христианского мира.

* * * * *

То, что известно о наследственности, говорит о том, что различные расовые типы человека стабильны; так что в течение истории жизни любой данной расовой группы не следует ожидать никаких наследственных изменений ее типичного состава, будь то духовного или физического. Типичная человеческая одаренность инстинктами, а также типичный состав расы в физическом отношении, согласно этой современной точке зрения, передавались нетронутыми с самого начала человечества, то есть с любой точки мутационного развития расы, которая считалась подходящей для датировки человечества, — за исключением тех случаев, когда последующие мутации привели к появлению новых расовых предков, которым этот человеческий дар врожденных склонностей был передан в типично модифицированной форме. С другой стороны, привычные элементы человеческой жизни меняются непрерывно и кумулятивно, что приводит к продолжающемуся стремительному росту институтов. Изменения в институциональной структуре постоянно происходят в ответ на изменение порядка жизни в меняющихся культурных условиях, но природа человека остается неизменной.

Таким образом, пути и средства, материальные и нематериальные, с помощью которых местные склонности достигают своих целей, постоянно находятся в процессе изменений, будучи обусловленными изменениями, кумулятивно происходящими в институциональной структуре привычных элементов, которая управляет схемой жизни. Но нет никаких оснований предполагать, что каждое или любое из этих последовательных изменений в схеме институтов предоставляет последовательно более подготовленные, надежные или более облегченные пути и средства для достижения инстинктивными склонностями своих целей или что фаза привыкания, действующая в любой данный момент в этой последовательности изменений, более подходит для безмятежного функционирования этих инстинктов, чем любая предыдущая фаза. На самом деле, предполагается обратное. Исходя из принципа селективного выживания, разумно предположить, что любой данный расовый тип, прошедший испытание селективной элиминацией, включая набор инстинктивных предрасположенностей, в силу которых он выдержал это испытание, при своем первом появлении будет сносно соответствовать обстоятельствам, материальным и культурным, при которых этот тип возник как мутант и обеспечил свое выживание; и поскольку последующий рост институтов изменил доступные масштабы и метод инстинктивного действия, следовательно, следует предположить, что любое такое последующее изменение в схеме институтов в некоторой степени затруднит или отклонит развитие этого типа. свободная игра своих инстинктивных склонностей и, таким образом, будет препятствовать прямой и бесхитростной выработке инстинктивных предрасположенностей, присущих данному расовому типу.

Все, что известно о ранних фазах культуры в истории жизни существующих рас и народов, говорит о том, что начальной фазой в жизни любого данного расового типа, фазой культуры, которая преобладала в окружающей среде, когда он возник, и в условиях которой данный вид впервые доказал свою пригодность к выживанию, предположительно, была та или иная форма дикости. Следовательно, пригодность любого данного типа человеческой природы для жизни таким образом и в условиях, налагаемых любой более поздней фазой роста культуры, является предметом все менее и менее надежного предположения по мере того, как последовательность институциональных изменений отклоняется от той формы дикости, которая отмечала начальную стадию в истории жизни данной расовой группы. Кроме того, предположительно, хотя и ни в коем случае не наверняка, более молодые группы, те, которые возникли в результате более

поздних мутаций типа, следовательно, изначально попали в условия относительно продвинутой фазы дикости и обеспечили свое выживание в них, — следовательно, эти более молодые расы должны с большей легкостью и лучшим эффектом соответствовать требованиям, предъявляемым еще большим прогрессом в том совокупном усложнении институтов и запутанности путей и средств, которые связаны с культурным ростом. Более старые или примитивные породы, возникшие в результате более ранних типовых мутаций и обеспечившие себе выживание при более элементарной схеме дикой культуры, предположительно, менее способны к адаптации к развитой культурной схеме.

Но в то же время на тех же основаниях следует ожидать, что у всех рас и народов всегда должна сохраняться неискоренимая сентиментальная склонность возвращаться к чему-то подобному той схеме дикости, для которой их особый тип человеческой природы однажды доказал свою пригодность на начальном этапе своей истории жизни. Похоже, именно это обычно подразумевается в крике “Назад к природе!”. Более старые известные расовые группы, потомки более ранних мутационных отклонений от изначально родового человеческого типа, будут избирательно адаптированы к более архаичным формам дикости, и они демонстрируют значительно более стойкую склонность к элементарному дикарскому образу жизни и лишь с относительно небольшой легкостью приспособляются к требованиям и возможностям “высшей” цивилизации, что в крайних случаях приводит к практической непригодности для цивилизованной жизни. Отсюда “бремя белого человека” и многочисленные затруднения миссионеров.

* * * * *

В соответствии с менделевскими теориями наследственности требуется некоторая квалификация этих широких обобщений. Как уже было отмечено выше, народы Европы, каждый из них или несколько, представляют собой гибридные смеси, состоящие из нескольких расовых групп. Подобное в какой-то степени верно для большинства народов за пределами Европы, особенно для более важных и известных национальностей. Эти различные народы демонстрируют более или менее отчетливые и узнаваемые национальные типы телосложения — или, возможно, скорее, физиономии — и темперамента, и линии разграничения между этими национальными типами постоянно пересекаются с линиями, разделяющими расовые группы. В то же время эти национальные типы обладают некоторой степенью постоянства; настолько, что в просторечии о них говорят как о типах расы. Хотя ни один современный антрополог не стал бы путать национальность с расой, не следует упускать из виду, что эти национальные гибридные типы часто настолько заметны и характерны, что имитируют расовые признаки и ставят в тупик исследователя расы, который стремится идентифицировать расовые группы, из которых сложилась любая из этих гибридных популяций. Предположительно, эти национальные и местные типы физиогномики и темперамента следует рассматривать как гибридные типы, закрепившиеся в результате селекции, и для объяснения этого явления следует обратиться к новейшим теориям наследственности.

Любому студенту, знакомому с более простыми явлениями гибридизма, будет очевидно, что в соответствии с менделевскими правилами гибридизации количество биологически успешных —жизнеспособных—гибридных форм, возникающих в результате любого скрещивания двух или более форм, может очень сильно отличаться друг от друга и от любого из родительских типов. Вариация должна быть экстремальной как по количеству сконструированных таким образом

гибридных типов, так и по диапазону, на который распространяется вариация, — намного большей в обоих отношениях, чем диапазон колеблющихся (нетипичных) вариаций, достижимых при любых обстоятельствах у чистокровной расы, особенно в более отдаленных сыновних поколениях. Экспериментально также хорошо известно, что путем селекции из числа таких гибридных форм можно создать составной тип, который будет правильно размножаться по признакам, на которые направлен отбор, и что такая “чистая линия” может сохраняться бесконечно, несмотря на ее гибридное происхождение, до тех пор, пока ее не скрестят обратно с той или иной родительской породой или с гибридной породой, которая не является чистопородной по выбранным признакам.

Итак, если условия жизни в каком-либо сообществе неизменно благоприятствуют данному гибриднему типу, независимо от того, носят ли благоприятные условия культурный или материальный характер, в таком сообществе вступит в силу нечто вроде тенденции отбора, направленной на создание гибридного типа, который будет соответствовать этим условиям. Результатом будет создание комбинированной чистой линии, демонстрирующей выгодные черты телосложения и темперамента в сочетании с разнообразным набором других признаков, которые не имеют такой селективной ценности. Признаки, которые в данном случае не имеют селективной ценности, будут проявляться совершенно свободно, сочетаясь в неограниченном разнообразии с избирательно определяющими признаками, и, таким образом, будут отмечать гибридное происхождение этой предварительно установленной составной чистой линии. При продолжающемся скрещивании внутри себя любая данная популяция такого гибридного происхождения, как европейские народы, имела бы тенденцию кумулятивно размножаться в соответствии с таким избирательно благоприятным гибридным типом, а не с каким-либо одним из конечных расовых типов, представленных родительскими группами, из которых в конечном итоге состоит гибридная популяция. Так возник бы национальный или местный тип, который проявлял бы избирательно решающие черты с большой степенью постоянства, но бесконечно варьировал бы в отношении избирательно бездействующих черт, входящих в состав сложной наследственности населения. Такая составная чистая линия была бы стабильной только временно; она должна была бы разрушиться при обратном пересечении любой из родительских линий. Эта “условно стабильная составная чистая линия” должна исчезать при скрещивании с чистокровными особями той или иной родительской линии, от которой она получена, - чистокровными в отношении аллеломорфных признаков, которые придают гибриднему типу его типичные черты.

Но какой бы степенью стабильности ни обладали эти гибридные национальные или локальные типы, результат для настоящей цели во многом один и тот же; гибридные популяции предоставляют больший размах и диапазон вариаций в своей человеческой природе, чем могли бы иметь в пределах любой чистокровной расы. И все же, несмотря на все многообразие расовых и национальных типов, ранних и поздних, и несмотря на все широкое расхождение гибридных вариантов, нет никаких трудностей с распознаванием общего человеческого типа духовной одаренности, точно так же, как зоологи без труда относят различные расы человечества к одному виду на основании их физических характеристик. Распределение акцента между несколькими инстинктивными предрасположенностями может заметно различаться от одной расы к другой, но набор инстинктов, присущих нескольким расам, в конце концов, во многом одинаков и преследует, по существу, одни и те же цели. Взятые просто в их первом проявлении, расовые вариации человеческой природы обычно незначительны; но небольшое предубеждение такого рода, характерное для любой данной расы, может

приобрести решающее значение, когда оно проявляется кумулятивно через систему институтов, поскольку такая система воплощает совокупную сложность бесчисленных поколений, на протяжении которых в жизни сообщества доминировало такое же небольшое предубеждение.¹⁰

Расовые различия в отношении этих наследственных духовных черт имеют большое значение для результата, потому что в конечном итоге любая раса оказывается во власти своих инстинктов. В ходе культурного роста большинство тех цивилизаций или народов, которые имели долгую историю, время от времени сталкивались с настоятельным призывом пересмотреть свою систему институтов в свете своих врожденных инстинктов, под страхом краха или распада; и они выбирали по-разному и по большей части вслепую жить или не жить, в соответствии с их инстинктивными пристрастиями, которые побуждали их. В тех случаях, когда случалось, что инстинкты, непосредственно направленные на материальное благополучие сообщества, такие как родительская склонность и чувство мастерства, присутствовали в такой мощной силе, или когда институциональные элементы, противоречащие постоянным жизненным интересам сообщества или рассматриваемой цивилизации, находились в достаточно слабом состоянии, там узусы, обычаи, предписания, принципы, прецедент были разорваны — или ослаблены, или сдвинуты так, чтобы позволить течению жизни и культурному росту продолжаться, со значительным замедлением или без него. Но история фиксирует более частые и впечатляющие примеры триумфа слабоумных институтов над жизнью и культурой, чем случаи, когда народы силой инстинктивного понимания спасали себя живыми в отчаянно опасной институциональной ситуации, такой, например, с какой сейчас сталкиваются народы христианского мира.

* * * * *

Главной из тех инстинктивных предрасположенностей, которые непосредственно ведут к материальному благополучию расы и, следовательно, к ее биологическому успеху, возможно, является инстинктивная склонность, о которой здесь говорится как о чувстве мастерства. Единственным другим инстинктивным фактором человеческой природы, который мог бы с какой-либо вероятностью оспорить это первенство, была бы родительская склонность. Действительно, у этих двух факторов много общего. Они тратят себя во многом на достижение одних и тех же конкретных целей, и взаимное содействие друг другу действительно настолько обширно и интимно, что зачастую провести грань между ними крайне сложно. Следовательно, любое обсуждение одного из них неизбежно должно в большей или меньшей степени вовлекать другого в исследование, и характеристика одного потребует некоторого рассмотрения другого.

Как здесь понимается это выражение, “родительская склонность” - это инстинктивное предрасположение гораздо большего масштаба, чем простая склонность к достижениям детей.¹¹ Это последнее, несомненно, следует рассматривать как важный и, возможно, первичный элемент в практическом проявлении родительской заботы; хотя, даже в этом случае, его ни в коей мере не следует путать с квазитропизматическим импульсом к продолжению рода. Родительская забота о человечестве имеет гораздо более широкое значение, чем просто забота о благополучии собственных детей. Это более широкое влияние особенно очевидно в тех низших культурах, где схема кровного родства и наследования не строится по таким же близким семейным линиям, как у цивилизованных народов, но ее также можно увидеть в

хорошем состоянии в любом цивилизованном сообществе. Так, например, то, что создатели фраз называли “расовым самоубийством”, вызывает инстинктивное и непрошеное осуждение всех людей, даже тех, кто, предположительно, не пошел бы на то, чтобы внести свой личный вклад в грядущее поколение. Точно так же практически все мыслящие люди, то есть все люди, придерживающиеся мнения в соответствии с этими предпосылками, согласятся с тем, что нынешнее поколение намеренно делает образ жизни следующего поколения отвратительно бесчеловечным, будь то пренебрежение должными средствами к существованию и надлежащей подготовкой или растрачивание своего наследия ресурсов и возможностей из-за неосмотрительной жадности и лени. Провидение является добродетелью лишь постольку, поскольку его целью является обеспечение потомства.

Трудно или невозможно сказать, насколько нынешнюю заботу о благополучии расы в целом можно отнести к родительской склонности, но не подлежит сомнению, что это инстинктивное предрасположение играет значительную роль в сентиментальном беспокойстве почти всех людей о жизни и комфорте сообщества в целом, и особенно о будущем благосостоянии сообщества. Несомненно, эта родительская склонность в более широком смысле в значительной степени усиливает то сентиментальное одобрение экономии и эффективности ради общего блага и неодобрение расточительной и бесполезной жизни, которое так широко распространено как в высших, так и в низших культурах, если не считать того, что эта неприязнь к экономии и эффективности является простым выражением самой родительской предрасположенности. С другой стороны, можно было бы утверждать, что такое враждебное отношение к экономии является существенной функцией инстинкта мастерства, который, как тогда считалось бы, на данном этапе сильно поддерживается родительской заботой об общем благе.

При использовании выражения “инстинкт мастерства” или “чувство мастерства” здесь нет намерения предполагать или доказывать, что обозначенная таким образом склонность является в психологическом отношении простым или несводимым элементом; еще меньше, конечно, намерения утверждать, что в физиологическом отношении ее следует проследить до какой-то одной изолируемой тропизматической чувствительности или какого-то одного ферментативного или висцерального стимула. Все это заслуживает внимания тех, кого это может касаться. С таким же успехом это выражение можно использовать для обозначения совпадения нескольких инстинктивных склонностей, каждая из которых может оказаться простой или несводимой, а может и не оказаться, если подвергнуть ее психологическому или физиологическому анализу. Для настоящего исследования достаточно отметить, что в человеческом поведении эта предрасположенность проявляется настолько последовательно, повсеместно и устойчиво, что изучающим человеческую культуру придется считаться с ней как с одной из неотъемлемых наследственных черт человечества.¹²

Как уже было показано, ни эта, ни какая-либо другая инстинктивная предрасположенность не вырабатывает своего функционального содержания в отрыве от инстинктивной одаренности в целом. Инстинкты, все или несколько, хотя, возможно, и в разной степени, настолько тесно вовлечены в игру “отдавай” и “бери”, что работа любого из них имеет свои последствия для всех остальных, хотя, по-видимому, не для всех в равной степени. Именно это бесконечное¹³ усложнение и загрязнение инстинктивных элементов в человеческом поведении, взятое в сочетании с распространяющимися и кумулятивными эффектами привычки в этой области,

создает большую часть трудностей и значительный интерес, присущий этому направлению исследований.

Существует несколько линий инстинктивной склонности, которые не пересекаются и не окрашиваются каким-либо разветвлением инстинкта мастерства. Несомненно, реакция на прямой призыв таких полупрофизматических, полуинстинктивных импульсов, как голод, гнев или побуждения к сексу, мало, если вообще связана с каким-либо сентиментальным налетом мастерства; но в более сложных и осознанных действиях, особенно там, где привычка оказывает заметный эффект, импульс и чувство мастерства играют большую роль в результате. Действительно, настолько, что, например, в искусстве, где чувство красоты является главной движущей силой, привычное внимание к технике часто отодвигает первоначальный и лишь кажущийся мотив на задний план. Итак, опять же, в жизни религиозной веры и соблюдения религиозных обрядов время от времени может происходить так, что богословские тонкости и разработка ритуалов успешно и в значительной степени удовлетворительно заменяют духовное общение; в то время как в судах упорное следование юридическим формальностям нередко сводит на нет цели правосудия.

Как здесь понимается это выражение, все инстинктивные действия в той или иной степени разумны; хотя степень задействования интеллекта может широко варьироваться от одной инстинктивной предрасположенности к другой, и оно может даже принимать чрезвычайно автоматическую форму в случае некоторых из более простых инстинктов, функциональное содержание которых носит явно физиологический характер. Такой подход к автоматизму еще более очевиден у некоторых низших животных, где, как, например, у некоторых насекомых, реакция на соответствующие стимулы настолько единообразна и механически детерминирована, что вызывает сомнение, не лучше ли поведение животного интерпретировать просто как тропизматическое действие.¹⁴ Такая тропизматическая прямота инстинктивного реагирования менее характерна для человека даже в случае более простых инстинктивных склонностей; и косвенность, которая так характеризует инстинктивное действие в целом и высшие инстинкты человека в частности и которая отличает инстинктивные предрасположенности от тропизмов, является косвенностью интеллекта. Оно в большей степени участвует в реализации одних склонностей, чем других; но любое инстинктивное действие в какой-то степени разумно. Это то, что отличает его от тропизмов и выводит из категории автоматизмов.¹⁵

Следовательно, все инстинктивные действия телеологичны. Они предполагают следование определенной цели. Она направлена на достижение какой-то цели и требует определенной степени разумных способностей для достижения инстинктивно заданной цели под наблюдением инстинктивной склонности, побуждающей к действию. И именно в этом наблюдении и направлении интеллектуальных процессов к назначенной цели инстинктивные предрасположенности контролируют и обуславливают поведение человека; и в этой работе по направлению несколько инстинктивных склонностей могут вступать в конфликт и компенсировать или согласовывать и усиливать действия друг друга.

Положение инстинкта мастерства в этом комплексе телеологических действий несколько своеобразно, поскольку его функциональным содержанием является пригодность для достижения целей жизни, какими бы эти цели ни были; тогда как эти цели, подлежащие

служению, по крайней мере в основном, определяются и реализуются различными другими инстинктивными предрасположенностями. Так что этот инстинкт можно в некотором смысле назвать вспомогательным по отношению ко всем остальным, поскольку он связан с путями и средствами существования, а не с какой-то одной заданной скрытой целью. По сути, это имеет отношение к ближайшим, а не скрытым целям. Тем не менее, мастерство само по себе является объектом внимания и сентиментальности. Эффективное использование имеющихся средств и адекватное управление имеющимися ресурсами для достижения жизненных целей само по себе является целью усилий, и достижения такого рода являются источником удовлетворения.

Все инстинктивные действия разумны и телеологичны. Общность инстинктивных предрасположенностей просто побуждает к прямому и недвусмысленному достижению их конкретных целей, и в своих действиях под их непосредственным руководством агент идет настолько прямо, насколько это возможно, к искомой цели - он занят объективной целью, а не выбором средств для достижения искомой цели; тогда как под влиянием импульса мастерства интерес и усилия агента связаны с изобретением путей и средств для достижения искомой цели.

Точка контраста может быть незнакомой, и иллюстрация может оказаться уместной. Итак, в инстинкте драчливости и сопутствующем ей чувстве гнева ¹⁶ основным побуждением, несомненно, является прямая лобовая атака, штурм и побои в чистом виде; и чем сильнее агент заряжен боевым порывом и чем выше уровень одушевления, до которого он доведен, тем меньше он склонен или способен задумываться о том, как он может хитро использовать механические устройства для воздействия на объект своих чувств и достижения своей цели с наибольшим результатом на единицу затраченной силы. Только хорошо обученный боец, не задумываясь, воспользуется рабочими путями и средствами в такой ситуации; и в случае крайнего раздражения и срочности даже такой боец, как говорят, может забыть о своем мастерстве в помещении и броситься в гущу событий вместо того, чтобы прибегать к косвенным методам и рычагам, к которым его приучила профессиональная подготовка в искусстве ведения боя. Итак, опять же, непосредственные побуждения родительской склонности побуждают к прямому личному вмешательству и служению в интересах объекта заботы. У людей, высоко одаренных в этом отношении, проявляется импульс помогать беспомощным собственными руками, делать для них от своего лица не то, что при размышлении может показаться наиболее целесообразной линией поведения в данной ситуации, а то, что наиболее лично побудит агента действовать в данном случае. Общеизвестно, что легче подтолкнуть благонамеренных людей к бездумной благотворительности немедленным и конкретным призывом, чем обеспечить разумный, хорошо выдержанный и организованный концерт усилий по улучшению участи несчастных. Действительно, тонкости рабочего расчета причин и следствий в таком случае инстинктивно ощущаются оторванными от сути дела. Они неприятны; они не только не являются неотъемлемой частью функционального содержания импульса щедрости, но и чрезмерное привнесение этих элементов мастерства в дело может даже вызвать отвращение и свести на нет его собственное намерение.

Инстинкт мастерства, с другой стороны, проявляет интерес к практическим приемам, путям и средствам, устройствам и ухищрениям эффективности и экономичности, мастерству, творческой работе и технологическому овладению фактами. Большая часть функционального содержания инстинкта мастерства заключается в склонности прилагать усилия. Наилучший или наиболее заверченный результат такого расположения не достигается в условиях сильного

стресса или крайней срочности из-за каких-либо инстинктивных склонностей, с которыми связана его работа или целям которых он служит. Это проявляется в лучшем виде как в технологической эффективности отдельного работника, так и в росте технологического мастерства и проницательности в сообществе в целом, в условиях умеренной необходимости, когда есть работа в руках и ее больше в поле зрения, поскольку изначально возникает желание сделать следующее, и сделать это настолько хорошо, насколько это возможно; в то время как когда интерес чрезмерно падает из-за отсутствия провокации со стороны инстинктивных предрасположенностей, которые обеспечивают цель, ради которой нужно работать, стимул к мастерству, скорее всего, не сработает, и результатом, скорее всего, станет бесконечное фабрицирование бессмысленных деталей. и много шума из ничего. С другой стороны, в периоды сильного стресса, когда призыв к какой-либо одной или нескольким инстинктивным линиям поведения является чрезмерно срочным, это, вероятно, приведет к грубости техники и в настоящее время к потере мастерства и технологического мастерства.

Далее, в этой связи уместно отметить, что инстинкт мастерства обычно не доходит до страстных эксцессов; что под давлением он не удерживает свое место в качестве основного интереса в конкуренции с другими, более элементарными инстинктивными склонностями; но что он скорее с некоторой готовностью уступает позиции, подвергается вытеснению и впадает в бездействие только для того, чтобы вновь заявить о себе, когда ослабевает давление других, неотложных интересов. То, что было сказано выше относительно первостепенного значения инстинкта мастерства для жизни расы, конечно, не пострадает от такого признания его характерно умеренной актуальности. Серьезное значение, которое ему придается, связано с его повсеместным подчинением целям жизни, а не с горячностью.

Чувство мастерства также особенно подвержено предвзятости. Обычно он не стремится к самостоятельной, творческой цели сам по себе, а скорее озабочен способами и средствами, с помощью которых должны быть достигнуты инстинктивно поставленные цели. Следовательно, в зависимости от того, преобладает ли та или иная инстинктивная предрасположенность в системе жизни сообщества или в повседневных интересах индивида, привычная тенденция чувства мастерства будет склоняться к той или иной линии мастерства и технологического мастерства. В результате кумулятивного привыкания предубеждение такого характера может привести к весьма существенным последствиям для диапазона технологических знаний, состояния промышленного искусства, а также для скорости и направления роста идеалов работника.

* * * * *

Изменения происходят постоянно и неуклонно в институциональном аппарате, привычной схеме правил и принципов, регулирующих жизнь сообщества, и не в последнюю очередь в технологических способах и средствах, с помощью которых поддерживается жизнь расы и ее культурный уровень; но изменения происходят редко — фактически вообще не происходят — в врожденных инстинктах, благодаря которым человечество имеет возможность использовать эти средства и жить в рамках институтов, которые в совокупности создали его жизненные привычки. В случае гибридных популяций, таких как народы Христианского мира, можно рассчитывать на некоторую заметную адаптацию этого духовного дара к меняющимся требованиям цивилизации посредством создания сложных чистых линий гибридного типа,

более соответствующих более поздним фазам культуры, чем любой из исходных расовых типов, из которых состоит гибридная популяция. Но для такого медленно размножающегося вида, как человек, и при том, что изменения в условиях жизни происходят заметно быстрыми темпами, шанс на адекватную адаптацию гибридной человеческой природы к новым условиям кажется в лучшем случае сомнительным. Следует также отметить, что неопределенный характер многих человеческих инстинктов и их последующая податливость при привыкании обеспечивают значительный запас адаптации, в пределах которого человеческая природа может приспособиться к новым условиям жизни. Но после всего сказанного остается верным, что границы, в пределах которых инстинктивная природа расы может быть эффективно адаптирована к изменяющимся обстоятельствам, относительно узки — узки по сравнению с диапазоном вариаций институтов, - и пределы такой адаптации несколько жестки. На данный момент от расы требуется соответствовать изменяющимся условиям жизни, к которым ее относительно неизменный набор инстинктов, по-видимому, не полностью приспособлен, и соответствовать этим условиям путем использования технологических путей и средств, сильно отличающихся от тех, которые были в распоряжении расы с самого начала. На начальных этапах истории жизни расы или любой данной расовой группы требования, которым избирательно должна была соответствовать ее духовная (инстинктивная) природа, были требованиями культуры дикарей, как было указано выше, — предположительно, во всех случаях несколько “низкой” или элементарной формы дикости. Этот дикий образ жизни, который был и остается в некотором смысле родным для человека, характеризовался бы значительной групповой солидарностью внутри относительно небольшой группы, живущей очень близко к земле и постоянно зависящей в своей повседневной жизни от трудовой работоспособности всех членов группы. Главным условием выживания в этих условиях была бы склонность бескорыстно и безлично извлекать максимальную пользу из имеющихся под рукой материальных средств и склонность использовать все ресурсы знаний и материалов для поддержания жизни группы.

Следовательно, с самого начала, когда это впервые появляется в истории жизни какой-либо одной или всех рас, которыми занимается современное исследование, это инстинктивное предрасположение будет оказывать непосредственное влияние на эффективность труда в простом и очевидном смысле этого слова. В силу стабильности расового типа, таков все еще его характер, в первую очередь и по существу, если не считать его усложнения привычками и традициями. Инстинкт мастерства перевел жизнь человечества с животного уровня на человеческий, и на протяжении всего последующего развития культуры он никогда не переставал присутствовать в творчестве человека. Но значительное усложнение обстоятельств и изменение мировоззрения последующих поколений, вызванные ростом институтов и накоплением знаний, привели к расширению сферы его применения, его канонов и логики до видов деятельности и конъюнктур, которые имеют мало заметное отношение к средствам существования.

ГЛАВА II

Заражение инстинктов примитивной технологией

Любое инстинктивное поведение подвержено развитию и, следовательно, модификации в силу привычки.¹⁷ Такое импульсивное действие, которое ни в коей мере не является разумным и поэтому не подвергается адаптации в результате привычного использования, не следует называть инстинктивным; его скорее следует классифицировать как тропизматическое. В этом отношении последствия привычки проявляются в поведении человека особенно далеко идущими. У человека инстинкты предписывают менее определенную последовательность действий и, таким образом, оставляют более открытое поле для адаптации поведения к обстоятельствам конкретного случая. Когда инстинкт предписывает не что иное, как конечную цель усилий, оставляя последовательность действий, с помощью которых следует приблизиться к этой цели, в некоторой степени вопросом открытых альтернатив, доля размышлений, осмотрительности и преднамеренной адаптации будет соответственно велика. Диапазон и разнообразие привыкания также соответственно расширяются.

И у человека, в силу того же факта, привычка приобретает скорее кумулятивный характер, поскольку привычные приобретения расы передаются из поколения в поколение посредством традиции, тренировки, воспитания или любого другого общего термина, который лучше всего может обозначить дисциплину привыкания, посредством которой молодые приобретают то, чему научились старики. Аналогичными средствами аналогичные элементы привычного поведения передаются из одного сообщества или одной культуры в другую, что приводит к дальнейшим осложнениям. Следовательно, в совокупности привычка создает обычаи, условности, предубеждения, сложные принципы поведения, которые лишь косвенно восходят к врожденным предрасположенностям расы, но которые могут влиять на развитие любого данного направления деятельности почти таким же образом, как если бы эти привычные элементы имели природу врожденных предубеждений.

Наряду с этим сводом производных стандартов и канонов поведения, передаваемых той же дисциплиной привыкания, идет совокупный свод знаний, состоящий частично из практического ознакомления с явлениями и по большей части из общепринятой мудрости, воплощающей определенные приобретенные пристрастия и предвзятые представления, существующие в сообществе. Мастерство основывается на накопленных таким образом знаниях, полученных и действующих в настоящее время, и использует их для решения проблем, связанных с материальными средствами к жизни. Все, что становится актуальным таким образом в качестве знания фактов, учитывается, насколько это возможно, и таким образом перерабатывается в обычную схему путей и средств, систему технологий, в которую включаются новые элементы информации или знакомства с природой и использованием вещей, ассимилируемые по мере их поступления.

Разработанная таким образом технологическая схема, применяемая в повседневной жизни, будет пригодна для текущего использования и будет иметь существенную ценность для дальнейшего повышения технологической эффективности, отчасти пропорционально тому, насколько знания, воплощенные таким образом в технологической практике, действительно носят фактический характер. Большая часть информации, полученной из опыта работы в промышленности, вероятно, носит такой прозаический характер; но большая часть знаний, используемых в технологических целях, также носит характер условностей, выводов и

достоверных мнений, к которым приходят на совершенно иных основаниях, чем личный опыт рабочего. Этот чужеродный массив информации, или псевдоинформации, входит в общую совокупность человеческих знаний так же свободно, как и любой другой факт, и поэтому он также обязательно воспринимается и ассимилируется в том технологическом оборудовании знаний и мастерства, с помощью которого должна выполняться текущая работа.

Но опыт, который дает это полезное и псевдополезное знание, приобретается под влиянием и руководством того или иного инстинкта, которым наделен человек, и принимает форму и цвет, придаваемые ему инстинктивными склонностями, на службе у которых он приобретает. В то же время, каким бы ни было его происхождение, приобретенные знания входят в совокупность информации, используемой для описания способов и средств изготовления. Следовательно, привычки, сформированные в любой области опыта под руководством любой данной инстинктивной предрасположенности, будут оказывать свое влияние на поведение и цели рабочего во всей его работе и развлечениях; так что прогресс в технических вопросах ни в коем случае не является результатом одного только чувства мастерства.

Отсюда следует, что во всей своей деятельности человеческие инстинкты, таким образом, постоянно подвергаются взаимному “заражению”, в результате чего на работу любого человека случайно влияют предубеждения и склонности, присущие всем остальным; и в той мере, в какой эти текущие привычки и обычаи таким образом усиливают предрасположенности, содержащиеся в каком-либо одном инстинкте или любой данной группе инстинктов, подчеркнутая таким образом предубежденность проникает в образ мыслей всех членов сообщества и вносит соответствующий уклон в технологическую основу сообщества. Так, например, пристрастие к магическим, суеверным или религиозным концепциям обязательно окажет свое влияние на концепции и логику, используемые в технологической теории и практике, и тем самым значительно снизит ее эффективность. Люди, очень склонные к пунктуальности и уважению к людям, в какой-то степени перенесут эти привычные пристрастия в область мастерства и позволят соображениям подлинности, личного веса и значимости решать вопросы технологической целесообразности; так что идеи, которые не имеют ничего, кроме предполагаемой эффективности, могут таким образом занять значительную долю в состоянии промышленного искусства. Народ, культура которого по какой-либо причине приобрела ярко выраженный принудительный (хищнический) характер, со строгими классовыми различиями, произвольным правительственным контролем, грозными богами и авторитетным духовенством, будет иметь свою промышленную организацию и свое промышленное искусство, приспособленные к требованиям и логике этих институтов. Такая институциональная ситуация накладывает большие и повсеместные ограничения на технологическую схему, в которой мастерство вступает в силу под ее властью, как напрямую, предписывая, что нужно делать, а также время, место и обстоятельства их выполнения, так и косвенно, через привычки мышления, сформированные у работающего населения, живущего под ее властью. Инновациям, использованию недавно приобретенных технологических достижений, в значительной степени препятствуют такие институциональные требования, которые продиктованы другими побуждениями, помимо чувства мастерства.

В известных низших культурах такие институциональные сложности, которые, как можно было бы ожидать, сильно затрудняют или отклоняют чувство мастерства, обычно не являются ни значительными, ни строгими, ни очевидными. Что-то подобное, по-видимому, всегда имеет место, например, в отношении обычных прерогатив и привилегий пожилых людей, а также их

опеки над молодым поколением и общими интересами группы.¹⁸ Когда это правило старшинства оформляется в такие устоявшиеся формы, как мужские (тайные) общества со строгими церемониями посвящения и классовыми табу,¹⁹ его влияние на повседневную жизнь часто бывает очень значительным, даже если в сообществе может быть мало того, что справедливо можно отнести к автократии, вождеству или даже аристократическому правлению. Во многих или во всех этих наивных и ранних проявлениях власти, и, возможно, особенно в тех культурах, где контроль принимает зачаточную форму обычной “геронтократии”,²⁰ его непосредственным результатом является то, что постоянное чувство подлинности проникает в рутину повседневной жизни, фактически препятствуя любым инновациям, будь то в способах работы или в образе жизни в целом. Контроль со стороны геронтократии, по-видимому, достигает своего наилучшего развития и осуществляется с наибольшей последовательностью и эффектом в сообществах, где значительная степень хищнической эксплуатации является обычным явлением, и готов и, по крайней мере, правдоподобен вывод, что этот институт по существу имеет хищническое происхождение, что принципы (привычки мышления), на которых он зиждется, являются результатом драчливости, самовозвеличивания и страха. В благоприятных условиях трений и зависти между группами эти склонности перерастут в институциональные привычки к авторитету и уважению, и до тех пор, пока результирующее осуществление контроля осуществляется по обычаю в классе старейшин, прямым следствием является заметное ослабление инициативы во всем сообществе и, как следствие, появление консерватизма и застоя в его технологической схеме, а также в обычных обычаях, под руководством которых живет сообщество.²¹ Таким образом, эти инстинктивные склонности, которые не имеют первостепенного значения на пути мастерства, могут сыграть очень важную роль в формировании технологической оснащенности группы идеями и в отвлечении чувства мастерства от наивного стремления к материальной эффективности.

Правление старейшин, по-видимому, было чрезвычайно распространено на ранних этапах развития культуры. Настолько, что это может быть даже признано наиболее характерной чертой высшей дикости и низшего варварства; принимает ли это тщательно институционализированную форму устоявшейся геронтократии, как среди австралийских чернокожих, с четко очерченными классовыми разделениями и привилегиями и постоянным подчинением женщин и детей; или более свободное традиционное правление старших, с определенной степенью почтения и осмотрительности со стороны молодого поколения и неопределенной общепринятой неполноценностью женщин и детей, как это наблюдается у язычников Малайского полуострова,²² эскимосы арктического побережья,²³ малорослые андаманские племена,²⁴ или, на несколько более высоком уровне, индейцы пуэбло юго-запада Америки.²⁵ Наглядные примеры такой зачаточной организации власти очень широко распространены, но сообщества, которые следуют такой наивной схеме жизни, обычно не являются ни крупными, ни могущественными, ни богатыми, ни привлекательными для общественности. Предполагается, что чувство аутентичности, которое пронизывает эти и подобные культуры, доходящее до определенного табу на инновации, во многом связано с особенно медленным развитием технологий среди диких народов. По-видимому, таково было преобладающее распространение фактов на протяжении всего каменного века во всех уголках Земли.

Не совсем ясно, какие врожденные предрасположенности в основном задействованы в этом примитивном социальном контроле, который в лучшем случае без помех развивается в

“геронтократию”. Очевидно, не может быть никаких сомнений в том, что его главной движущей силой является родительская склонность, выражающаяся в наивном импульсивном соблюдении общих интересов группы и опеке над подрастающим поколением. Но здесь, как и в других социальных отношениях личность-относительно настроений неизбежно вступают в игру; так что (в) опеки старейшин берет что-то в приказном тоне и смеси самостоятельно отвечает с их квази-родительской заботы, давая институциональных решений, которые делает молодое поколение прислуживают старшим, якобы для взаимопомощи и коллективного блага обеих сторон в отношении; (б) если хищный и воинственный подвиг в какой-то степени становится привычным для сообщества чувство собственной отвечает взял верх, и раболепие перед трудоспособных старейшин становится доминирующей нотой в этой связи опеки, и их заинтересованность родителей в благосостояние входящие поколения в соответствующей степени переходит в состоянии неопределенности, под давлением соответствующего настроения драчливость и рвачество, послужившие основанием для принудительного режима более или менее безжалостный характер; (с) соответственно, вместе с неутомимой настойчивостью на собственные прерогативы и коллективному усмотрению, со стороны старейшин, ходит, со стороны общества в целом, соответственно, привычный прием их выводы и прецеденты, которые они создали, в результате чего в универсальную зависимость от общих принципов абсолютной подлинности, без силы никуда способна разорвать по накопившихся прецедентов и табус. Даже правящий класс старейшин, являясь громоздким совещательным органом или исполнительным комитетом, удерживается парламентской инертностью, а также осмотрительным отношением к их предписывающим правам, к должному соблюдению обычного права. Общеизвестно, что сила прецедента особенно велика на низших уровнях культуры. Под властью старших уважение к прецеденту перерастает в застарелую привычку у молодежи, и когда в настоящее время наступает их очередь в качестве решающих старших, привычка уважать прецеденты, установленные теми, кто ушел раньше, все еще связывает их, и жизнь и мысль сообщества никогда не ускользнут от мертвой руки родителей.

Когда родительские наклонности превращены таким образом в институт контроля и скрещены с другими инстинктивными склонностями, которые создают государственную власть, очевидно, неизбежно, что они претерпят эту любопытную инверсию. В самых простых и бесхитростных терминах его функциональным содержанием, по-видимому, является бескорыстная забота о благополучии подрастающего поколения — стремление к наивысшей эффективности и полному объему жизни в группе с особым уклоном в будущее; так что, согласно его правилу, вопреки утверждению экономических теоретиков, будущим благам отдается предпочтение перед нынешними²⁶, а дочернему поколению отдается предпочтение перед родительским поколением во всем, что касается их материального благополучия. Но там, где чувства самоуважения, самодовольства и самоуничижения в значительной степени вступают в игру, как это неизбежно происходит в любой культуре, которая в значительной степени носит хищнический или принудительный характер, прерогативы правящего класса и принципы подлинного обихода становятся канонами истины и правильного образа жизни и в настоящее время берут верх над эффективностью труда и полнотой жизни группы. Это приводит к тому, что традиционные тесты достоверности в настоящее время накапливаются и все больше отклоняют и препятствуют наивному стремлению к эффективности, свойственной рабочим, в значительной степени за счет сокрытия тех фактов, которые сами по себе способствуют технологическому пониманию.

Но, подобно другим врожденным предрасположенностям, родительская склонность постоянно заявляет о себе в своем врожденном и необучаемом характере, как всегда стойкая забота о благополучии молодежи и предполагаемом благополучии группы. Как таковая, она постоянно используется для возрождения инстинкта мастерства и поддержания интереса к непосредственному стремлению к эффективности в образах и средствах жизни. Родительская склонность и чувство мастерства в этом стремлении к эффективности настолько тесно связаны и настолько совпадают, что обычно трудно угадать, какой из двух склонностей следует приписать большую или ведущую роль в любой данной линии поведения; хотя в целом эти две склонности, в конце концов, довольно различны в отношении их функционального содержания. Это полное и далеко идущее совпадение двух факторов, возможно, можно истолковать как означающее, что инстинкт мастерства - это в основном склонность добиваться целей, которые родительская склонность делает ценными.

По-видимому, именно эти две предрасположенности в совокупности осуществляли наибольший и наиболее последовательный контроль над тем ростом обычаев и общепринятых принципов, которые стандартизировали жизнь человечества в обществе и, таким образом, породили систему институтов. Этот контроль избирательно распространяется на весь спектр институтов, созданных привычным откликом на зов других инстинктов, и имеет эффект надзора, основанного на “здравом смысле”, который предотвращает превращение образа жизни в невыносимый клубок гротескных излишеств. То, что их надзор не всегда был решающим, вряд ли нужно специально напоминать; человеческая культура во все века представляет слишком много идиотских обычаев и принципов поведения, чтобы позволить кому-либо упускать из виду тот факт, что непригодные для использования институты легко возникают и продолжают занимать свое место, несмотря на неодобрение естественного здравого смысла. Избирательный контроль, осуществляемый над обычаями и использованием этими инстинктами полезности, не является ни слишком тесным, ни слишком настойчивым. Широкие, даже экстравагантные отклонения от простых предписаний этого врожденного здравого смысла происходят даже в узком кругу домашних и второстепенных гражданских институтов, где эти две обусловленные здравым смыслом предрасположенности должны совпадать, чтобы создать предписывающий обычай, направленный непосредственно на продолжение и благополучие расы. Соображения или, возможно, скорее общепринятые предубеждения, основанные на других основаниях, как, например, на основаниях суеверия или религии, приличия и аристократизма, финансовой или политической целесообразности, сыграли значительную роль в упорядочении институтов семейной и соседской жизни. И все же, несомненно, именно родительская склонность и чувство мастерства в сотрудничестве были первичными и постоянными факторами в (выборочном) формировании организации домашнего хозяйства у всех народов, какой бы большой ни была сила других факторов, инстинктивных и привычных, которые способствовали разнообразию результатов.

Таким образом, представляется, что до тех пор, пока родительская забота и чувство мастерства не побудят людей задуматься и исправить неосторожный ход вещей, рост институтов — обычаев, канонов поведения, принципов справедливости и пристойности, процесс кумулятивного привыкания, происходящий под действием движущей силы нескольких присущих человеку инстинктов, — обычно будет идти вразрез с удобством использования и чувством мастерства.²⁷

То, что так должно быть, заложено в природе вещей, как легко выяснится при размышлении. При данных обстоятельствах и под влиянием данной инстинктивной склонности данная линия поведения становится привычной и, таким образом, устанавливается путем использования и привычки в качестве принципа поведения. Приобретенный таким образом принцип или канон поведения занимает свое место среди привычных истин жизни в сообществе и передается по традиции. При дальнейшем проявлении тех же самых и других инстинктивных склонностей и при изменившихся обстоятельствах поведение в других, не связанных с этим направлениях будет отнесено к этому общепринятому принципу в качестве эталона, по которому оценивается его доброта и к которому приспосабливается все поведение, дающее результат, который связан с остротой случая только на втором этапе и по каналам привычки, которые имеют лишь условное отношение к данному случаю. Чем дальше продвигается этот способ скрещивания и прививки привычных элементов в разработке принципов и обычаев, тем больше будет масса и серьезнее будет усложнение материально не относящихся к делу соображений, присутствующих в любой данной линии поведения, тем более обширной и фантастической будет ткань условностей, которые обуславливают реакцию на любую из врожденных человеческих склонностей, и тем более “неуместной, некомпетентной и дерзкой” будет линия поведения, предписываемая привычкой. Кроме как прибегнув к чувству мастерства, невозможно избежать этого осложнения неумелости и неуместности, а прибегнуть к такому средству нелегко. Ибо предвзятость устоявшихся привычек способствует поддержанию институциональной структуры принятых изощренностей, а эти изощренности связаны в такую сеть взаимных уступок, что нарушение структуры в любой точке повлечет за собой более или менее серьезные нарушения во всем.

Эта совокупность привычных принципов и предубеждений является в то же время средством, через которое опыт получает те элементы информации и озарения, на основе которых мастера могут черпать изобретательные способы и средства и использовать их для учета жизненных потребностей. И общепринятые истины считаются в этой связи почти полностью препятствиями на пути к эффективности, свойственной рабочему. Мирская мудрость, понимание приличий и целесообразности человеческого общения, схемы табу, кровного родства и магической эффективности дают очень мало того, что можно эффективно использовать для достижения технологических целей. Опыт, приобретенный в результате привыкания под воздействием этих других склонностей и производных от них принципов, обязательно используется при изготовлении и, таким образом, входит в структуру технологической системы, но большая его часть имеет весьма сомнительную ценность для этой цели. Большая часть этого опыта противоречит целям мастерства, не только в том смысле, что предполагаемая информация, которую этот опыт приносит людям, имеет не что иное, как предполагаемую полезность, но также и в том смысле, что привычка ума, вызванная его дисциплиной, затемняет то понимание сути дела, которое необходимо для эффективности работы.

Но самое препятствующее нарушение, которое сопутствует мастерству, - это то, что можно назвать самоконтаминацией самого чувства мастерства. В особой степени это применимо к более ранним или элементарным фазам культуры, но остается верным лишь с уменьшающейся силой на протяжении последующего роста цивилизации. Помехи технологической эффективности из этого источника часто будут достигать значительных размеров даже в развитых сообществах, особенно там, где преобладают магические, религиозные или другие

антропоморфные привычки мышления. Об этой трудности говорили как об антропоморфизме, или анимизме, который является всего лишь более архаичным антропоморфизмом. Существенной чертой антропоморфных концепций, насколько это имеет отношение к настоящему аргументу, является то, что поведение, более или менее полностью соответствующее человеческому образу поведения, приписывается внешним объектам; являются ли эти внешние объекты фактами наблюдения или существами мифологической фантазии. Такой антропоморфизм обычно означает интерпретацию явлений с точки зрения мастерства, хотя он также может включать в себя гораздо большее, особенно на более высоких уровнях мифотворчества. Но более простые антропоморфные или анимистические верования, которые пронизывают повседневное мышление людей, обычно сводятся к немногим, если вообще к чему-то большему, чем наивное вменение в наблюдаемые факты склонности к труду. Считается, что внешние объекты что-то делают; или, скорее, считается, что их видят совершающими какие-то действия.

Причина такого приписывания поведения внешним вещам проста, очевидна и близка для понимания всеми людьми; на самом деле, настолько, что нелегко допустить, чтобы ее рассматривали в перспективе и оценивали с какой-либо точки зрения, подобной ее действенной силе. Все факты наблюдения обязательно рассматриваются в свете привычки наблюдателя мыслить, и самая сокровенная и укоренившаяся из его привычек мышления - это опыт его собственной инициативы и усилий. Именно к этой “апперцептивной массе” в конечном итоге отсылаются объекты апперцепции, и именно в терминах этого опыта окончательно берется их оценка. Ни один психологический феномен не является более знакомым, чем это повсеместное “личностное уравнение” в восприятии людьми любых фактов, попадающих в поле их наблюдения.

Чувство мастерства подобно всем человеческим инстинктам в том отношении, что, когда представится случай, агент, движимый своим импульсом, не только выполняет последовательность действий, соответствующую инстинктивной цели, но он также склонен более или менее сентиментально останавливаться на объектах и действиях, к которым его внимание привлечено побуждениями этой инстинктивной склонности. В той мере, в какой им движет инстинкт мастерства, человек созерцает объекты, с которыми он соприкасается, с точки зрения их значимости для скрытых результатов, их способности повлиять на последующий результат. Обычное занятие с представлениями о труде, — а в низших культурах все мужчины и женщины обычно так заняты, поскольку нет ни одного значительного класса или времени года, не занятого поиском средств к существованию, — это занятие с интересами рабочего, направляющее внимание в сторону явлений, присущих труду, несет с собой привычное мышление в терминах, в которых работает логика мастерства. Факты наблюдения воспринимаются как факты мастерства, а логика мастерства становится логикой событий. Их понимание в этих терминах легко, поскольку оно задействует способности апперцепции и отражения, которые уже активны и легки благодаря привычному использованию, и оно ассимилирует факты в апперцептивной системе отношений, которая также готова и удовлетворительна, убедительна благодаря привычному обслуживанию и врожденной склонности к этой линии систематизации. Благодаря инстинкту и привычке наблюдаемые явления воспринимаются с этой (телеологической) точки зрения, и они интерпретируются путем систематизации в терминах такого инстинктивного стремления к какой-то рабочей цели. На современном психологическом жаргоне человеческое знание носит “прагматический” характер.

Как все люди обычно действуют под руководством инстинктов и, следовательно, в силу чувства инстинктивно стремятся к какой-то цели во всей деятельности, так и объекты, с которыми приходится иметь дело первобытному рабочему, также понимаются как действующие под влиянием импульса инстинктивного рода; и склонность, телеологическая или прагматическая природа, в некоторой степени приписывается им и, естественно, принимается как составная часть их постигаемого устройства. Предполагаемая прагматическая склонность, врожденная во внешних вещах, приходит таким образом к тому, что передается как наблюдаемый факт. В силу чувства мастерства внешние объекты в значительной степени воспринимаются в отношении того, что они будут делать; и их наиболее существенная характеристика, следовательно, их внутренняя индивидуальная природа, поскольку они воспринимаются как индивидуальные сущности, заключается в том, что они будут что-то делать.

В понимании их рабочими природа вещей двояка: (а) что можно сделать с ними как с сырьем для использования под творческой рукой рабочего, который создает вещи, и (b) что они будут делать как сущности, действующие самостоятельно и достигающие своих собственных целей. Первое является фактом, второе - предметом вменения; но и то, и другое одинаково, и в наивном понимании не критичных людей оба в равной степени являются фактами наблюдения и элементами объективного знания. Эти два изделия, конечно, имеют очень неодинаковую ценность для целей изготовления. Должно показаться, по крайней мере, при первом знакомстве с этим различием, что только первая категория может эффективно способствовать повышению эффективности труда, и поэтому она должна быть единственным существенным фактором роста технологической проницательности и мастерства: в то время как последняя категория знаний, по-видимому, всегда была непреодолимым препятствием для эффективной работы и технологического прогресса. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в прошлом такого не было: будет ли такая явная дискриминация в отношении технологической пригодности всех этих предполагаемых фактов уместна в современной цивилизации - это вопрос, который, возможно, лучше всего оставить на усмотрение сторон, заинтересованных в "прагматических" и телеологических спорах.

Эти две категории знания, или *познания*, конечно, несовместимы и кажутся несовместимыми, когда применяются к одним и тем же явлениям, к одним и тем же внешним объектам. Но такое несоответствие не беспокоит никого, кто довольствуется тем, что принимает факты за чистую монету, — ибо оба способа восприятия фактов в равной степени даны в номинальной стоимости воспринимаемых фактов. И на известных более низких уровнях культуры оказывается, что в восприятии рабочим фактов, с которыми ему приходится иметь дело, нет явного напряжения из-за этой двоякой природы и двоякой интерпретации объектов познания. Так, например, гончарша (женщина) из пуэбло может (предположительно) осознавать определенные врожденные, квазидуховные, прагматичные качества, притязания и склонности, присущие лично глиняным пластикам, из которых извлекается ее сырье: разные глиняные пластики, без сомнения, обладают несколько иной квазиличностью, что, среди прочего, связано с качеством сырья, которое они предоставляют. Даже глина в руках будет иметь свои прагматические особенности, которые следует должным образом учитывать; и, что примечательно, готовый горшок - это существо со своей собственной историей жизни и темпераментом, судьбами и фатальностями, которые составляют сущность добра и зла в его мире.²⁸ Но все это не оказывает заметного влияния на технологию гончарного искусства пуэбло, за исключением соблюдения последовательности церемоний, которые могут сопровождать технологический процесс; и это явно не влияет на использование горшка

человеком в течение всего срока его службы, за исключением того, что прагматическая природа данного горшка будет определять, исходя из церемониальной компетентности, для какого использования он может быть использован.²⁹ Факты и предположения идут бок о бок в неразрывном контакте, но с небольшим кажущимся взаимным вмешательством по всей линии. Гончар выкапывает свою глину так хорошо, как она научилась, и это вопрос эффективности работы, при которой эмпирическое знание механических свойств материала очень эффективно сочетается с натренированным мастерством гончара по произвольному использованию своих инструментов; инструменты, конечно, также имеют свои (предполагаемые) особенности темперамента, но они используются в ее руках в некритическом соответствии с теми прозаическими законами физики, которые она изучила. Глину промывают, замешивают и темперируют с таким же тщательным учетом непрозрачных фактов, известных о глине благодаря длительному обращению с ней. Какой и в каком количестве лучше всего использовать темперирующий материал и как с ним работать, все это может иметь неясное объяснение в более тонких предполагаемых свойствах глины; определенная глина может иметь предполагаемое квазидуховное сродство с определенным темперирующим материалом; но работа по отбору и смешиванию проводится с пристальным вниманием к механическому характеру материалов и без сомнения в том, что данные материалы определенным, эмпирически установленным образом будут реагировать на давление, оказываемое на них руками гончара, и без сомнения в том, что такие-то и такие-то манипуляции смешают их. Такое-то количество темперирующего материала с заданным количеством глины. Глина “подобна воску в ее руках”; то, что из нее получается, является результатом ее проницательности и мастерства. Тем не менее, прагматическую природу всех этих материалов, рассматриваемых как отдельные сущности, никогда нельзя отрицать, и в тех отношениях, в которых она творчески не проектирует, не манипулирует и не конструирует творение своих рук, его предполагаемая самодостаточность существования, значения и склонности признается сама по себе незыблемой.

Технологическая эффективность основывается на знании фактов, в отличие от знания черт, приписываемых внешним объектам при знакомстве с ними. Следовательно, каждый существенный прогресс в технологическом мастерстве обязательно добавляет что-то к этой совокупности непрозрачных фактов, и с каждым таким прогрессом пропорционально меньше поведения неодушевленных предметов будет интерпретироваться в терминах предполагаемой склонности к труду или телеологии. В то же время приписывание телеологического значения или склонности к работе внешним фактам, которые используются, вероятно, примет более осмотрительную, изобретательную и идеализированную форму. В условиях, обуславливающих растущее технологическое мастерство, существует постоянно растущая необходимость избегать конфликта между предполагаемыми чертами внешних объектов и теми фактами их поведения, которые постоянно проявляются при их технологическом использовании. Следовательно, поскольку простое и непосредственное вменение рабочего самонаправления явно проявляется в фактах повседневного использования, его место будут занимать более темные антропоморфные силы, которые, как предполагается, продолжают свою жизнь и работу в некоторой степени отстраненно от рассматриваемых материальных объектов, и этим антропоморфным силам, которые так незаметно лежат на фоне наблюдаемых фактов, будет отводиться все большая и большая доля требуемой инициативы и самонаправления. Ибо человечеству с его инстинктивным чувством мастерства настолько чуждо превращение грубого творения в простую непрозрачную обыденность, и настолько неопровержимо утверждает себя

“сознание своего рода”, что каждый последующий отказ от такого предполагаемого пристрастия к мастерству в отношении конкретных объектов пытаются искупить, отодвигая вменение дальше на задний план наблюдаемых явлений и описывая их предполагаемую склонность к мастерству в более законченных антропоморфных терминах. Таким образом, анимистическая концепция³⁰ вещей в настоящее время дополняет и частично вытесняет более наивное и непосредственное вменение мастерства, приводя к дальнейшему и более сложному мифотворчеству; пока в ходе разработки и утончения не может возникнуть монотеистический и провиденциальный Творец, пребывающий в бесконечно удаленном, но вездесущем пространстве четырех измерений.

Это обвинение в предвзятости и инициативности, несомненно, утратило почву среди цивилизованных сообществ в противовес прозаическому восприятию вещей, так что там, где оно когда-то было основным источником знаний, теперь считается, что оно живет и движется только в пределах того, что еще не охвачено прозаической информацией, - по крайней мере, так считается в тщеславном скептицизме западной культуры. Между тем следует отметить, что склонность приписывать внешним фактам предубеждение рабочих не была утрачена и не вышла из строя даже среди адептов западного скептицизма. С одной стороны, это все еще позволяет современному ученому обобщать свои наблюдения с точки зрения причинно-следственной связи,³¹ а с другой стороны, это сохранило жизнь Бога Отца по сей день. Именно как творческий работник, Великий Искусник, он предпринял свою последнюю попытку противостоять силам духовного сумрака.

Из более простого повседневного знакомства с сырьем и процессами, используемыми в промышленности, в низших культурах не возникает общепризнанной системы знаний как таковой; хотя во всех известных примерах таких низших культур промышленное искусство приобрело систематический характер, который часто приводит к определенным, обширным и сложным технологическим процессам, а также к ручному и иному технологическому обучению; и то, и другое обязательно включает что-то вроде элементарной теории механики, систематизированной на основе фактов, а также практической рутины эмпирических путей и средств. В низших культурах рост этого массива непрозрачных фактов и его систематической связности является просто обычным ростом технологических процедур. Рассматриваемое как познание вещей, оно прозаично и непривлекательно; оно не очень привлекает человеческое любопытство, поскольку само по себе едва ли интересно, а только для того, чтобы из него можно было извлечь пользу. Его факты не освещены тем духовным огнем прагматической инициативы и склонности, который оживляет те же явления, если рассматривать их в свете предполагаемого рабочего поведения и таким образом интерпретировать в терминах поведения. С другой стороны, когда явления интерпретируются антропоморфно, они наделяются “человеческим интересом”, который привлечет внимание всех людей во все века, о чем свидетельствует всемирная склонность к мифотворчеству.

Такое анимистическое приписывание цели и стремления фактам наблюдения ни в коем случае не будет охватывать всего понимания людьми фактов. Это вопрос вменения, а не прямого наблюдения; и даже с самым анимистически воспринимаемым объектом всегда связана грань непрозрачного факта. Это неизбежно имеет место. Анимистическая концепция приписывает своему субъекту склонность к работе, и такое вменение обязательно подразумевает, что в качестве агента рассматриваемый объект участвует в чем-то вроде технологического процесса, в подобном рабочему манипулировании, при котором он проявляет свою волю к сырью, на

которое расходуются его рабочая сила и мастерство. Мастерство включает в себя сырье, и в том отношении, в котором это сырье пассивно преобразуется в соответствии со своими целями посредством манипуляций рабочего, оно не считается активно преследующим свои собственные цели по собственной инициативе. Таким образом, в силу логики мастерства вменение рабочей (анимистической) склонности к грубым фактам само по себе предполагает предположение о грубой неодушевленной материи как корреляте предполагаемого рабочего агента. Следовательно, антропоморфная фантазия первобытного рабочего никогда не сможет довести телеологическую интерпретацию явлений до такой завершенности, но в его восприятии всегда будет оставаться инертный остаток обыденности. Существенные факты никогда не перестают быть, в разумных пределах, сырым материалом, хотя границы могут быть несколько расплывчатыми и изменчивыми. И этот остаток грубой прозаичности растет и приобретает согласованность с опытом и всегда остается готовым к руке рабочего, чего бы он ни стоил, не преувеличенный и не облагороженный антропоморфной интерпретацией.

Анимистические, или, лучше, антропоморфные, элементы, включенные таким образом путем вменения в восприятие вещей здравым смыслом, сойдут в основном за факты наблюдения. С течением времени и накоплением опыта это может при благоприятных условиях перерасти в развитую анимистическую систему и обрести достоинство мифа и, в конечном счете, теологии. Но поскольку он играет свою роль в более грубом использовании технологий, его распространенной и наиболее препятствующей формой является зачаточный анимизм или антропоморфный уклон, о которых говорилось выше. Оказывая влияние на технологическую эффективность, она обычно в большей или меньшей степени искажает имеющиеся факты. Само по себе фактическое знание послужит пользе мастерства, поскольку мастерство эффективно только в той мере, в какой его результатом является практическая работа. Любые высшие и более тонкие потенции, обнаруживаемые в фактах, которыми занимается мастер, или приписываемые им, могут лишь отвлекать и сводить на нет его усилия, поскольку они приводят его к методам и приемам, которые имеют лишь предполагаемый эффект.

* * * * *

Эта препятствующая сила антропоморфной интерпретации явлений ни в коем случае не одинакова во всех сферах деятельности. Трудности, по крайней мере в прежние времена, кажутся наибольшими в тех областях ремесла, где рабочий имеет дело с механическими, неодушевленными силами — простейшими с точки зрения грубой конкретности и наименее поддающимися последовательной интерпретации в анимистических терминах. В то время как человека традиционно отличают от грубого создания как “животное, использующее орудия труда”, его ранний прогресс в разработке и использовании эффективных инструментов, если брать это слово в его исконном значении, по-видимому, продвигался очень медленно, как абсолютно, так и в противоположность тем направлениям мастерства, в которых он мог отстаивать свою точку зрения с помощью ловкости рук, без помощи хитроумно сконструированных орудий и механических приспособлений;³² и еще более разительным является контраст между невероятно медленным развитием культуры дикарей с завязанными глазами, показанный в последовательности тех типичных каменных орудий, которые служат традиционно в качестве ориентиров ранней технологии, с одной стороны, и сопутствующих достижений тех же народов каменного века в одомашнивании и использовании растений и животных, с другой стороны.

Ни один человек не может с уверенностью предположить, сколько времени и какой объем опыта потребовался для развития технологических знаний и мастерства вплоть до того момента, когда в европейской предыстории начался период неолита. Что касается продолжительности, то было сочтено удобным подсчитывать ее примерно в единицах геологического времени, где тысяча лет равна одному дню. Попытки свести его к таким единицам, как столетия или тысячелетия, до сих пор не привели ни к чему заметному. При нынешнем состоянии информации по этому разделу, несомненно, можно с уверенностью предположить, что интервал между началом человеческой эры и завершением палеолита, скажем, в Европе или в рамках культурной последовательности, к которой принадлежит Европа, следует рассматривать как некоторое кратное интервалу, прошедшему от зарождения неолитической культуры в Европе до настоящего времени;³³ а сам период неолита, в свою очередь, несомненно, был более длительным, чем история Европы с момента появления бронзы.³⁴

Серия каменных орудий, найденных в отложениях эпохи палеолита, демонстрирует предельный охват технологии эпохи палеолита с ее механической стороны, с точки зрения простого рабочего мастерства в обращении с грубой материей; поскольку эти орудия являются инструментами мастеров той технологической эпохи. Они указывают на конечные условия технологической ситуации в области механики, поскольку ремесленник, работающий с более скоропортящимися материалами, не мог продвинуться дальше, чем позволяли ему эти первичные элементы технологического оборудования.

Строгое ограничение, налагаемое на технологию любой культуры, на ее механическую сторону, "состоянием промышленного искусства" в отношении доступных первичных инструментов и материалов, независимо от того, является ли доступность вопросом знаний или материальной среды, иллюстрируется, например, примером эскимосов, индейцев северо-западного побережья или некоторых островов Южного моря. В каждой из этих культур, возможно, особенно в эскимосской, технологическое мастерство достигло той степени, насколько позволяли обстоятельства данного случая, и в каждом случае решающими обстоятельствами, ограничивающими масштабы и диапазон изготовления, являются характер основных инструментов изготовителя инструментов и пределы его знаний о механических свойствах материалов, имеющихся в его распоряжении для такого использования. Эскимосская культура, например, является совершенной в своем роде, выработанной до последней степени мастерства, возможной признанию эскимосом тех материалов, от которых он зависел при изготовлении своих основных орудий труда и которые он мог использовать в качестве сырья для своей промышленности. В то же время эскимос показывает, насколько значительная надстройка вторичных механических искусств может быть возведена на скудном фундаменте первичных механических ресурсов.³⁵

В свете такого знакомого примера, как эскимосская или полинезийская культура, очевидно, что в случае, например, европейского каменного века, очень многое должно быть разрешено для работы со скоропортящимися материалами, которые исчезли; но после всех допущений такого рода показ человека эпохи палеолита не является чем-то примечательным, учитывая достаточное количество отпущенного ему времени, а также принимая во внимание, что, по крайней мере, в Европе он по природным дарованиям ничуть не уступал некоторым расовым элементам, которые все еще сохранились в существующем населении и которые, как известно,

не плохо обеспечены ни в физическое или интеллектуальное уважение. И то, что верно для времен палеолита в отношении коренного характера этого населения, в более выраженной степени верно для более поздних доисторических времен.³⁶

Очень умеренные темпы технического прогресса в ранние времена в области механики выделяются более разительно, когда их сопоставляют с тем, что было достигнуто в тех искусствах или, скорее, в тех профессиях, которые имеют непосредственное отношение к живой материи. Например, некоторые культурные растения, а в настоящее время и некоторые домашние животные, появляются в Дании в конце периода кухонных навозов, который приходится на ранний каменный век датского летоисчисления, то есть на раннюю часть периода неолита, если считать с точки зрения европейской хронологии в целом. Таким образом, это улучшенные породы растений и животных, очень заметно отличающиеся от своих диких предков, что свидетельствует не только о проницательности и последовательном руководстве в разведении этих одомашненных рас, но и о продолжительном и разумном использовании этих элементов технологического оборудования, в течение которого природа и применение растений и животных, взятых для одомашнивания, должны были быть в достаточной степени поняты и использованы с пользой, в то же время, когда осуществлялся профессиональный отбор и размножение благоприятных вариаций. Небольшое размышление о том, что подразумевается под успешным содержанием, использованием и усовершенствованием нескольких рас культурных растений и домашних животных, покажет, что эта сторона материальных достижений народов, работающих на кухонной помойке, достаточно резко контрастирует с их обтесанными кремневыми орудиями и степенью понимания механики и мастерства, на которые указывают эти орудия.

На этот датский иллюстративный пример, конечно, можно возразить, и с некоторыми очевидными основаниями, что эти растения и животные, которые начинают появляться в состоянии одомашнивания в кухонных отбросах и которые в настоящее время являются основными средствами существования населения позднего каменного века, были завезены в домашнем виде извне; и что это технологическое достижение было продуктом другой и более высокой культуры, чем та, в которую они были таким образом вторгнуты. Возражение будет иметь всю возможную силу; факты, без сомнения, по существу таковы, как они изложены. Однако одомашнивание и использование этих рас растений и животных воплощало не менее значительное мастерство рабочего в решении своей технологической задачи, где бы она ни решалась, будь то в Дании — что по меньшей мере крайне маловероятно — или в Туркестане, что вполне могло иметь место. И успешное внедрение земледелия и скотоводства среди народов, населяющих кухонные помойки, из более высокой культуры, без сопутствующего внедрения соответствующих достижений в механическом искусстве из того же источника, оставляет силу аргумента примерно такой, какой она была бы в отсутствие этого возражения. Сравнительная трудность овладения искусствами механики по сравнению с искусством земледелия предстала бы во многом в одинаковом свете, независимо от того, проявлялось ли это в относительно медленном овладении этими искусствами в результате внутреннего роста технического мастерства или в относительно запоздалом и неумелом заимствовании их извне. Насколько это касается настоящего вопроса, во многом одни и те же привычки мышления проявляются при приобретении такого технологического достижения, происходит ли это за счет роста собственного производства или за счет заимствования извне. В любом случае суть в том, что народы, населявшие кухонные помойки, по-видимому, были менее способны научиться использованию полезных механических приспособлений, чем овладеть технологией обработки

почвы и скотоводства. Появление земледелия и скотоводства (“смешанного земледелия”) в этот период датской предыстории без сопутствующего появления чего-либо похожего на аналогичный технологический прогресс в механическом искусстве утверждает либо (а), что в культуре, из которой в конечном итоге было заимствовано земледелие и в которой было достигнуто одомашнивание, в то же время не было достигнуто столь же существенного прогресса в механическом искусстве, так что эта культура, из которой культурные растения и животные первоначально попали на Север Европы, не имела соответствующего механического прогресса, который можно было бы предложить наряду с земледелием; или (b), что народы, работающие на кухонных помойках, и другие народы, через руки которых прошло искусство земледелия по пути на Север, не могли в такой же степени воспользоваться тем, что предлагалось им в первичных механических искусствах. Известные свидетельства, по-видимому, говорят о том, что видимая отсталость в механическом искусстве по сравнению с земледелием в доисторической Дании была обусловлена частично одной, частично другой из этих трудностей.

Чтобы избежать путаницы и неправильного понимания, возможно, уместно напомнить, что, взятые абсолютно, темпы и масштабы прогресса в области начального механического искусства в Дании в то время были очень значительными; действительно, настолько, что видимый абсолютный выигрыш в этом отношении настолько глубоко тронул воображение изучающих эту культуру, что позволил им не замечать несоответствия с точки зрения темпов роста между механическим искусством и земледелием. В этой же связи следует также отметить, что вся неолитическая культура кухонных навозов, а также их земледелие были завезены извне Европы и были выработаны в своих ранних зачатках еще до того, как народы, занимавшиеся кухонными навозами, достигли Балтийского побережья. В то же время сырье для механического искусства неолитической культуры было доступно технологам-навозникам в изобилии и непревзойденного качества; в то время как сырье для земледелия, культурные растения и домашние животные, были экзотикой. Далее, с точки зрения расы и, следовательно, предположительно, с точки зрения врожденных способностей, народы Балтийского побережья в то время представляли собой по существу ту же смесь культур, которая в наше время довела технологию механического искусства в Западной Европе и ее колониях до уровня мастерства, к которому никогда не приближались ни раньше, ни где-либо еще. И отсталость в механическом искусстве по сравнению с земледелием в Дании эпохи неолита не больше, а возможно, и меньше, чем в любой другой культуре с таким же общим уровнем эффективности.

Где бы ни был сделан этот шаг, в одном или в нескольких местах, и каковы бы ни были особые обстоятельства, сопутствовавшие одомашниванию и раннему использованию культурных растений и животных, в итоге получается примерно один и тот же результат. На протяжении долгих веков работы и развлечений мужчины (возможно, в первую очередь женщины) осваивали сложные и деликатные ремесла земледелия и довели свое мастерство в этих занятиях до такой степени мастерства, и следовали примеру, данному этими призваниями, с таким успехом, что к (геологической) дате раннего неолита в Европе были завезены практически все виды домашних животных на трех континентах, которые были выведены в улучшенные расы.³⁷ В то же самое время ведущие культурные растения старого света, те, от урожая которых сегодня зависит жизнь западных народов, были выведены из культивирования, улучшены и специализированы с таким эффектом, что весь прогресс, достигнутый в этих отношениях с раннего неолита, значительно уступает тому, что было достигнуто до того времени. Ко временам раннего неолита, если считать по Западной Европе, или к раннему

бронзовому веку, если считать по Западной Азии, ведущие домашние животные были распространены в виде одомашненных и улучшенных пород по всей центральной и западной Азии, а также в населенных регионах Европы и Северной Африки. То же самое верно и для основных культурных растений, которыми сейчас питаются народы Запада, за исключением того, что они в виде одомашненных и специализированных пород были распространены по всему этому культурному региону значительно раньше — на несколько тысяч лет раньше.³⁸ В позднем новом времени к культурным растениям цивилизованного мира добавился очень большой и важный контингент, одомашнивание и развитие которых происходило в Америке и регионах Тихого океана; хотя большинство из них относятся к низким широтам и по этой причине менее доступны западной культуре, чем то, что дошло от доисторических культур старого света. Это также произведения каменного века, в значительной степени, без сомнения, относящиеся ко временам палеолита.

Америка, наряду с культурными регионами Полинезии и Индонезии, демонстрирует корреляцию и систематическое расхождение во времени между скоростью, размахом и величиной прогресса в обработке почвы, с одной стороны, и первичным механическим искусством - с другой. Когда эта культура была прервана, в механическом отношении она достигла продвинутой фазы неолита в лучшем виде; но ее достижения в области культурных растений, возможно, следует оценить как непревзойденные по сравнению со всем, что было сделано в других местах за все время.³⁹ В первичных механических искусствах этот культурный регион в то же время достиг стадии совершенства, сравнимой в лучшем случае с додинастическим Египтом, или неолитической Данией, или доминойским Критом. По-настоящему большой прогресс был достигнут в селекции, улучшении, использовании и культивировании культурных растений; и не в сколько-нибудь заметной степени даже в механических приспособлениях, используемых при выращивании и потреблении этих культур; хотя в этом последнем отношении следует отметить нечто значительное в таких изобретениях, как соковыжималка для мандиоки и метат; и большие успехи были достигнуты в области орошения и строительства дорог.⁴⁰ Но контраст, например, между метатом и приспособлениями для приготовления бумажного хлеба, с одной стороны, и технологически совершенным растением кукурузы (маис), с другой, должен быть решающим для рассматриваемого здесь вопроса. Механические приспособления для возделывания кукурузы не продвинулись дальше палки-копалки, грубой мотыги и рудиментарной лопаты, хотя здесь, как и в других подобных случаях, не следует упускать из виду местное использование хорошо продуманных ирригационных сооружений, террасных полей, ⁴¹ и зернохранилищ; но сама кукуруза была перенесена из своей травоподобной прародительской формы в кукурузу нынешнего урожая кукурузы. Как и большинство американских культурных растений, кукуруза, подвергавшаяся селекционному выращиванию, была настолько далека от своей дикой формы, что у нее больше не было шансов выжить в диком состоянии, и даже настолько далеко, что до сих пор остается предметом споров о том, каким мог быть ее дикий предок.

Возможно, расы этого американо-полинезийского региона одарены какой-то особой степенью духовной (инстинктивной) пригодности к разведению растений. Они, по-видимому, наделены особой склонностью сочувственно отождествлять себя с природными явлениями и терпеливо ожидать их развития, возможно, особенно явлений живой природы, которые никогда не кажутся индейцу чуждыми или непонятными. Таково, по крайней мере, последовательное предположение, содержащееся в их мифах, легендах и символике. Типичная американская космогония - это сплетение легенд о плодovitости и росте, даже в большей степени, чем, по-

видимому, свойственно примитивным космогониям в других местах.⁴² И все же некоторая осторожность при принятии такого обобщения необходима ввиду, например, мифологической продукции аналогичного характера на средиземноморском побережье в ранние времена. По врожденному дарованию индеец является “подделывателем природы”, склонным к неограниченному антропоморфизму. Механическая, прозаическая оценка внешних и материальных явлений кажется в особой степени трудной, неуместной и несовместимой с гениальностью расы. Но даже если кажется, что эта раса или группа рас особенно склонна к такой сочувственной интерпретации природных явлений с точки зрения человеческих инстинктов, разница между ними и типичными расовыми группами старого света в этом отношении, в конце концов, разница в степени, а не в природе. Подобная склонность хорошо видна повсюду, где бы какая-либо раса людей ни пыталась привести свое знакомство с явлениями природы в систематическую форму. Связующим звеном при создании систем, будь то космологические, мифические, философские или научные, была какая-то предполагаемая черта или черты характера человека. Возможно, что в своем восприятии фактов и создании систем американские расы в силу какого-то особого врожденного дара были склонны к интерпретации в терминах плодородия, роста, воспитания и жизненных циклов.

* * * * *

Любая предрасположенность свободно принимать и использовать результаты чувственного восприятия по собственному признанию, просто в терминах, в которых они представлены, и соединять их в систему знаний в их собственных терминах, без вменения духовного (антропоморфного) субстрата, — для целей мастерства такая предрасположенность должна иметь первостепенное значение для эффективной работы в механических искусствах; и сильное инстинктивное предубеждение к обратному должно быть соответственно пагубным. Любая инстинктивная склонность приукрашивать, искажать и искажать факты путем приписывания элементов человеческой природы неизбежно будет препятствовать агенту и отвлекать его от эффективного стремления к механическому дизайну. Но подобное не верно в той же степени, что и в отношении отношений людей с живой природой. Антропоморфная интерпретация более уместна здесь и менее бесполезна. При менее серьезном искажении объективных результатов растения и животные могут быть истолкованы как имеющие сознательную цель в жизни и преследующие свои цели в некоторой степени по-человечески; посмотрите на легкость, с которой рассказчики пересказывают правдоподобные эпизоды (вымышленные или реальные) из жизни животных и растений, и на готовность, с которой такие истории находят отклик. Читатели и слушатели не испытывают больших трудностей, если таковые имеются, в придании сказкам правдоподобия, при условии, что они повествуют только о таких приключениях, которые физически возможны для животных, о которых (о ком?) Им рассказывается; слушатели всегда готовы отправиться с рассказчиком по этой дороге выдумок в страну недочеловеческих сказок. Механические явления, события в механическом искусстве, характеристики существования неодушевленных предметов и изменения, которым они подвергаются, оказывают гораздо менее благоприятное воздействие на выдумку антропоморфного рассказчика. Эпизоды из вымышленной истории жизни инструментов, машин и сырья не повторяются с такой же частотой, и рассказы, в которых они рассказываются, не привлекают такого же неустанного внимания. В них всегда есть какая-то нереальность, которую даже самая стойкая выдумка может преодолеть лишь на короткий и сомнительный промежуток времени.

Обратите внимание на относительную скудость примитивных народных сказок с этой неодушевленной стороны по сравнению с изобилием мифов и легенд, которые интерпретируют жизнь растений и животных; и там, где неодушевленные явления втягиваются в сети персонализации, почти неизбежно случается, что вымышленный персонаж оказывается на переднем плане сказки, чтобы правдоподобно взять на себя роль носителя, управляющего или интригана в связанных эпизодах.⁴³

Еще в большей степени для той же цели, демонстрируя ту же коварную возможность антропоморфной интерпретации, служат добросовестные построения ученых и псевдоученых, основанные на вменении цели и обдумывании объяснения поведения животных. Действительно, в худшем случае, и все же добросовестно, это может зайти так далеко, что будет приписано какому-то квазисознательному стремлению со стороны растений.⁴⁴ Самый хороший и умеренный пример такого антропоморфного приписывания способностей к труду, какой только можно найти, дает, например, работа Романеса о поведении животных.⁴⁵ Это показывает, насколько правдоподобно можно приписать некоторым из низших животных эти духовные способности и насколько далеко и обоснованно может быть сделано такое вменение, чтобы послужить целям ученого. Этот антропоморфизм действительно настолько правдоподобен, что разоружает даже скептицизм опытного скептика. В дальнейшем ходе этого исследования также выяснится, что антропоморфизм, и особенно приписывание мастерства, играли гораздо большую роль в работе ученых, чем представители этого ремесла хотели бы признать; так что научное использование антропоморфной фантазии ни в коем случае не является уникальным отличием Романеса и большой группы или школы биологов, для которых типична его работа; и наличие этой предвзятости в их работе никоим образом не лишает ее научной ценности. На самом деле, это, по-видимому, затрагивает суть их объективных результатов гораздо менее серьезно, чем можно было бы предположить.

На страже современного ученого - скептицизм и осторожность; и то, к чему его может принудить слишком широкое сознание своего рода, дикарь делает добровольно, вопреки себе, радостно и убежденно. Его мерой того, что он видит вокруг себя, является он сам, и его понимание того, что происходит, - это понимание того, как подобные вещи совершались бы в ходе человеческого поведения, если бы они были физически возможны для человека. Мужчина (чаще, возможно, женщина), который занимается разведением растений и животных, с сочувствием соприкоснется с их склонностями с такой степенью близости и уверенности, к которой никогда не приближались последователи Романеса. Именно он должен руководствоваться здравым смыслом и следовать течению и особенностям этих других, которые таинственным образом лишены дара речи. Недвусмысленно руководимый антропоморфной фантазией, он ставит себя на место своего подопечного, своего друга-животного или растительного происхождения и двоюродного брата и может таким образом узнать кое-что о том, что происходит в воображаемом разуме растения или животного, терпеливо наблюдая за тем, что выявляется в ответ на его внимание в ходе его совместной жизни с ними. Растение или животное явно что-то делает, и отсюда следует вопрос: почему эти лишенные дара речи другие делают то, что их видят? — вещи, которые часто не входят в круг желаемых достижений, говоря человеческим языком. Очевидно, что эти нечеловеческие другие стремятся к другим целям и добиваются их иными способами, чем человек. Некоторые из объективных результатов, достижение которых заложено в их природе при такой разработке своего образа жизни, полезны для их человеческих собратьев; и само собой разумеется, что, когда к ним относятся по-доброму, когда человек прилагает усилия для достижения их

жизненных целей, они задумаются и ответят тем же. Если перевернуть это предположение, то те вещи, которые, как люди находят методом проб и ошибок, приносят хорошую отдачу от лишившихся дара речи других, явно хорошо воспринимаются ими и, очевидно, должны соответствовать их наклонностям и служить их наклонностям; а благоразумие и товарищеские чувства в сочетании ведут людей дальше по пути, указанному при каждом движении в благоприятном направлении.

Для неискушенного — и даже для искушенного скептика — очевидно, что одушевленные объекты что-то делают. То, к чему они стремятся, а также логика их поведения при осуществлении своих замыслов не совсем такие, как в случае с человеком. Но, оставаясь рядом и изучая, что они намерены делать, и наблюдая, как они это делают, можно усвоить и ассимилировать любую особенность в характере их потребностей, духовных и физических, и в их способе приближения к своим целям; и дело их жизни может быть продвинуто и усилено разумным удовлетворением их установленных потребностей и облегчением им пути в том, за что они берутся, при условии, что их начинания таковы, что человек заинтересован в успешном завершении. Конечно, они стремятся к достижению благих, с их точки зрения, целей, хотя и не всегда таких, к которым стремились бы люди; но это их дело, и в него нельзя совать нос за пределы приличных соседских интересов. И они работают методами, в какой-то степени иными, часто более мудрыми, чем у мужчин, и это дело человека, если он хочет извлечь пользу из их общения.

Большая часть образа жизни этих лишенных дара речи иных - это схема плодородия, роста и воспитания, и все эти вопросы естественны для женщин, а не для мужчин; и поэтому на ранних стадиях культуры сознание добра и соответствия ясно дало понять всем заинтересованным сторонам, что уход за посевами и животными входит в компетенцию женщин. Действительно, существует такая духовная (магическая) общность между женщинами и плодovitостью живых существ, что любое вмешательство мужчин в дела роста и фертильности может в силу контраста восприниматься с живейшим опасением. Поскольку жизнь растений и животных имеет в первую очередь духовную природу, поскольку инициатива и тенденция растительной и животной жизни носят этот характер, из этого следует, что между человечеством и тем миром плодородия и роста, в котором живут и движутся эти одушевленные существа, должен поддерживаться какой-то благоприятный духовный контакт и общение. Таким образом, линия связи духовного рода с царством безмолвных поддерживается открытой с помощью языка жестов, систематизированного в ритуал, и символизма дружелюбия, подкрепленного подарками и изъявлениями доброй воли. Отсюда рост оккультных значений и церемониальных процедур, к которым нам вскоре придется вернуться.⁴⁶

С помощью этого косвенного, анимистического и магического подхода можно определить фактические требования к обработке земли и разведению крупного рогатого скота и выполнить их очень сносно, при условии только необходимого времени и спокойствия. Время, по общему согласию, отпущено культуре каменного века в избытке; и общее согласие приходит, благодаря тем или иным соображениям, к признанию того, что необходимые условия мира и спокойной промышленности также являются характерной чертой того раннего времени. Тот факт, общий и глубокий, что известные культурные растения и животные были по большей части одомашнены в то время, возможно, сам по себе является наиболее убедительным аргументом в пользу преобладания мирных условий среди тех народов, кем бы они ни были, чьим усилиям или, скорее, рутине добродушных суеверий следует приписать это одомашнивание. Это

одомашнивание и использование растений и животных, конечно, было не просто развлечением с завязанными глазами. Здесь, как всегда, присутствовал инстинкт мастерства, побуждающий извлекать максимум пользы из того, что попадает под руку; а технология земледелия, как и технология любого другого промышленного предприятия, была результатом неизменной склонности людей делать вещи полезными.

Особое преимущество земледелия и скотоводства перед первичными механическими искусствами, то, благодаря чему первые приобрели и сохранили свое лидерство, по-видимому, заключалось в том простом обстоятельстве, что склонность людей-тружеников приписывать явлениям рабочую (телеологическую) природу не оставляет в результате знания этих явлений столь широких границ в случае живой природы, как в случае грубой материи. Вероятно, не стоит говорить, что антропоморфное вменение было непосредственно полезно для достижения технологических целей в случае обработки почвы и скотоводства; скорее, недостаток или непригодность такой интерпретации фактов были более существенными в механическом искусстве древних времен. Инстинкт мастерства, проявляющийся в сентиментальной склонности приписывать внешним фактам рабочие качества и поведение, одержал более решительную победу в механическом искусстве. И поскольку с течением времени, при благоприятных местных условиях, привычное приписывание телеологических способностей в какой-то мере вышло из употребления, механические искусства выиграли; и каждое такое достижение, в свою очередь, если позволяли условия, кумулятивно приводило к дискредитации телеологического метода познания и, следовательно, к ускорению технологических достижений в этой области.

Неодушевленные факторы, которые древний человек должен был учитывать как условие, предшествующее любому заметному прогрессу в промышленном искусстве, за пределами земледелия и использования фруктов и связанных с ним волокон, не поддаются эффективному приближению с антропоморфной стороны. Кремь и подобные ему минералы тугоплавки, у них нет духовной природы и нет схемы или жизненного цикла, которые можно было бы сносно интерпретировать как результат инстинктивных склонностей и умелого управления. Антропоморфная проницательность не проникает в тайные пути грубой материи, несмотря на все разумные уступки идиосинкразиям, непостижимому тщеславию, оккультным средствам и окольным методам, с которыми неискушенный человек готов встретиться с ними. Он может заглянуть так же глубоко в жернова, как и любой другой в этом направлении; но этого недостаточно, чтобы принести какую-либо пользу, и его присущий рабочему здравый смысл не позволяет ему систематически изучать этот вопрос в любом другом направлении. Только слепые, бессистемные наслоения непрозрачных фактов, поступающие, разрозненные и несимпатичные, с нечеловеческой стороны его технологического опыта, могут помочь ему здесь. И опыт такого рода может прийти к нему только случайно, поскольку у него нет основы, на которой можно было бы систематизировать эти факты по мере их поступления, и поэтому у него нет средств разумного поиска их. Его разумные попытки постичь природу вещей волей-неволей будут опираться на массу знаний, которые его разум уже постиг, а это знание человеческого поведения. Антропоморфизм почти полностью препятствует развитию этой области грубой материи, и в ранние времена, до того, как большая часть накопленных фактических знаний навязалась людям, склонность к телеологической интерпретации, по-видимому, была почти решающей против технического прогресса в первичных и незаменимых механических искусствах. И на более поздних этапах развития культуры, где антропоморфные интерпретации мастерства были преобразованы в целостную систему магии и религии, они временами

приводили к полной остановке технологического прогресса, особенно в механической части, и даже приводили к аннулированию достижений, которые должны были казаться надежными.

Примечательным фактом является также то, что, как уже указывалось выше, мифы и легенды нашли эту грубую материю столь же неподатливой в своем служении, сколь инстинкт мастерства нашел ее в генезисе технологии; и по той веской причине, что та же самая человеческая склонность к телеологическому пониманию и разработке господствовала как в одном, так и в другом случае. Неодушевленная материя и явления, в которых неодушевленная материя проявляет свою природу и силу, конечно, заняли большое место в фольклоре; но фольклор, будь то миф, легенда или магия, в которых неодушевленная материя рассматривается как говорящая сама по себе и реализующая свое собственное духовное содержание, относительно очень скуден. В магии он обычно играет роль только как инструмент, и действительно, как инструмент, который обязан своей магической действенностью какому-то внешнему по отношению к нему обстоятельству. Чаще всего он обладает скорее индуцированной, чем внутренней эффективностью, являясь средством, с помощью которого маг материализуется и доводит свой замысел до исполнения. Он скорее пригоден для магического использования, чем для создания магических эффектов.⁴⁷ Без сомнения, эта характеристика магических функций инертной материи применима скорее к ранним и примитивным временам и ситуациям, чем к высокоразвитым более поздним системам оккультной науки и алхимических знаний, которые основаны на некоторых значительных знаниях металлургии и химических реакций. Точно так же ранним мифам и легендам приходилось прибегать к вмешательству личных или, по крайней мере, одушевленных агентов, чтобы добиться прогресса в области грубой материи, которая обычно фигурирует как средство в руках тех или иных человекоподобных агентов, а не как самоуправляющийся агент с собственной инициативой и естественной склонностью. Явления неживой природы, вероятно, будут переданы в руки таких предполагаемых агентов, которые затем должны будут контролировать их и использовать для достижения скрытых целей, не заложенных в природном характере самих неодушевленных объектов.⁴⁸ Даже такой исключительно доступный диапазон явлений, как огонь, не избежал этой бесславной случайности. В мифических легендах об огне можно обнаружить, что огонь и все его творения входят в сюжет истории лишь как второстепенные элементы, а интерес сосредоточен на судьбе некоего человекоподобного существа, к инициативе и подвигам которого все явления огня относятся как к их причине или поводу.⁴⁹ Легенды об огне обычно становились легендами о приносящем огонь и т.д.,⁵⁰ и стали рассказывать о заговорах и контрзаговорах антропоморфных зверей и божеств, которые, как считается, боролись за огонь, с его помощью и по поводу использования.

Итак, с другой стороны, в качестве иллюстрации со стороны технологии, чтобы показать, как обстояли дела в этой связи в лучшие дни антропоморфизма, огонь использовался ежедневно и без необходимости на протяжении неопределенного ряда тысячелетий, прежде чем люди, в раннее новое время западной цивилизации, научились пользоваться дымоходом. И все, что помешало открытию этого простого механического средства, по-видимому, было фатальной склонностью людей приписывать этому явлению телеологическую природу и рабочий замысел, с которыми невозможно заключить перемирие или рабочее соглашение в духовных терминах.⁵¹

* * * * *

Может возникнуть правдоподобное сомнение относительно компетентности такого объяснения этих явлений. Казалось бы, едва ли в природе инстинкта мастерства заложено вовлекать рабочего в приобретение знаний, которые он не может использовать, и направлять его в разработку из них системы, которая сведет на нет его собственные цели; создавать препятствия для его собственной работы и все же в конечном итоге преодолевать их. Отчасти это расхождение в результатах проистекает из того факта, что чувство мастерства обеспечивает норму систематизации фактов, которые становятся достоянием знания. Это приводит к чему-то вроде драматизации фактов, посредством чего они выстраиваются в некую последовательность поведения между собой, становятся персонализированными, воспринимаются как одаренные различием, склонностями, предпочтениями и инициативой; и в той мере, в какой факты воспринимаются как вовлеченные в нематериальные или гиперфизические отношения такого характера, они не могут эффективно использоваться в целях технологии. Все концепции, выходящие за рамки материального факта, бесполезны для технологии, и в той мере, в какой такие концепции внедряются в массив информации, на основе которой работает работник, они становятся помехой.

Но в значительной степени расхождения в результатах объясняются сложностями с инстинктивным любопытством, присутствие которого молчаливо предполагалось на протяжении всего спора, — "праздным" любопытством, в силу которого люди более или менее настойчиво хотят что-то знать, когда более серьезные интересы не поглощают их внимание. Сравнительно мало было сделано исследователями культуры для изучения этой инстинктивной склонности, хотя факт ее присутствия в природе человека широко признан психологами,⁵² и подобная склонность проявляется у низших животных, как видно из многих исследований поведения животных.⁵³ Действительно, в целом к ней относились несколько легкомысленно, считая ее врожденным недостатком человеческой природы, а не созидательным фактором цивилизации. И причину столь незначительного отношения к нему, вероятно, следует искать в природе самого инстинкта. С инстинктом мастерства он разделяет тот характер гибкости и податливости, который в некоторой степени присущ всему спектру инстинктов и особенно характерен для тех инстинктивных предрасположенностей, которые отличают человеческую природу от более простых и невосприимчивых духовных дарований низших животных.

Следует предположить, что, подобно другим инстинктивным склонностям, праздное любопытство проявляется только в пределах того метаболического запаса избыточной энергии, который проявляется во всей животной жизни, но в больших пропорциях проявляется у "высших" животных и особенно навязчивым образом в жизни человека. По-видимому, только после того, как требования более простых, непосредственных органических функций, таких как питание, рост и размножение, были удовлетворены в какой-то сносной достаточной степени, этот более неопределенный спектр инстинктов, составляющих духовные предрасположенности человека, может эффективно использовать энергию организма и, таким образом, проявляться в том, что признается человеческим поведением. Следовательно, чем шире запас доступной энергии, тем свободнее должны проявляться характерные для человека предрасположенности, и чем больше этот метаболический запас истощается элементарными потребностями организма, тем меньше шансов, что поведение будет руководствоваться тем, что можно правильно назвать духовными потребностями человека. Соответственно, для всего этого ряда более расплывчатых и менее автоматически определяемых предрасположенностей характерно

то, что они довольно легко временно уступают давлению обстоятельств. Это в высшей степени верно в отношении праздного любопытства, так же как это справедливо в какой-то сравнимой степени и в отношении чувства мастерства. Но в то же время эти инстинкты и, возможно, в силу того же факта обладают и другой сопутствующей и типично человеческой чертой - повсеместной устойчивостью всякий раз, когда и постольку, поскольку им ничто не мешает. Их выносливость, в некотором смысле, очень велика, хотя их движущая сила не является ни массивной, ни неподатливой. Так что, хотя праздное любопытство, как и чувство мастерства, может быть на мгновение вытеснено более насущными интересами, все же его долгосрочные последствия для человеческой культуры очень значительны. Мужчины обычно легко смиряются со своим любопытством, когда есть призыв к действию под влиянием более элементарной потребности, и даже когда обстоятельства кажутся благоприятными для его безмятежного функционирования, устойчивый и последовательный ответ на его подстрекательство ни в коем случае не является гарантированным следствием. Обычный человек не стремится к поискам из праздного любопытства, и ни его руководство, ни награда фактами не обязательны для него.⁵⁴ Отдельные личности, наделенные этим сверхспособляющим даром, в значительной степени превышающим обычный уровень, или которые поддаются его соблазнам с исключительной самоотверженностью, считаются мечтателями, или, в крайних случаях, их более здравомыслящие соседи могут даже оценить их как душевнобольных. Но долгосрочные последствия обычного проявления любопытства, которым помогают такие спорадические индивидуумы, в которых праздное любопытство проявляется с большей силой, в конечном итоге, в совокупности, составляют наиболее существенное культурное достижение расы - ее систематизированное знание и квазизнание вещей.

Таким образом, это инстинктивное любопытство время от времени проявляется с пользой для ускорения роста технологического понимания, принося существенную информацию, которая может быть использована для учета, а также постоянно нарушая привычный объем знаний, на которых основывается мастерство. Человеческое любопытство, несомненно, является "праздной" склонностью в том смысле, что при его обычном проявлении не ставится никакой утилитарной цели; но существенная информация, которая таким образом извлекается из имеющихся у агента знаний, тем не менее может послужить целям мастерства. Значительная часть фактов, изучаемых под влиянием любопытства, не оказывает никакого влияния на качество изготовления или технологическую проницательность, и то, что что-либо из них может быть признано полезным, по существу, является случайным обстоятельством. Этот характер "праздности", отсутствие утилитарной цели или утилитарного чувства в порыве любопытства, несомненно, является в значительной степени причиной того, что она получила такое скудное и довольно пренебрежительное отношение как со стороны психологов, так и со стороны исследователей цивилизации.

Из материала, предлагаемого таким образом в качестве знания или факта, при изготовлении используется все, что доступно. Уже указанными способами такому использованию установленных "фактов" способствует и препятствует тот факт, что информация, которая поступает в руки благодаря неугомонному любопытству человека, по большей части или полностью приводится к систематической форме в соответствии с канонами мастерства. Для широкой общности человеческого знания это будет означать, что исходный материал наблюдаемых фактов избирательно обрабатывается, соединяется и накапливается в соответствии с предполагаемым телеологическим порядком вещей, облекаясь в нечто вроде драматической формы. Из чего следует, что полученные таким образом знания сохраняются и

передаются из поколения в поколение в форме, которая с легкостью поддается рабочим манипуляциям; они уже переварены для усвоения в рамках телеологической схемы, которая инстинктивно соответствует рабочему чувству пригодности. Но из этого также следует, что в той мере, в какой персонализированный, телеологический или драматический порядок, приписываемый фактам, случайно не отражает точно причинно-следственные связи, существующие между этими фактами, использование их в качестве технологических элементов будет равносильно заимствованию проблем. Таким образом, совпадение любопытства и мастерства в усвоении фактов таким образом может, а в ранней культуре должно было привести к замедлению технологического прогресса, в отличие от того, что могло бы предположительно стать результатом этой работы праздного любопытства, если бы оно не было врожденно заражено чувством мастерства и, таким образом, не соответствовало концепциям магической эффективности, а не механической.⁵⁵

* * * * *

Дальнейшее влияние родительского стремления к раннему развитию технологий также заслуживает внимания в этой связи. Этот инстинкт и чувства, возникающие из его побуждений, имели широкую и свободную игру в ранние времена, когда общее благо группы все еще было волей-неволей главным экономическим интересом в привычном представлении всех ее членов. Это оказало немедленное влияние на рутину жизни и работы, по-видимому, намного большее, чем можно ожидать на любом более позднем этапе. Во времена, когда денежная конкуренция еще не стала институтом, основанным на владении товарами по отдельности и на их конкурентном потреблении, побуждения этого инстинкта были более настойчивыми и встречали более неосторожный отклик, чем позже, после того, как эти институциональные изменения вступили в силу. Явное и застарелое отвращение к расточительству, в значительной степени прослеживаемое при анализе этого инстинкта, все еще постоянно проявляется во всех сообществах, хотя оно сильно замаскировано и искажено принципами демонстративного расточительства⁵⁶ среди всех тех народов, которые приняли частную собственность на товары; и служение общему благу также никогда не перестает вызывать по крайней мере добродушное, умозрительное одобрение со стороны обычных людей, хотя это тоже часто может принимать какую-то гротескную или оскорбительную форму из-за предубеждений денежного характера. Это стремление к полезности и против расточительства напрямую согласуется с побуждениями инстинкта мастерства, так что эти две инстинктивные предрасположенности будут усиливать друг друга, способствуя безличному экономному использованию материалов и ресурсов, а также полному использованию способностей рабочего и бесконечному прикладыванию усилий.

Также уже делались некоторые ссылки на технологическую ценность тех добрых, “гуманных” чувств, которые связаны с родительской склонностью, — если, конечно, нельзя сказать, что они по существу составляют родительскую склонность. Конечно, именно в немеханическом искусстве разведения растений и животных эти гуманные проявления родительского инстинкта имеют свою главную, если не единственную промышленную ценность, как в облегчении повседневной работы, так и в содействии прогрессу технологий. В первичных механических искусствах, например, нежное отношение такого рода к неодушевленным приборам, с помощью которых выполняется их работа, несомненно, все еще, как всегда, в некоторой степени оживляет рабочих, а также тех, кто может осуществлять более отдаленный надзор за работой. Но роль, которую играют такие гуманные чувства, в конце концов, относительно

невелика в общении людей с грубой материей, и они не всегда способствуют быстрой работе или трезвому пониманию механики тех вещей, с которыми эта работа имеет дело. На самом деле, такие нежные эмоции, выраженные таким образом, могут довольно легко стать источником вреда, подобно пагубным технологическим последствиям антропоморфизма, о которых уже говорилось.

Иначе обстоит дело с проявлением родительской склонности к искусству обработки почвы и скотоводства. Здесь его побуждения почти полностью пригодны как для технологического прогресса, так и для кропотливого изготовления. Добрые чувства, присущие родительским наклонностям, превосходно проявляются при уходе за растениями и животными, и их благотворный эффект, способствующий развитию технологии ранней обработки почвы и скотоводства, усиливается только благодаря родительской и трудовой склонности экономить ресурсы и максимально использовать то, что попадает под руку. Особый поворот, придаваемый антропоморфному уклону этой линией предубеждений, также скорее благоприятен, чем что-либо иное, для практического понимания требований искусства. И это имело определенные специфические последствия для ранней технологии земледелия, а также для ранней культуры, в которой земледелие было главным материальным фактором, что требует более подробного рассмотрения.

Согласно канонам мастерства, телеологический анимус - инстинктивная или “духовная” природа — приписывается растениям и животным, подвергнутым одомашниванию. Искусство земледелия основывается на предполагаемых таким образом потребностях и склонностях, и технология ремесла, следовательно, принимает форму “тенденции”, предназначенной для продвижения этих квазианимистически мыслящих существ к любым целям, которые они преследуют в силу своих природных склонностей, и для того, чтобы направить эту тенденцию на них таким образом, чтобы способствовать формированию их образа жизни выгодным для человека образом. Подобно другим разумным существам, как известно проницательному и неискушенному человеку, у них есть как духовные, так и материальные потребности, и предположительно на них влияет отношение их человеческих собратьев к ним и их поведению, интересам и приключениям. Кроме того, их жизнь и комфорт явно зависят от смены времен года и погоды; различные неблагоприятные обстоятельства обескураживают их, как и все человечество, а другие превратности судьбы, такие как дождь, сияние и буря, имеют для них самые серьезные последствия, хорошие или плохие. В этих деликатных обстоятельствах хранители посевов и стад обязаны действовать осмотрительно и проявлять доброжелательность не только к своим посевам и стадам, но и к природным явлениям, которые так много значат в жизни посевов и стад. Эти природные явления, конечно, также понимаются антропоморфно, в том смысле, что они тоже рассматриваются как следующие своей естественной склонности и делающие то, что им заблагорассудится, — или, возможно, чаще, то, что желают личные агенты, в ведении которых, как предполагается, находятся эти природные явления; ибо у неискушенного человека нет других доступных терминов для понимания их и их поведения, кроме терминов инициативы, замысла и усилия, непосредственно данных в его собственном сознательном действии.

Итак, как уже было сказано, схема жизни посевов и стад - это, по крайней мере в основном, и особенно в той мере, в какой это жизненно и всегда интересует их владельцев, схема плодородия и роста. Но эти вопросы, очевидно и осознанно, относятся в особо интимном смысле к женщинам. Это вопросы, в которых сочувственное понимание и чувство

сопричастности со стороны женщин по самой природе вещей должны очень удачно проявиться для содействия благоприятному ходу событий. Кроме того, жизнь женщин проходит в тех же рамках плодovitости, воспитания и роста, так что их общение и уход за стадами и посевами должны способствовать благоприятному ходу вещей также и более тонкими средствами симпатического внушения. Существует магическое соответствие огромной силы между женственностью и размножением растущих растений. И эти более тонкие способы влияния на события особенно актуальны при любом контакте с этими нечеловеческими разумными существами, поскольку они лишены дара речи и поэтому в основном должны руководствоваться живым примером, а не наставлениями и увещеваниями. И, опять же, будучи разумными, в чем-то похожими на людей, не следует верить, что они не обладают явно присущим человечеству и многим животным даром следовать за своим вожаком силой сочувственного подражания. Возможно, нелегко сказать, в какой степени этот инстинктивный импульс подражания, неизбежно приписываемый всем феноменам, которым приписываются антропоморфные черты, следует считать основой всей симпатической магии; но, по крайней мере, его следует признать достаточным для объяснения многого из того, что делается для стимулирования плодovitости стад и посевов.

Таким образом, по многим признакам очевидно, что по природе вещей уход за стадами и посевами является делом женщин, и из этого следует, что все сношения со стадами и посевами в первые дни лучше всего осуществлялись женщинами, которые одни, как можно предположить, интуитивно понимают, что своевременно, должным и допустимо в этих условиях. Тем более очевидно, что общение с этими бессловесными другими должно принадлежать женщинам, поскольку подобное бессловесное общение со своими детенышами, возможно, является самой заметной и привлекательной чертой их собственного материнства. Родительская склонность также придает особый сентиментальный оттенок этой простой и очевидной фазе материнства, которая в представлении всех людей превратила ее в образец доброго и бескорыстного стремления; в то же время этот вездесущий родительский инстинкт постоянно стремится выдвинуть материнство на передний план во всем, что касается общего блага, поскольку все стоящее, говоря по-человечески, берет свое начало именно здесь. На той ранней стадии культуры, когда были заложены основы земледелия и скотоводства и когда общее благо группы все еще было главным повседневным интересом, которым обычно занимались мужчины, забота о которых была предусмотрительной, материнство всегда будет центральным фактом в схеме человеческих отношений. Таким образом, на этой культурной фазе родительская склонность и чувство мастерства будут работать вместе, чтобы выдвинуть женщин на главное место в технологической схеме; и чувство подражательной уместности, а также признанная сдерживающая сила, проявляемая примером и миметическим представлением через импульс подражания, будут умело направлять мастерство, чтобы обыгрывать женщин и материнство в постоянно растущей схеме магических обрядов, призванных способствовать естественному увеличению стада и урожая. Там, где антропоморфное вменение осуществляется свободно и убедительно, такие наблюдения, призванные благожелательно воздействовать на естественный ход явлений, неизбежно становятся неотъемлемой чертой технологической схемы, не менее необходимой и предположительно не менее эффективной для достижения этой цели, чем механические операции, с которыми эти наблюдения связаны. Нет никакой практической границы, которую можно было бы провести между симпатической магией и антропоморфной технологией; и в известных культурах этого раннего типа по большей части остается открытым вопрос, следует ли считать магические обряды дополнением к тому,

что мы бы назвали технологической рутинной искусства, или наоборот. Эти две категории обычно не рассматриваются отдельно друг от друга, и обе они эффективны и незаменимы; и в обеих ощущаемая эффективность основывается во многом на одних и тех же вменяемых антропоморфных чертах.⁵⁷

Таким образом, по соображениям магико-технологической целесообразности, а также в силу чувства внутренней пристойности женщины начинают играть ведущую роль в промышленном сообществе раннего времени, и материальные интересы сообщества сосредотачиваются вокруг них и их отношения к естественным продуктам полей; и поскольку этот интерес непосредственно связан с плодородием стад и урожаев, именно в силу своего материнского характера женщины играют наиболее важную роль в этом деле. Естественные продукты, от которых зависит жизнь группы, следовательно, будут принадлежать женщинам в некотором интимном смысле соответствия, так что при должном стечении обстоятельств эти продукты должным образом пойдут на благо общества через их руки и, по логике вещей, будут распределяться в некоторой степени по их усмотрению. Эта логика соответствия настолько широка, что в известных культурах, которые демонстрируют много воспоминаний об этой ранней технологической фазе, обычно можно обнаружить некоторые остатки такого дискреционного контроля над натуральными продуктами со стороны женщин. И современные студенты, проникнутые современными предубеждениями о собственности и хищническом господстве, даже оказались вынуждены из-за этих свидетельств обнаружить систему матриархата и материнской собственности в этих обычаях, предшествующих институту собственности. Можно предположить, что обычаи, вытекающие из этого преимущественного положения женщин в технологии и ритуалах раннего земледелия, время от времени, в результате равномерного течения привыкания, достигали такой степени согласованности, превращались в настолько жесткую форму институтов, что были перенесены на более позднюю фазу культуры, на которой владение товарами составляет суть схемы; и в таком случае эти обычаи, возможно, затем были переосмыслены с точки зрения собственности, в том смысле, что владение сельскохозяйственными продуктами наделяет женщину правами, матерью домашнего хозяйства.

Но если магико-технологическая приспособленность и эффективность женщин привела к росту институтов, наделяющих женщин правом распоряжаться продуктом более или менее дискреционным способом, аналогичный эффект был еще более выраженным, всеобъемлющим и длительным в отношении нематериальных событий в данном случае. Свидетельства более ранних мирных сельскохозяйственных цивилизаций с большим единообразием указывают на то, что примитивный ритуал земледелия, в основном магического характера, находился в руках женщин и состоял из обрядов, которые, как предполагается, были особенно созвучны феномену материнства.⁵⁸ И в настоящее время, когда более сложные фазы этих магических обрядов земледелия, путем дальнейшего усиления антропоморфизма, перерастают в религиозные обряды и мифологические догматы, более великими *даймонами* и божествами, которые появляются в результате перетасовки, являются женщины, и снова налицо материнство женщин. Божества, большие и малые, преимущественно женского пола; и самые великие среди них, по-видимому, неизменно стремились стать матерями.

При создании женских и материнских божеств родительский инстинкт, несомненно, в значительной степени усилил движение инстинкта мастерства в том же направлении. У женских божеств есть два основных атрибута или характеристики, благодаря которым они заняли свое

высокое место; они так или иначе являются богинями плодородия и матерями народа. Возможно, нет необходимости разделять эти два сопутствующих атрибута, поскольку многие, если не большинство великих божеств, претендуют на приоритет по обоим основаниям. Но низшие категории женских божеств в матриархальной схеме божественных вещей гораздо чаще специализируются на плодородии сельскохозяйственных культур, чем на материнстве людей. Число божеств, имеющих в основном или исключительно отношение к плодородию, больше, чем число тех, которые фигурируют в качестве матерей народа, как местных, так и в целом. И, возможно, в большинстве случаев есть некоторые наводящие на размышления свидетельства того, что великие женские божества были в первую очередь богинями плодородия, связанными с выращиванием сельскохозяйственных культур — и, обычно, во вторую очередь, животных, — а не в первую очередь матерями племени;⁵⁹ что позволяет предположить, что их происхождение и характер обусловлены канонами мастерства в большей степени, чем родительскими наклонностями, хотя последнее, по-видимому, сыграло свою роль в формировании многих из них, если не всех.

Женские божества характерно принадлежат к ранней или более простой сельскохозяйственной цивилизации, и сказанное свидетельствует о том, что в основном они опираются на технологические основы; действительно, в своем происхождении и раннем развитии они в значительной степени связаны с технологическими приемами. Особенно хорошо они освоили женскую технологию ранней обработки почвы, и, возможно, только во вторую очередь они служат магическим и религиозным потребностям народов, отдаваемых главным образом разведению крупного рогатого скота; хотя следует отметить, что большинство великих известных богинь древнего западного мира, а также многие второстепенные, также находятся в близком родстве с различными домашними животными. В Америке и на Дальнем Востоке, конечно, любая связь с одомашниванием животных показалась бы невероятной.

Со сменой основы, от этого раннего земледелия к цивилизации, в которой основной привычный интерес другого рода и в которой привычный кругозор мужчин менее ограничен теми же антропоморфными представлениями о воспитании и росте, богини начинают терять свои преимущественные права на уважение мужчин и занимают место придатков или супругов мужских божеств, созданных по другим линиям, из других материалов и служащих новым целям.⁶⁰ Но гегемония богинь-матерей, несомненно, была очень масштабной и очень влиятельной. прочный, каким он должен быть, чтобы соответствовать размаху цивилизации земледелия во времени и пространстве, а также ее первостепенному значению в жизни человечества, и каким он был, как показывают археологические и этнологические свидетельства.

Еще одним сопутствующим изменением в культурной схеме, связанным с той же технологической основой и предположительно прослеживаемым до нее, является материнское происхождение, то есть родство преимущественно или исключительно по женской линии. При нынешнем состоянии свидетельств по этому вопросу, вероятно, было бы слишком широким утверждением утверждать, что учет родства по материнской линии полностью обусловлен предвзятыми представлениями, вытекающими из технологии фертильности и роста, и что это, таким образом, отдаленно связано с инстинктом мастерства; но, по крайней мере, столь же вероятно, что следует отказаться от того древнего представления, согласно которому система материнского происхождения возникает из обычного сомнения в отцовстве. Простое очевидное соответствие родственной системы в отличие от агнатической, по-видимому, имело такое же

отношение к делу, как и все остальное, и при господстве примитивной технологии обработки почвы и скотоводства это очевидное соответствие родственных отношений было весьма существенно подкреплено нынешними предубеждениями относительно преимущественного значения женской линии для благосостояния семьи и общества. И до тех пор, пока длилась эта технологическая эпоха, и пока не пришла более жесткая культура хищничества и принуждения, вытеснившая мужской элемент в сообществе на первое место, материнское происхождение, а также богиня-мать, по-видимому, сохраняли свое значение.

* * * * *

Следует отметить, что через весь этот аргумент проходит предположение о том, что культура, которая включала в себя зарождение и ранний рост земледелия и скотоводства, была по существу миролюбивой культурой. Это предположение несколько расходится с традиционным взглядом, особенно с позицией, принятой как само собой разумеющееся более ранними исследователями этнологии в девятнадцатом веке. Тем не менее, сегодня это, вероятно, не подлежит очень серьезному сомнению. По мере накопления свидетельств становилось все более очевидным, что древнее предположение о первобытном состоянии природы после школы Гоббса не может быть принято. Свидетельства из современных источников относительно положения вещей в этом отношении среди дикарей и многих низших варваров указывают скорее на мир, чем на войну как обычную ситуацию, хотя эти свидетельства ни в коем случае не являются однозначными; кроме того, свидетельства из этих современных низших культур лишь двусмысленно касаются вопроса, представляющего здесь первостепенный интерес, а именно предшественников западной цивилизации. Что более важно, хотя и до чего труднее добраться каким-либо определенным образом, так это предыстория этой цивилизации. Здесь исследование волей-неволей будет направлено на пережитки и реминисценции, а также на значение известных фактов древности, а также определенных черт, все еще существующих в нынешней культурной схеме.

Ранее казалось невероятным, что одомашнивание культурных растений и животных могло быть осуществлено вообще, за исключением народов, ведущих относительно мирный, а в настоящее время оседлый образ жизни. И продолжительность времени, необходимая для того, что было достигнуто в отдаленной древности в этом отношении, говорит о преобладании (сносно) мирных условий на интервалах времени и пространства, которые выходят за все удобные рамки хронологии и локализации. Свидетельства материнского происхождения, материнских религиозных практик и материнской осмотрительности в распоряжениях имуществом становятся предметом исследования со все возрастающей силой, как только оно начинает проникать за пределы традиционно принятой зари истории; пережитки и реминисценции таких институтов появляются то тут, то там в течение исторического периода с тем большей частотой, чем более кропотливым становится расследование. И то, что институтам такого характера требуется мирная обстановка для их возникновения, а также для их выживания, не только заранее вероятно на основании соответствия, но об этом свидетельствует то, как они неуклонно распадаются и в настоящее время исчезают везде, где культурная ситуация принимает хищнический характер или развивается крупномасштабная цивилизация с принудительным правительством, дифференциацией классов - особенно в денежном отношении — воинственными идеалами и амбициями и значительным накоплением богатства.

Некоторое дальнейшее обсуждение этой ранней мирной ситуации обязательно возникнет в связи с технологическими причинами ее исчезновения при переходе к той хищнической культуре, которая вытесняла ее во всех случаях, когда была достигнута заметно продвинутая фаза цивилизации.

ГЛАВА III

Дикое состояние промышленного искусства

Технологические знания по своей природе представляют собой общий запас, которым коллективно владеет сообщество и который в этой связи следует рассматривать как непрерывное предприятие. Состояние промышленного искусства - это факт групповой жизни, а не индивидуальной инициативы или инноваций. Это дело коллектива, а не творческое достижение отдельных людей, работающих самостоятельно по отдельности. В основном, состояние промышленного искусства всегда является наследием прошлого; возможно, оно всегда находится в процессе изменений, но существенная часть его - это знания, дошедшие от предыдущих поколений. Новые элементы понимания и мастерства постоянно добавляются и перерабатываются в этот общий запас благодаря опыту и инициативе нынешнего поколения, но такие новые элементы всегда и везде незначительны и несущественны по сравнению с совокупностью технологий, которые были перенесены из прошлого.

Каждый последующий шаг вперед, каждая новая черточка новизны, улучшения, изобретения, адаптации, каждая дальнейшая деталь рабочих инноваций, конечно, совершаются отдельными людьми и являются результатом индивидуального опыта и инициативы, поскольку поколения человечества живут только в отдельных людях. Но каждый сделанный таким образом шаг обязательно совершается индивидами, погруженными в сообщество и подверженными дисциплине групповой жизни в том виде, в каком она протекает в сообществе, поскольку вся жизнь обязательно является групповой жизнью. Явления человеческой жизни проявляются только в этой форме. Только в результате этой дисциплины, которая приходит с рутинной групповой жизни, и с помощью банальных знаний, распространенных по всему сообществу, любой из его членов получает возможность совершить любой новый шаг, который таким образом может быть прослежен до их индивидуальной инициативы. Любое новое технологическое новшество обязательно берет свое начало в трудовых усилиях отдельных людей, но оно может произойти только благодаря их знакомству с совокупностью знаний, которыми группа уже располагает. Новое направление - это всегда и обязательно улучшение или изменение того состояния промышленного искусства, которое уже находится в ведении группы в целом; и каждое средство или новшество, большое или малое, которое таким образом реализуется, включается в общий запас технологических ресурсов, имеющихся у группы. Это может возыметь действие только таким образом. Такая групповая солидарность необходима в данном случае как для приобретения и использования этого нематериального оборудования, о котором говорят как о состоянии промышленного искусства, так и для его хранения и передачи из поколения в поколение.

В рамках этого общего запаса технологий какая-то особая отрасль или направление мастерства, имеющее отношение к какому-то особому ремеслу или торговле, может удерживаться в

определенной степени изолированно некоторой кастоподобной группой внутри сообщества, ограниченной кровным родством, инициацией и т.п., И поэтому она может удерживаться в некоторой степени вне общего запаса и передаваться в некоторой степени сегрегированно. В низших культурах элементы технологии, которые настолько поглощены частью сообщества и удерживаются вне общего запаса, чаще всего носят магический или церемониальный характер, а не эффективные элементы мастерства; поскольку любые подобные вопросы ритуального соблюдения с большей легкостью поддаются исключительному использованию и передаче в рамках классовых ограничений, чем обычные устройства реальной работы. В низших культурах эксклюзивное обучение и информация, хранимые и передаваемые таким образом по отдельности различными тайными организациями, в основном носят магический или церемониальный характер;⁶¹ хотя нет причин сомневаться, что к этой технологической выдумке относятся вполне серьезно и она считается существенным подспорьем в поимке ее обладателей. В более развитом состоянии промышленного искусства, где собственность и специализация отрасли оказывают свое влияние, коммерческие секреты, патенты и авторские права часто представляют значительную ценность, и они хранятся отдельно от общего запаса технологий. Но очевидно без всяких аргументов, что факты этого класса, в конце концов, не имеют серьезных или долговременных последствий по сравнению с огромным общим объемом знаний и навыков, распространенных в обществе. В то же время любая такая обособленная линия технологического приобретения и передачи, если она имеет какое-либо заметное значение для состояния промышленного искусства и не полностью состоит из ритуальных обрядов, настолько сильно зависит от технологического оборудования в целом, что ее изоляция является в лучшем случае частичной и односторонней; она вступает в силу только при свободном использовании общей совокупности знаний, которые не являются столь всеобъемлющими, и она также во всех случаях была приобретена и развита только при свободном использовании того обыденного знания, которым никто не владеет исключительно. Так обстоит дело, в частности, на всех этапах промышленного развития, за исключением тех последних, на которых объем технологий и, как следствие, специализация профессий зашли очень далеко.

На ранних, или, скорее, на всех этапах развития культуры и технологий, кроме поздних, это нематериальное оборудование в целом доступно всем членам сообщества как нечто само собой разумеющееся благодаря неизбежной дисциплине, которая приходит с рутинной рабочей дня. Немногие, если таковые вообще есть, могут избежать приобретения основных элементов промышленной схемы, с помощью которой живет сообщество, хотя каждому из них не нужно приобретать какую-либо степень мастерства во всех ручных операциях или производственных процессах, в которых эта технологическая схема вступает в силу, и немногие могут избежать такой подготовки к логике текущей схемы, что их привычное мышление во всех этих аспектах будет работать в рамках опыта, воплощенного в этой общей схеме.

Все имеют свободный доступ к этому общему запасу нематериального оборудования, но во всех известных культурах также существует определенная степень специальной подготовки и некоторая заметная специализация знаний и занятий; которая осуществляется опытными рабочими, чье особое и исключительное мастерство ограничено каким-то одним или несколькими отдельными направлениями ремесла. И во всех или, по крайней мере, во всех известных культурах, кроме самых низших, имеющиеся свидетельства говорят о том, что этот совокупный запас технологического мастерства может поддерживаться и продвигаться вперед только посредством некоторой подобной специализации обучения и дифференциации занятий.

Никто не способен достичь такого мастерства во всех отраслях промышленности, включенных в общую схему, которое позволило бы ему (или ей) передавать состояние промышленного искусства последующим поколениям без каких-либо изменений.

Определенная степень специализации существует всегда, даже там, где, по-видимому, нет острой технологической необходимости в этом. Обстоятельства их жизни достаточно различаются у разных людей, так что определенная индивидуализация в мастерстве будет результатом обыденного опыта, даже независимо от какой-либо преднамеренной специализации занятий. И при любом значительном увеличении размера группы также начнется более или менее целенаправленная специализация занятий. Люди, которые таким образом заняты полностью или в основном каким-то одним конкретным видом работы, будут обладать более высоким уровнем мастерства в этой области, чем обычные рабочие, и будут раскрывать детали технологических процедур, которые, возможно, никогда полностью не станут общим достоянием группы в целом, которые не могут во всех деталях стать частью обычной технологической информации, текущей в сообществе. На самом деле, кажется, никогда не было такого времени, когда промышленная схема была бы настолько слабой и узкой, чтобы все члены сообщества могли освоить ее с максимально возможной степенью мастерства на каждом этапе. Но в то же время для всех более архаичных фаз развития справедливо то, что все члены сообщества, по-видимому, всегда были всесторонне и сносно исчерпывающе знакомы с техникой всех отраслей промышленности, практиковавшихся в их время.

Эта необходимая специализация и детальное обучение имеют серьезные последствия для роста технологий, а также для их хранения и передачи. Из этого следует, что крупная и широко диверсифицированная промышленная схема невозможна иначе, как в сообществе определенного размера, достаточно большом, чтобы поддерживать ряд специальных профессий. По сути, существенного роста промышленного понимания и мастерства, по-видимому, можно добиться только благодаря такому пристальному и постоянному вниманию к данному направлению работы, которое может быть уделено только в рамках специализированной профессии. В то же время промышленное сообщество должно включать в себя полный набор таких специализированных профессий, а также должно быть связано между собой системой коммуникаций, достаточно тесной и удобной, чтобы технологическое содержание всех этих профессий могло быть легко ассимилировано в систематическое целое. Разработанная таким образом промышленная система не обязательно должна быть такой же, как у какой-либо одной местной группы людей, которые зарабатывают на жизнь ее использованием; но, по-видимому, требуется, чтобы для эффективного объединения нескольких местных групп в единую промышленную систему между ними царили мирные условия. Общность языка, по-видимому, также практически необходима для поддержания такой системы. Там, где различные местные группы находятся во враждебных отношениях, каждая из них, как правило, имеет собственную промышленную систему, с технологическим характером, несколько отличным от соседних.⁶² Если степень изоляции выражена настолько, что движение и коммуникация между группами не осуществляются свободно, размер местной группы будет несколько жестко ограничивать состояние промышленного искусства; и, с другой стороны, заметный прогресс в промышленном искусстве, такой как одомашнивание культурных растений или животных или внедрение металлов, вероятно, приведет к такому перераспределению населения и промышленности, что увеличит эффективный размер производства. сообщество.⁶³

Среди народов, стоящих на более низких ступенях культуры, обычно преобладает значительная степень изоляции или даже отчуждения. В значительной степени каждое сообщество полагается на свои собственные ресурсы, и в этих обстоятельствах размер сообщества может стать вопросом решающего значения для промышленного искусства. Там, где регистрируется серьезное сокращение численностилюбого из этих диких или варварских народов, также обычно отмечается, что они претерпели сопутствующий упадок в своих технологических знаниях и мастерстве.⁶⁴ Принимая во внимание эти соображения, вероятно, можно с уверенностью сказать, что в условиях оседлости любое сообщество, как правило, не больше, чем требуется для поддержания и продвижения вперед текущего состояния промышленного искусства. Известные свидетельства, по-видимому, оправдывают обобщение о том, что состояние промышленного искусства ограничено размером промышленного сообщества, и что всякий раз, когда данное сообщество распадается или страдает от серьезного сокращения численности, его технологическое наследие будет ухудшаться и истощаться, даже если раньше оно, по-видимому, было достаточно скудным.

Приведенные выше соображения являются предметом обычного наблюдения и могут быть приняты как должное без каких-либо аргументов. Но так много текущих и недавних теоретических спекуляций основывается на неявных предположениях, расходящихся с этими общими местами, что представляется уместным напомнить о них, особенно с учетом того, что они будут использованы в качестве предпосылок в последующих разделах исследования.

* * * * *

Учитывая материальную среду, скорость и характер технологических достижений, достигнутых в любом сообществе, будут зависеть от инициативы и прилежания его членов, поскольку рост институтов серьезно не отвлек гений расы от его естественной склонности; это будет зависеть непосредственно и очевидно от индивидуального таланта к мастерству — от склонности к труду и способностей отдельных членов сообщества. Следовательно, любое различие в врожденных способностях в этом отношении между несколькими расами будет проявляться в характере их технологических достижений, а также в темпах прироста. Расы различаются между собой в этом вопросе как по виду, так и по степени технологического мастерства, на которое они способны.⁶⁵ Пожалуй, столь же излишне настаивать на этом духовном различии между различными расовыми группами, как было бы трудно определить конкретные различия, которые, как известно, существуют, или убедительно показать их в деталях. Какому-то такому признаку, без сомнения, следует приписать большую часть отличительного характера различных народов, хотя многое также может быть прослежено до местных особенностей окружающей среды и институциональных обстоятельств. Нечто подобного рода, специфическое различие в гениальности людей, по общему согласию приписывается, например, для объяснения всепроникающей разницы в технологии и мастерстве между западной культурой и дальневосточной. Подобное различие в “гениальности” еще убедительнее проявляется там, где разные расы долгое время жили рядом друг с другом в устоявшихся культурных условиях.⁶⁶

Следует отметить в той же связи, что гибридные народы, такие как народы Европы или Японии, где смешались несколько совершенно различные расовые группы, должны обеспечивать большое разнообразие и широкие индивидуальные вариации местных подарков, как в мастерстве, так и в других отношениях. Гибридные группы, действительно, обладают более

широким диапазоном обычной изменчивости, чем совокупные крайние пределы расовых типов, входящих в состав гибрида. Так что в таких случаях следует искать большое разнообразие, даже аберрацию и эксцентричность, туземных способностей, и этот широкий диапазон рабочей инициативы должен проявляться в технологии любых таких народов. Тем не менее, между любыми двумя такими гибридными популяциями все еще может существовать поразительно определенное различие, как в характерных особенностях их технологии, так и в их рутинном производстве; как показано на контрасте между Японией и западными странами. Эти расовые различия в уровне одаренности могут быть незначительными в первом случае, но поскольку они действуют кумулятивно, их скрытый эффект все еще может быть очень заметным; и они могут привести к заметным различиям не только в отношении характера технологической ситуации в данный момент времени, но также в темпах прогресса и направлении, которое принимает технологический прогресс. Таким образом, в случае с Дальним Востоком, в отличие от народов Запада, гений задействованных рас преимущественно выбрал направление мастерства в ремесле, а не того несколько грубого, но эффективного обращения к механическим приемам, которые в основном отличают технологию Запада.

* * * * *

Стабильность расовых типов позволяет изучать врожденные черты существующего населения в менее сложных и сбивающих с толку обстоятельствах, чем обстоятельства культурной ситуации, в которой это население находится сейчас. Возвращаясь к более ранним фазам западной культуры, можно, по сути, фрагментарно отодвинуть изучение живого населения Европы и ее колоний на несколько тысяч лет назад. Такое знакомство, которое может быть приобретено таким образом с духовным обликом народов западной культуры в любой момент ее прошлой истории и предыстории, должно немедленно и без серьезных последствий сказаться на исконном характере поколения, в руках которого сейчас находится судьба этой культуры; при условии только, что исследование удостоверится в расовой преемственности, расовой идентичности этих народов на протяжении данного периода времени. Этот вопрос расовой идентичности больше не является предметом серьезных дебатов, поскольку касается народов северной и западной Европы, находящихся в эффективных границах западной цивилизации и относящихся к началу периода неолита. Несомненно, существуют споры и неопределенность относительно местных деталей расового смешения почти во всех частях этой культурной области в какой-то момент прошлого, но эти неопределенности в деталях не носят такого характера или такой величины, чтобы исказить данные для исследования общих характеристик соответствующих рас. В целом, смешение рас в северной Европе, по-видимому, не сильно менялось со времен раннего неолита, и произошедшие изменения, в основном, известны с некоторой уверенностью. Во многом то же самое справедливо и для средиземноморского побережья, хотя изменения в этом регионе, по-видимому, были более значительными и, возможно, их труднее отследить. Для северной и западной Европы, вместе взятых, несмотря на значительные местные колебания, различия в общем расовом составе народов в целом не были обширными или чрезвычайно серьезными со времен последней части каменного века. Три великие расовые группы⁶⁷ западной цивилизации, по-видимому, разделяли свое совместное господство в этой культуре между собой примерно с того времени, когда в Европе впервые начали использовать бронзу, что должно было произойти до окончания каменного века. И эти три расы не слишком чужды друг другу; две из них, средиземноморская и белокурая, по-видимому, в чем-то близки по происхождению и, следовательно, предположительно по духовному складу.

Любой исследователь этих современных культур может с меньшей уверенностью подтвердить свою правоту доказательствами, почерпнутыми из существующих или исторических сообществ, живущих на уровне дикарей или низших варваров и не имеющих тесного расового родства с народами Западной Европы. Расхождения в таком случае бывают двух видов: (а) Расовый тип и, следовательно, духовный (инстинктивный) состав этих пришлых дикарей или варваров не такой, как у современных европейцев; следовательно, культура, выработанная под контролем их несколько иного набора инстинктов, должна привести к другому результату, особенно с учетом того, что следует ожидать, что любое такоерасовое расхождение в вопросе инстинктов в совокупности приведет к другому культурному результату. Следовательно, эти чуждые сообщества низших культур не могут быть безоговорочно приняты как представляющие более раннюю фазу западной цивилизации. Этот недостаток присущ любому обращению к существующему сообществу дикарей для наглядных уроков, иллюстрирующих действие европейской человеческой природы в столь же примитивных условиях, в той степени, в которой рассматриваемое сообщество может быть удалено от европейцев по расовому типу; что сводится к сложному вопросу о точке в генеалогическом древе человеческих рас, от которой разошлись две противоположные расы, и о количестве, характере и величине расовых мутаций, которые могли возникнуть между предполагаемой точкой расового расхождения и существующими расовыми типами, столь противоположными. (b) Обычно говорят, и это, по-видимому, достаточно верно, что все известные сообщества на низших уровнях культуры далеки от состояния первобытной дикости; что их не следует воспринимать как подлинно архаичные, но они являются результатом либо сравнительно позднего возврата, при особых обстоятельствах, от прошлой более высокой стадии, либо это народы, которые пережили столь длительный опыт дикости, что их нынешнее состояние является скорее крайней софистикой во всех “звериных уловках язычников”, чем по существу ранним или архаичным типом культуры. , такие, которые обозначили бы переходную стадию в развитии тех народов, которые достигли цивилизованной жизни.

Несомненно, в этих возражениях есть определенная доля правды, но они содержат скорее толику правды, чем исчерпывающее изложение фактов, имеющих отношение к делу. Что касается (а), человеческие расы, в конце концов, скорее похожи, чем непохожи, и свидетельства, почерпнутые из опыта какой-либо одной расовой группы или смеси, не следует игнорировать как не имеющие значения для вероятного хода событий, пережитых любой другой расовой группой в течение соответствующего периода ее истории жизни. Тем не менее, несомненно, при использовании всех доказательств этого класса следует допускать большую и спорную погрешность. Что касается (b), то в силу стабильности расовых типов популяции существующих сообществ низших культур должны быть сегодня такими, какими они были вначале, в отношении наиболее существенного фактора в их нынешней ситуации, их духовного (инстинктивного) состава; и это неизменное дополнение инстинктов должно при сходных обстоятельствах и с умеренным запасом времени приводить по существу к одному и тому же общему ряду культурных результатов, независимо от того, была ли конечная фаза культуры достигнута приближением с близкого и безмятежного начала или регрессом с “более высокого плана”. Так что существующие сообщества дикарей или низших варваров должны преподавать достаточно компетентный наглядный урок архаической дикости и варварства, независимо от того, было ли их прошлое высшим, низшим или просто в большей степени таким же.

Все это, конечно, предполагает стабильность расовых типов. Но поскольку этнологи обычно молчаливо делают такое предположение, все, что требует извинений или объяснений, - это

признание этого факта. Большая часть этнологических обобщений по этому кругу вопросов была бы совершенно бессильна без этого предположения в качестве их основной посылки. Что обычно не предполагалось или допускалось, за исключением подсознательного подтекста, так это необходимое следствие того, что эти стабильные типы, которыми занимаются этнологи и антропологи, должны были возникнуть в результате мутации из ранее существовавших типов, а не в результате длительного продолжающегося и расходящегося накопления незаметных вариаций. Результатом признания такого взгляда на генезис рас будет то, что различные расы не могут рассматриваться как относящиеся к одному и тому же времени и расовой зрелости или имеющие одинаковое значение для любого обсуждения, касающегося высших культур. Предположительно, будет установлено, что расы, вовлеченные в западную культуру, относятся к относительно позднему времени, поскольку возникли в результате относительно поздних мутационных отклонений, оцениваемых с точки зрения совокупной истории жизни человечества. Предположительно, также будет обнаружено, что многие из других рас несколько оторваны от представителей этой западной совокупности расовых групп; некоторые из них более, другие менее отдаленно связаны с ними, в зависимости от того, на что может указывать их мутационная родословная.

Преимущество, вытекающее из такого признания стабильности типов, по сравнению с его скрытым допущением и открытым отрицанием, состоит в том, что оно позволяет исследователю искать истоки во времени и пространстве любой данной расовой группы, с которой связано его исследование, и обращаться с ней как с единым целым на протяжении всей ее жизненной истории.

* * * * *

По всей вероятности, каждая из ведущих рас Европы начала свою жизненную историю на том, что в настоящее время считается низким уровнем дикости. И все же эта фаза дикости, какой бы она ни была, будет удалена от первых зачатков человеческой культуры долгим рядом тысячелетий. То, что так было, например, с европейским блондином, вряд ли подлежит сомнению;⁶⁸ и, по крайней мере, весьма вероятно, что другие виды, которые в настоящее время ассоциируются с блондином, хотя, вероятно, и более древние, также должны были появиться на свет относительно поздно в истории жизни вида.

Какой бы расплывчатой ни была эта датировка, она означает, что начальная фаза в истории жизни по крайней мере одной и, предположительно, всех ведущих рас Европы приходится на дикую культуру относительно развитого типа по сравнению с самыми грубыми человеческими зачатками. Следовательно, когда эти виды начали жить и, таким образом, были необходимы для обеспечения их выживания, условия отбора, налагаемые на них и которым они должны были соответствовать под страхом вымирания, были условиями дикой культуры, которая уже достигла некоторого заметного прогресса в искусстве жизни. Им не приходилось встречаться с грубой природой в беспомощной наготе тех далеких предков, в которых зародилось человечество. С точки зрения мутаций, порода была рождена для использования инструментов и легкого овладения относительно передовой технологией. И наоборот, справедливо предположить, что эти виды, населявшие Европу, были бы непригодны для выживания, если бы они появились на свет до того, как был достигнут какой-либо заметный технологический прогресс. Иными словами, эти виды, подаренные природой, не могли быть пригодны для дикой жизни в безусловном смысле этого слова; и они никогда не вели естественную жизнь ни в каком

подобном смысле. Они пришли в дикий мир после того, как раса пережила многие тысячи лет технологического опыта и (предположительно) множество последовательных мутационных изменений расового типа, и они были приспособлены к требованиям дикого мира, в который они пришли, а не к требованиям какой-либо более ранней фазы дикости. Самый молодой из них, последний мутант, появился во времена раннего неолита, и поскольку он в высшей степени хорошо приспособился к выживанию в тех условиях, он, по-видимому, появился с таким набором черт, физических и духовных, каких требовали эти условия; а также, по-видимому, без заметного груза способностей, предрасположенностей, инстинктов, способностей, которые были бы непригодны или, возможно, даже были бы совершенно непригодны в тех обстоятельствах, в которые он был помещен. И поскольку другие расовые элементы европейского населения, по крайней мере, два основных, совсем не отличаются радикально от блондинов по своим природным качествам, аналогичным образом следует предположить, что они также возникли в результате мутации в условиях культуры, и особенно технологии, не сильно отличающихся по степени от тех, которые изначально окружали блондинов.

Разница между этими тремя расовыми группами гораздо более очевидна в их физических чертах, чем в их инстинктивных способностях или интеллектуальных способностях; и все же сходство этих трех настолько велико и отчетливо проявляется даже с физической стороны, что антропологи склонны классифицировать все три вместе как все или несколько отчетливо типичных для “белой” или “европеоидной” расы, к которой они, как все вместе считается, принадлежат. Нечто подобное, по-видимому, справедливо для отличительных групп расовых предков, которые составили характерные цивилизации Дальнего Востока, с одной стороны, и южной Азии, с другой стороны; и нечто подобное, опять же, можно сказать и о группе предков, о которых шла речь в древних цивилизациях Америки.

Возможно, уместно добавить, что, за исключением длительного предшествующего развития технологий, то есть длительного накопления опыта в мастерстве и, как следствие, накопленных знаний о путях и средствах существования, ни одна из характерных рас Европы не смогла бы выжить. В отсутствие этих предшествующих технологических достижений, а также связанного с ними роста институтов, такие мутанты с их характерными способностями и ограничениями должны были погибнуть.

* * * * *

На том уровне дикости, на котором возникли эти европейские племена и к которому предположительно приспособлены несколько европейских расовых типов с их типичными инстинктами, люди, по-видимому, вели довольно мирную, хотя и ни в коем случае не праздную жизнь; в относительно небольших группах или сообществах; без каких-либо более полезных домашних животных, хотя, вероятно, и с некоторыми домашними растениями; и были заняты добычей средств к существованию ежедневным трудом. Поскольку они выживали в предлагаемых им условиях, следует предположить, что эти мужчины и женщины, скажем, эпохи раннего неолита, инстинктивно и доброжелательно относились к тем видам деятельности и взаимоотношениям, которые способствовали бы развитию жизни группы; и что в целом они менее доброжелательно и инстинктивно относились к таким видам деятельности, которые могли бы причинить вред и дискомфорт их соседям и им самим.⁶⁹ Любой расовый тип, для которого это было бы неверно, при известных тогда условиях, преобладавших в их среде

обитания, должен был бы в настоящее время исчезнуть с лица земли, и более позднее развитие западной культуры не знало бы их породы. Какой-нибудь другой расовый тип, темпераментно сложенный таким образом, чтобы лучше соответствовать этим требованиям выживания в условиях неолита, занял бы их место и оставил бы их собственное потомство для заселения региона.⁷⁰

То, что известно об условиях жизни во времена раннего неолита⁷¹, указывает на то, что первым условием выживания в конкурентной борьбе было более или менее пристальное внимание к текущему делу, обеспечению существования группы и воспитанию потомства — более пристальное внимание, например, чем уделялось этому делу другими конкурирующими племенами, которых вытеснили преуспевающие; все это выдвигает на передний план в качестве неотъемлемых врожденных черт преуспевающей расы родительские наклонности и чувство мастерства, а не те инстинктивные черты, которые нарушают покой.⁷²

Но при всем этом напрашивается предположение, что последняя, или самая молодая, из трех основных европейских пород, блондинистая, обладает скорее драчливым и хищническим нравом, чем две другие, и что эта порода пробилась вперед, несмотря на эти черты, если не благодаря силе этих черт. Преимущество блондина как бойца, по-видимому, было отчасти обусловлено авантюрным и драчливым характером, но также отчасти и превосходным телосложением, — превосходным для рукопашного боя или с использованием орудий, которые в основном использовались в военных действиях и пиратстве вплоть до девятнадцатого века. Те же физические характеристики массы, роста и катаболизма также будут иметь большое преимущество в поисках средств к существованию в условиях, которые преобладали в регионе Северного моря, среде обитания долихо-блондинов, в каменном веке. Примерно то же самое верно и в отношении духовных черт, которые, как говорят, характеризуют блондинов, — определенной осторожной безрассудности и беспокойства.⁷³ Так что этот пункт остается несколько сомнительным; черты, которые в настоящее время сделали северных блондинов самыми грозными нарушителями спокойствия в Европе и сохраняли их таковыми на протяжении многих столетий, возможно, с самого начала были главным образом способствующими выживанию этого типа благодаря их пригодности для промышленных целей в особых климатических и топографических условиях, в которых эта раса впервые возникла и обеспечила свое выживание.

В современных рассуждениях об истоках культуры и ранней истории человечества до недавнего времени было принято некритично предполагать, что человеческие сообщества с самого зарождения расы были опутаны неразрывной сетью взаимной вражды и охвачены всепроникающим чувством страха; что "естественное состояние" было состоянием крови и ран, выражающимся во всеобщей недоброжелательности и подозрительности. В последнее время исследователи первобытной культуры, и особенно те, кто непосредственно занимается полевыми работами, кто соприкасается с народами более низкой культуры, начинают понимать, что факты не слишком подтверждают такое предположение и что сообщество, вынужденное зарабатывать себе на жизнь с помощью элементарного технологического оборудования, не может позволить себе постоянно досаждать своим соседям, особенно до тех пор, пока его соседи не накопили запасов портативного имущества, которые оправдали бы совершение набегов. Несомненно, многие дикие и варварские народы живут в состоянии обычной вражды или привычных, даже если и периодических, войн и хищничества, без существенных стимулов в виде добычи. Но такие сообщества обычно либо устроены так, что

легкий заработок дает им материальную основу для следования этим высшим идеям из простой фантазии;⁷⁴ либо это народы, живущие впроголодь и борющиеся за свою жизнь, в значительной степени из-за воображаемой невозможности договориться со своими чуждыми и неестественно жестокими соседями.⁷⁵ Сообщества последнего класса часто живут в состоянии убожества и дискомфорта, численность населения намного ниже той, которую наилучшим образом могла бы поддерживать окружающая среда, даже при их неэффективной промышленной организации и оборудовании, а их технологии обычно плохо подходят для оседлой жизни и бесперспективны для любого возможного продвижения к более высокой культуре. Нет никаких веских оснований предполагать, что расы, достигшие большей технологической эффективности, с оседлой жизнью и большим населением, должны были выйти из этой конкретной фазы цивилизации в качестве отправной точки, или что такая культура должна была способствовать выживанию и увеличению ведущих расовых групп Европы, поскольку она, по-видимому, не особенно благоприятствует успеху сообществ, которые, как известно, сейчас живут таким образом.⁷⁶

Предубеждение о том, что ранняя культура должна была быть воинственной, еще не исчезло даже среди исследователей этих явлений, хотя и теряет их уважение; но производная от него все еще имеет большое значение, поскольку все дикие народы, а также народы низшего варварства, живут в состоянии всеобщего и непрекращающегося страха, особенно страха перед неизвестным. Предполагается, что этот хронический страх проявляется главным образом в религии и других суеверных практиках, где считается, что он объясняет многие вещи, которые в противном случае остаются неясными. Существует не мало свидетельств того, что сохранившиеся сообщества дикарей смотрят в этом направлении, и еще больше свидетельств от культур низших варваров, которые характерны для воинственности.⁷⁷ Где бы ни обнаруживался этот анимус, его эффект заключается в растрате усилий и отвлечении их на религиозные и магические практики и, таким образом, препятствует свободному развитию мастерства, предписывая громоздкую рутину ритуалов и предостерегая технолога от запретных действий. Но, несомненно, было бы поспешным обобщением некритично переносить все это на все народы с более низкой культурой, прошлые и настоящие. Известно, что это неверно для многих существующих сообществ,⁷⁸ и свидетельства этого в некоторых древних культурах очень сомнительны. Такая характеристика неолитической культуры Европы, будь то североевропейская или эгейская, не находит заметного подтверждения в археологических свидетельствах. Эти два региона являются наиболее значимыми для периода неолита в Европе, и материал из обоих, с одной стороны, относительно беден оружием, в отличие от орудий труда, и в то же время практически ничего не указывает на распространенность суеверных практик, основанных на страхе. Действительно, материал на удивление беден элементами любого рода, которые можно смело отнести на счет религии или магии, будь то вдохновленные страхом или более добродушными чувствами. Это одна из загадок, которые преследуют любого изучающего, настаивающего на том, чтобы повсюду находить определенный нормальный ход культурной жизни, который в ранние времена должен был включать, среди прочего, устрашающую религию, широкую сеть магических практик и неудержимую тягу к непредумышленному убийству. И когда в настоящее время, в эпоху позднего неолита и бронзового века, появляется что-то вроде символизма и аппарата суеверий, их обычное течение ни в коем случае не наводит на мысль о суеверном страхе и религиозных зверствах. Наиболее распространенными и характерными предметами этого класса являются определенные статуэтки и символические элементы, наводящие на мысль о плодородии,

которые можно было бы искать в мирной, оседлой, сельскохозяйственной культуре небольшого масштаба.⁷⁹ Культура, практически не имеющая оружия, чьи боги - матери, а религиозные обряды - ритуал плодородия, вряд ли может быть культурой страха и безрассудства. С другой стороны, у воинственных варваров божества мужского пола обычно занимают первое место, и их ритуал символизирует господство бога и рабство поклоняющегося.

Конечно, верно, что и оружия, и предметов культа гораздо больше, чем когда-либо использовавшихся, исчезнет, поскольку большинство орудий труда и утвари культур каменного века, как известно, сделаны из дерева или подобных скоропортящихся материалов.⁸⁰ Таким образом, находки не дают полного описания приборов, использовавшихся в то время; целые серии предметов, имевших первостепенное значение в той культуре, вероятно, исчезли, не оставив и следа. Но то, что верно в отношении оружия и предметов культа, должно быть в равной степени верно и в отношении инструментов, или почти так. Таким образом, вывод, который следует сделать на основе доступного материала, будет заключаться в том, что ранненеолитическая культура северной Европы, Эгейцев и других исследованных местностей, предположительно относящихся к одному и тому же расовому и культурному комплексу, должна была иметь преимущественно мирный облик. С развитием технологий, а также с развитием и изобилием предметов, которые постепенно появляются в поле зрения на протяжении позднего периода неолита, вплоть до его завершения, эта диспропорция между орудиями труда и оружием (и предметами культа) становится все более впечатляющей и удивительной. До сих пор эта диспропорция была более очевидна в скандинавских находках, чем в других смежных областях культуры каменного века, если только не следует сделать исключение в пользу стоянок позднего неолита, исследованных в Анау.⁸¹ Но этот археологический результат, характеризующий балтийский каменный век как особенно бедный оружием и особенно богатый орудиями труда, может быть лишь предварительным и может быть обусловлен более тщательным исследованием скандинавских стран и необычайно богатым материалом из этого региона. В материалах позднего (в основном скандинавского) неолита, где оружие исчисляется десятками, орудия труда - сотнями, согласно схеме классификации, в которой все, что может быть истолковано как оружие, классифицируется именно так, и к одному классу относится гораздо больше сотен, чем к десяткам другого.⁸² Насколько можно судить, культовые предметы также встречаются нечасто среди этих материалов, даже после того, как обнаруживаются заметные работы по изготовлению керамики.

То, что только что было сказано, в конце концов, носит отрицательный характер. В нем говорится, что ничто подобное воинственному, хищническому или внушающему страх происхождению не может быть доказано на основе археологического материала для изучения неолитической культуры тех расовых групп, которые имели наибольшее значение в ранние периоды существования Европы. Однако предположение, основанное на этих доказательствах, является довольно веским. И соображения о материальных условиях, в которых находилась эта ранняя культура, а также о духовных чертах, характерных для этих обстоятельств и проявляемых рассматриваемыми расами, указывают на аналогичный вывод. Склонность к беспричинному страху, которая видна в суеверных обычаях столь многих сообществ дикарей и играет столь важную роль в рутине их повседневной жизни,⁸³ по всей видимости, не является столь значительным элементом в составе основных европейских племен. Возможно, это в меньшей степени связано с духовной природой европейских блондинов, чем у представителей любой другой расы; эта раса — или ее гибридное потомство — в любом случае оказалась менее подверженной религиозному контролю, чем любая другая, а также проявила меньше колебаний

перед лицом неизвестных обстоятельств. И обстоятельства предполагаемой начальной фазы истории жизни этой расы, по-видимому, не благоприятствовали духовному (инстинктивному) типу, в значительной степени подверженному бдительному и сильному чувству беспричинного страха. Точно так же агрессивное гуманитарное чувство так же присуще образу мыслей североевропейских народов, как и любым другим, например, видам, страдающим врожденной хищнической враждебностью. Если предположить, что представляется вероятным, что ситуация, которая выборочно проверяла пригодность этого вида к выживанию, была ситуацией раннего послеледникового периода, когда его среда обитания в Европе медленно очищалась от ледяного покрова, то представляется вполне вероятным, что новый (мутантный) тип, который успешно выживал, следуя за отступающей кромкой ледяного покрова и заселяя освободившиеся таким образом земли, не был народом, особенно склонным к страху или хищничеству. Огромное средство такого рода, с сопутствующими ему осторожностью, консерватизмом, подозрительностью и жестокостью, не было бы полезным для расы, занимающей такое положение.⁸⁴

* * * * *

Даже если бы это было возможным мероприятием, для настоящей цели было бы не очень полезно подробно проследивать множество медленных и неуклюжих шагов, с помощью которых та или иная раса или народ в Европе или где-либо еще вырабатывали технологические особенности, которые вели от истоков к примитивному и более позднему развитию культуры. Такая работа принадлежит этнологам и археологам; и она сводится к утверждению, что люди применяли здравый смысл, более или менее нерешительно и с более или менее непреклонными ограничениями, к фактам, с которыми им приходилось иметь дело; что они накапливали знания о технологических приемах и процессах из поколения в поколение, всегда продолжая то, что уже было достигнуто путями и средствами, и постепенно отбрасывая или утрачивая такие элементы растущей технологической схемы, которые, казалось, больше не стоили внимания,⁸⁵ и унося с собой немало элементов, которые не имели существенного значения. эффект, но были навязаны логикой схемы или лежащими в ее основе принципами (привычками мышления).

* * * * *

О раннем технологическом развитии Европы, поскольку оно генетически связано с более поздней западной цивилизацией, культура Балтийского региона дает настолько хороший и наглядный урок, насколько это возможно; его ход относительно хорошо известен, прост и непрерывен. Времена палеолита не учитываются при этом развитии, поскольку неолитическая культура начинается с нового прорыва в Европе.

Таким образом, известно, что ко временам раннего неолита в узких скандинавских водах люди научились изготавливать и использовать определенные грубые каменные и костяные орудия, найденные на кухонных помойках (мусорные кучи, курганы ракушек в Дании), что у них были способы и приспособления (природа которых неизвестна) для сбора определенных моллюсков и ловли такой дичи и рыбы, какие позволяла среда их обитания, и что они в настоящее время, если не с самого начала, освоили использование определенных культурных растений и научились изготавливать грубую керамику. Исходя из этого, в качестве отправной точки в период кухонных отбросов, каменные орудия труда в настоящее время совершенствовались и множились, методы обработки материала (кремня) и использования изделий кремневой

промышленности постепенно совершенствовались и расширялись, пока с течением времени не было достигнуто максимум, чего когда-либо достигали в этом классе промышленности. Домашние животные начали добавляться к инвентарю относительно рано,⁸⁶ лет, хотя и с большим интервалом от начала неолита, если считать по абсолютному времени. Совершенствовались и расширялись все направления камнеобрабатывающей и деревообрабатывающей промышленности, за исключением того, что обработка камня и каменная кладка обычно отсутствуют, что, без сомнения, объясняется широким использованием вместо них изделий из дерева.⁸⁷ Наряду с этим прогрессом в механическом искусстве растет плотность населения и широко распространяется обработка почвы; пока, с появлением бронзы, свидетельства не показывают, что эти сообщества были многочисленными, процветающими и высококвалифицированными в тех промышленных искусствах, которые находились в пределах их технологического диапазона.

Помимо керамики, которая, возможно, имеет определенные достоинства как произведение искусства, осталось очень мало свидетельств того, каким могло быть их мастерство в декоративно-прикладном искусстве, или какова была их социальная организация или религиозная жизнь. Свидетельства воинственной предприимчивости и религиозных обрядов на удивление скудны, в основном это сомнительные свидетельства множества и довольно тщательно продуманных гробниц. Из могил (курганов и насыпей) и их распределения можно сделать кое-какие выводы относительно социальной организации; и свидетельства по этому разделу, по-видимому, указывают на широкое распространение сельскохозяйственного населения, живущего (вероятно) небольшими общинами, без особого централизованного или авторитетного контроля, но с некоторыми заметными классовыми различиями в распределении богатства на более поздних этапах периода.

С перерывами, более или менее серьезными, время от времени, и с растущими свидетельствами склонности к воинственным или хищническим действиям, с одной стороны, и классовым различиям - с другой, почти та же история повторяется на протяжении веков бронзы и раннего железа. Свидетельства заимствования извне, в основном декоративной техники и технологических элементов, разбросаны по ходу этого развития с очень ранних времен, показывая, что всегда существовали какие-то контакты, возможно, постоянные, с другими народами, более или менее отдаленными. Так что со временем, к началу бронзового века, появились свидетельства устойчивых торговых отношений с народами, столь отдаленными, как средиземноморское побережье.

Во многих своих деталях эта доисторическая культура демонстрирует нечто вроде той же легкости в использовании механических приспособлений, которая столь заметно продвинулась вперед в позднем развитии промышленного искусства Западной Европы. Технология новейшей западной культуры выделяется своей механической эффективностью, и точно так же ее легкое владение механическими факторами, с которыми она имеет дело, в основном отличает доисторическую технологию Северной Европы. В остальном доисторические материалы из этого региона не свидетельствуют о высоком уровне цивилизации. Здесь нет богато украшенных или грандиозных сооружений; что есть в этом роде, так это насыпи и курганы умеренно большого размера, в которых используется только необработанный камень там, где он используется, но при этом используется механически эффективно. Действительно, в зданиях, тканях или декоративных работах каменного века нет ничего, что можно было бы сравнить по совершенству дизайна или исполнения с топором или стамеской из полированного

кремня того времени. От бронзового века в его лучших проявлениях осталось много превосходных бронзовых изделий большого достоинства как по мастерству исполнения, так и по декоративному эффекту; но художественное достоинство этого произведения (относящегося к середине и первой половине бронзового века) почти полностью заключается в его мастерском исполнении, а также в свободе и адекватности, с которой используются очень простые механические элементы декора. Это искусство, которое вызывает к чувству красоты главным образом через мастерство изготовления, проявляющееся как в выборе материалов и декоративных элементов, так и в их использовании. Когда это искусство стремится к более амбициозным декоративным эффектам или к изображению форм жизни, или вообще к любому изображению, которое не было оформлено почти до неузнаваемости, как это происходит в более поздние периоды бронзового века, результатом является то, что его можно похвалить только за его мастерство, и что касается художественного эффекта, то это в основном нерациональное мастерство.⁸⁸

Та же рабочая проницательность и легкость проявляются и в вопросе заимствования, о котором уже говорилось. Заимствования продолжаются на протяжении всей этой доисторической культуры, и заимствованные элементы ассимилируются с такой быстротой и эффектом, что почти с самого начала они кажутся домашними. Это заимствование технологических элементов, которые редко используются, за исключением полной и компетентной адаптации к тем целям, для которых они используются; настолько, что археологам исключительно трудно отследить заимствованные элементы до конкретных источников, несмотря на большой объем и частоту этого заимствования.

У этого поверхностного заимствования есть еще один, более неясный аспект. В культурах, где технологические и декоративные элементы впервые изобретаются или приобретаются из первых рук путем медленного привыкания, вместе с ними в схему технологии или искусства в большей или меньшей степени, но предположительно в значительной степени, войдут посторонние или побочные продукты их приобретения, в виде магической или символической эффективности, приписываемой им и закрепляющейся в образе мышления их создателей и пользователей. Нечто в этом роде уже было изложено в некоторых деталях в отношении одомашнивания и раннего использования культурных растений и животных; и подобное в настоящее время считается верным, возможно, в большей степени, для зачатков искусства, как репрезентативного, так и декоративного, современными исследователями этого предмета; считается, что зачатки искусства были в основном магическими и символическими, поскольку речь идет о первичных мотивах его возникновения и исходных принципах.⁸⁹

В возникновении и местной разработке любого данного технологического фактора, например, такого, как использование культурных растений или домашних животных, элементы вменяемого антропоморфизма, вероятно, заключаются в привычном понимании природы этих факторов и, таким образом, находят отражение в технологической рутине, имеющей к ним отношение; результатом является, главным образом, ограничение их использования, а также способов и средств, с помощью которых они используются, наряду с ограничением хода магических и религиозных обрядов, которые, как предполагается, являются присущими должному функционированию таких факторов. Ритуал, связанный с обработкой почвы и разведением крупного рогатого скота, демонстрирует эту магическую сторону домашней технологии, возможно, не менее удачно, чем что-либо другое; но подобные явления отнюдь не редкость в механическом искусстве, а в изящных искусствах эти принципы символизма и тому подобное

обычно присутствуют в такой силе, что дают основание отличать одну школу или эпоху искусства от другой.

Теперь, когда какой-либо данный технологический или декоративный элемент пересекает границу между одной культурой и другой в процессе заимствования, вполне вероятно, что он войдет в новую культуру, лишенный большей части или всех своих антропоморфных или духовных достоинств и ограничений, особенно, конечно, если рассматриваемая культурная граница одновременно является языковой границей; поскольку заимствование, вероятно, произведено из соображений производственной целесообразности, а предполагаемые духовные атрибуты задействованных фактов неочевидны для людей, которые не были обучены их приписывать. Главным исключением из такого правила было бы любое заимствование, вступающее в силу по религиозным мотивам, и в этом случае, конечно, магическая или символическая эффективность заимствованных элементов является тем содержанием, которое ищется при заимствовании. В этом, по-видимому, заключается большая часть отличительного характера североевропейской доисторической культуры, которая в значительной степени была построена из заимствованных элементов, что касается как ее технологии, так и ее искусства. И этим свободным и обширным заимствованием также может быть вызвана очевидная бедность этой ранней культуры религиозными или магическими элементами.

Далее следует эффект. Поскольку заимствования были (относительно) не обременены ритуальными ограничениями и магическими требованиями, связанными с их использованием, они вписывались бы в схему вещей как нечто само собой разумеющееся, с ними можно было бы обращаться с такой же свободой и беспрепятственной проницательностью, с какой рабочий использует свои собственные руки, и их можно было бы, без оговорок, использовать для любого применения, для которого они механически подходили. Что-то от символизма и суеверия могло, конечно, быть перенесено при заимствовании, и что-то большее неизбежно привнеслось бы в заимствованные элементы в процессе их использования; но свободный старт всегда будет иметь значение для результата, как с точки зрения скорости прогресса, достигнутого в использовании средств, приобретенных путем заимствования, так и с точки зрения характера технологической системы в целом, в которую они были внедрены. Как относительную свободу от магических ограничений, так и рост самодельных антропоморфных вменений можно легко обнаружить в ходе развития этой северной культуры и в ее результатах в наше время. Крупный рогатый скот, например, является заимствованным технологическим фактом в регионе Балтийского и Северного морей, но суеверные обычаи, по-видимому, никогда не были связаны со скотоводством в этом регионе в таком объеме и с такой строгостью, какие можно найти ближе к первоначальной родине одомашненных видов; и все же объем фольклорных преданий, в основном добродушного и относительно ненавязчивого характера, которые в более поздние времена разрослись об уходе за скотом в скандинавских странах, отнюдь не является незначительным.

ГЛАВА IV

Технология хищнической культуры

Схема технологического понимания и мастерства, существующая в любой данной культуре, явно является продуктом групповой жизни и является общим достоянием, и столь же очевидно, что отдельный работник беспомощен без доступа к ней. Не будет преувеличением сказать, что он рабочий только потому и постольку, поскольку он эффективно участвует в этом общем запасе технологического оборудования. Он может быть в особой степени одарен склонностями к труду, может от природы быть крепким, или ловким, или зорким, или сообразительным, или проницательным, или трудолюбивее своих собратьев; но со всеми этими способностями, пока он не усвоил ничего из этого общего запаса знаний, необходимых для работы, он остается просто замечательным сгустком человеческого сырья; от него нет никакого толку в трудолюбии. Обладая такими особыми способностями или специальной подготовкой, основанной на этом общем запасе, индивид может выделиться среди своих собратьев как работник исключительных достоинств и ценности, а без общего набора рабочих способностей он может ни к чему не привести как рабочий, даже при самых больших возможностях и самом усердном обучении. Именно они вместе составляют рабочую силу сообщества; и в обоих отношениях, как в унаследованных, так и в приобретенных чертах, индивид является продуктом групповой жизни.

Используя этот термин в достаточно свободном смысле, родословная является не меньшим и не более необходимым условием эффективного оснащения рабочего, чем общий запас технологического мастерства, который предлагает ему сообщество. Но его родословная - это групповая родословная, точно так же, как его технология - групповая технология. Как иногда говорят в том же духе, индивид - это создание наследственности и обстоятельств. А наследственность - это всегда групповая наследственность,⁹⁰ возможно, особенно характерная для человеческого вида.

Побуждения завистливого самоуважения обычно побуждают людей уклоняться от чего-либо или отрицать широту своего наследия в отношении человеческой природы. “Я не такой, как вон тот мытарь”, независимо от того, имею ли я милость поблагодарить Бога за это возмутительное отличие или, проще говоря, отнести это на счет моих уважаемых предков по мужской линии. С изменением места проведения, посредством которого дело выводится из-под юрисдикции заинтересованных сторон, его суть меняется. Факт групповой наследственности у низших животных, например, настолько очевиден, что биологи не склонны отрицать ее всепроникающую силу, помимо любых предполагаемых партеногенетических линий происхождения, — и, к неудобству евгенического фарисея, партеногенетическое происхождение никогда не происходит по мужской линии, к тому же оно чрезвычайно редко встречается у человеческого вида. Как само собой разумеющееся, биологи-дарвинисты имеют привычку ссылаться на групповую наследственность как на главный фактор стабильности видов, и их очень интересуют особые обстоятельства любого данного случая, в которых она может оказаться не в полной мере действенной; и они, с другой стороны, даже с надеждой смотрели на случайную изоляцию определенных линий происхождения как на возможный фактор дифференциации и закрепления конкретных типов, будучи в затруднении объяснить такую дифференциацию или закрепление, пока на пути постоянного скрещивания не встанет непреодолимое механическое препятствие. Аналогичная сила групповой наследственности

проявляется в характерных различиях рас. Наследственность любой данной расы человечества всегда достаточно однородна, чтобы все ее особи могли быть отнесены к одной расе. И когда в довольно чистокровном сообществе обнаруживается индивид, демонстрирующий физические черты, которые явно отличаются от общего расового типа сообщества, перед антропологами напрашивается вопрос не о том, чем этот индивид отличается от других представителей той же породы? но что это за инопланетная разновидность и как она пришла? И то, что верно в отношении физических характеристик расы в этом отношении, лишь в меньшей степени верно в отношении ее духовных черт.

В культуре, где все индивиды являются гибридами с точки зрения родословной, как это имеет место у всех ведущих народов христианского мира, пути этой групповой наследственности особенно извилисты, и судьба индивида в этом отношении в особой степени подвержена капризам менделевских случайностей; так что его состав, физический и духовный, является, говоря человеческим языком, в основном частью случайностей. Там, где каждый индивид черпает свои наследственные черты из широкого ряда нестабильных гибридов, как это делают все цивилизованные люди, его шансы всегда равны шансам обычного жребия, с некоторой небольшой предшествующей вероятностью его сходства с наиболее близкими из его разнообразной родословной. Но у него также и везде в этом гибридном панмиксисе есть отличный шанс получить что-то более выраженное, хорошо это или плохо, в плане наследственных черт, чем все, что демонстрировали его разнообразные предки. В таком гибридном сообществе обычно случается, что при новом скрещивании гибридов, которое происходит при каждом браке, в потомстве выявляется какая-то новая особенность, незначительная или значительная, превосходящая все, что видно в родителях или более отдаленной родословной; ибо при скрещивании того, что можно назвать многогибридными родителями, дополнительные признаки, которые могли быть дремлющими или рецессивными у родителей, появятся с обеих сторон, объединятся, усилят друг друга и в совокупности дадут неожиданный результат. Так что в гибридном сообществе судьба всех индивидов несколько неустойчива с точки зрения наследственности.

Таковы условия, которые преобладали среди народов Европы с первых зачатков той культуры, которая привела к западной цивилизации, известной истории. Следовательно, в этих обстоятельствах любой индивид обязан группе не только своей долей того определенного типичного набора черт, которые характеризуют общую группу, но обычно и чем-то большим, чем достается ему в виде индивидуальных качеств и недостатков, если он каким-либо образом отличается от общей группы, а также слепой возможностью передачи почти любых черт, которыми он не обладает.⁹¹

В низших культурах, где разделение труда невелико, а разнообразие профессий в основном таково, что отражает смену времен года, общий запас технологических знаний и умений не столь обширен или столь малоизвестен, но обычный человек может каким-то образом использовать его, и в своих основных чертах он доступен всем членам сообщества благодаря общей известности, а обучение, требуемое состоянием промышленного искусства, становится для каждого само собой разумеющимся в повседневной жизни. Необходимое материальное оснащение инструментами и приспособлениями невелико, и их приобретение является простым делом, которое также является эпизодом в рутине повседневной жизни. Учитывая общую склонность к производственным занятиям, присущую членам такого сообщества, материальное оборудование, необходимое для поиска средств к существованию или для

осуществления обычных производственных усилий и выпуска обычной промышленной продукции, может быть приобретено любым человеком без напряжения в ходе его работы по мере продвижения вперед. Материальное оборудование, инструменты, орудия труда, приспособления, необходимые и способствующие продуктивному труду, являются второстепенными для повседневной работы; во многом то же самое, но в более ограниченной степени, чем подобное, верно в отношении технологических знаний и навыков, необходимых для использования этого оборудования.⁹²

Как определяется состоянием промышленного искусства в такой культуре, члены сообщества сотрудничают в выполнении большей части своей работы к общей выгоде и никому не в ущерб, поскольку, по существу, никакой индивидуальной или частной выгоды искать не приходится. По существу, здесь нет бартера или найма, хотя у всех членов организации есть признанное обязательство протянуть руку помощи; и, конечно, нет никакой цены, поскольку нет собственности и нет владения, по той достаточной причине, что привычки жизни в этих обстоятельствах не провоцируют такую привычку к мышлению. Несомненно, само собой разумеется, что предметы обихода и украшения принадлежат их создателям или пользователям интимным и личным образом; что будет истолковываться как собственность, когда в опыте сообщества возникнет повод для такого понятия, как собственность, и сохранится с достаточной силой, чтобы сформировать нынешние привычки мышления на этот счет. Существует также более или менее взаимное обслуживание и помощь с достаточным чувством взаимности, чтобы установить обычную схему требований и обязательств в этом отношении. Точно так же верно и то, что такая община владеет определенными землями и обычными узуфруктами и что любое посягательство на эти традиционные владения вызывает возмущение. Но было бы порочным заблуждением усматривать в этих обычаях идеи и права собственности, хотя там, где цивилизованные люди сталкивались с примерами подобного рода, они обычно были неспособны применить какое-либо другое толкование обычаев, регулирующих данный случай; по той причине, что отношения цивилизованных людей с этими народами более низкой культуры носили денежный характер и преследовали денежную цель, и они не принесли из дома ничего, кроме денежных представлений.⁹³ Поскольку в руках мало того, чем стоит владеть, и мало целей, которым может служить владение, привычки мышления, которые лежат в основе института собственности и прав собственности, не сформировались. Незначительные факты, которые сами по себе могли бы свидетельствовать о праве собственности, не имеют достаточного масштаба или срочности для введения института в действие, и с ними лучше обращаться в соответствии с обычаями, которые еще не учитывают права собственности. Естественно, в такой культурной ситуации нет заметного накопления богатства и нет стимула к нему; ближайшим подходом является накопление безделушек и личных вещей, к числу которых следует, по крайней мере в некоторых случаях, отнести определенное оружие и, возможно, инструменты.⁹⁴ Эти вещи принадлежат их владельцу или предъявителю во многом в том же смысле, что и его имя, которое не закреплялось за ним на правах собственности или в качестве денежного актива до использования товарных знаков и коммерческой выгоды.

Рабочий — возможно, более типично работница — в такой культуре, как, впрочем, и в любой другой, является “производственным агентом” в той мере, в какой это определяется состоянием промышленного искусства. То, что очевидно в этом отношении, здесь лишь менее заметно для любой другой, более сложной и технологически насыщенной культурной ситуации, такой, какая сложилась с ростом населения и богатства среди более развитых народов. Он или она, или, скорее, они — поскольку в этих сообществах практически нет строго обособленной

промышленности — являются производственными факторами или промышленными агентами в том смысле, что они при случае будут производить излишек сверх своего необходимого текущего потребления только потому, что и постольку, поскольку состояние промышленного производства позволяет им это делать. Как рабочий, разнорабочий, производитель, кормилец семьи, индивид является порождением технологической схемы, которая, в свою очередь, является порождением групповой жизни сообщества. Помимо общего запаса знаний и профессиональной подготовки, отдельные члены сообщества не оказывают никакого промышленного эффекта. Действительно, без помощи этого общего технологического оборудования ни один индивид и ни одна семейная группа ни в одном из известных сообществ человечества не могли поддерживать свою собственную жизнь; ибо в течение длительного периода истории человечества, с тех пор как впервые был достигнут человеческий уровень, ранние мутанты, которые были пригодны для выживания в первобытном состоянии без инструментов и технологий, выборочно исчезали, как непригодные для выживания в условиях домашнего уюта, навязанных таким высокоразвитым состоянием промышленного искусства, как любая из ныне существующих диких культур.⁹⁵ *Homo Javensis* и ему подобные исчезли, потому что для них технологически нет места между антропоидами, с одной стороны, и существующими типами человека, с другой. И никогда с тех славных дней, когда *Homo Javensis* взял на себя "бремя белого человека" ради лучшего регулирования жизни своих соседей-антропоидов, технологическая схема не допускала, чтобы какой-либо индивид вел свою жизнь по отдельности. Таким образом, промышленная эффективность, будь то отдельного рабочего или сообщества в целом, является функцией состояния промышленного искусства.⁹⁶

Простая и очевидная промышленная система этого архаичного плана оставляет индивидов, или, скорее, домашние группы, составляющие сообщество, экономически независимыми друг от друга и от сообщества в целом, за исключением того, что они зависят от общего технологического запаса нематериального оборудования, с помощью которого добывают средства к существованию. Это, конечно, не ощущается ими как отношение зависимости; хотя, по-видимому, обычно существует некоторое чувство долга со стороны молодежи и ответственности со стороны старшего поколения за надлежащую передачу признанных элементов технологического мастерства. Невозможно точно сказать, в какой момент роста и усложнения технологии эта простая промышленная схема начнет уступать место новым требованиям и даст повод для новой схемы институтов, регулирующих экономические отношения людей; такой, что полномочия и функции мужчин в промышленном сообществе будут определяться на иных основаниях, чем способности рабочего и специальная подготовка. По природе вещей, для этой фазы промышленной организации не может быть жестких ограничений. Его исчезновение или вытеснение в любой культуре, по-видимому, всегда было вызвано ростом собственности, но институт собственности ни в коем случае не должен возникать внезапно на каком-либо определенном этапе технологического развития. Таким образом, эта архаичная фаза культуры, в которой промышленность организована только на основе мастерства, может очень сильно пересекаться и смешиваться с последующей фазой, в которой отношения собственности в основном определяют детали промышленной организации, — как это с разной степенью детализации показано на примере известных низших культур.

Силы, которые могут вызвать такой переход, часто сложны и непонятны, и они редко бывают одними и теми же в любых данных двух случаях. Ни материальная ситуация, ни задействованный человеческий материал не являются в точности одинаковыми во всех или нескольких случаях, и не существует принудительно нормального хода вещей, который ограничивал бы рост институтов, заставляя их принимать определенную типичную форму или следовать определенной типичной последовательности во всех случаях. И все же в целом такая замена свободного ремесла денежным контролем над промышленностью, по-видимому, была неизбежно связана с любым значительным ростом культуры. Действительно, по крайней мере в экономическом отношении, это, по-видимому, была самая универсальная и наиболее радикальная мутация, которой подверглась человеческая культура на пути своего продвижения от дикости к цивилизации; и причины этого должны носить столь же универсальный и неотъемлемый характер.

В качестве обобщения, основанного на инстинктивном даровании человечества, можно принять тот факт, что человеческое чувство мастерства неизбежно будет продолжать учитывать имеющиеся в наличии технологические знания, и, таким образом, с течением времени, возможно, путем незаметных достижений, постепенно изменит технологическую схему, а следовательно, также отвечающую ей схему обычных канонов поведения; и в отсутствие непреодолимых обстоятельств эта последовательность изменений должна, в общем, быть направлена на достижение большого технологического мастерства. Следует искать что-то на пути "продвижения" в рабочем мастерстве, в отсутствие неумолимых ограничений окружающей среды. Ограничения могут устанавливаться материальными обстоятельствами или обстоятельствами институциональной ситуации, но на более низких уровнях культуры непреодолимыми препятствиями для такого продвижения, по-видимому, были препятствия, налагаемые материальными обстоятельствами; хотя институциональные факторы, несомненно, сильно затормозили продвижение в большинстве случаев и, вполне возможно, во многих случаях нанесли ему поражение. В некоторых из известных низших культур такая непроходимая конъюнктура в области технологий, по-видимому, время от времени достигалась, что приводило к "стационарному состоянию" промышленного искусства и социальных механизмов, экономических и иных. Такой пример "остановленного развития" представляют эскимосы, которые, по всей видимости, достигли пределов технологического мастерства, возможного в тех материальных условиях, в которые они были поставлены, и при тех технологических предпосылках, которые им пришлось пережить. На другом конце американского континента жители Огненного и патагонского континентов, возможно, аналогичным образом достигли, по крайней мере, временного предела того же характера; хотя в их случае такое утверждение менее достоверно из-за скудного и фрагментарного характера имеющихся свидетельств. Точно так же бушмены, айны, различные представительные сообщества негритян и, возможно, дравидийских племен, по-видимому, достигли временного предела, запрещающего вмешательство извне. В этих последних случаях решающие препятствия, если их принимать как таковые, по-видимому, кроются в человеческой природе дела, а не в материальных обстоятельствах. В этих последних случаях чувство мастерства, хотя и заметно бдительное и активное, по-видимому, было недостаточным для приведения технологической схемы к дальнейшим новым разветвлениям из-за отсутствия необходимых интеллектуальных способностей - недостаточности способностей не по степени, а по характеру.

Способ, которым растущее технологическое мастерство привело от дикарского плана свободного изготовления изделий к варварской системе производства под контролем денег,

возможно, является опасной темой для спекуляций; но известные факты первобытной культуры, по-видимому, допускают по крайней мере несколько общих положений широкого и временного характера. Кажется достаточно безопасным сказать, что архаичный план свободного изготовления изделий у дикарей обычно сохранялся на протяжении всего технологического периода палеолита и даже несколько позже перехода к неолиту. Это справедливо подтверждается современными свидетельствами, относящимися к диким культурам. В предыстории североевропейской культуры также есть основания предполагать, что начало денежного контроля приходится на раннюю половину периода неолита.⁹⁷ Кажется, что в технологическом прогрессе нет четко определенного момента, который, как можно сказать, сам по себе вызвал бы это революционное изменение в институтах, управляющих экономической жизнью. По-видимому, это слабо коррелирует с технологическим совершенствованием, так что оно возникает, когда состояние промышленного искусства дает для этого достаточные основания, но то, что является достаточным основанием, очевидно, не может быть определено в терминах только промышленного искусства. Среди ранних последствий технического прогресса, выходящего за рамки схематично указанного выше состояния промышленного искусства и примерно совпадающего со стадией палеолита, с одной стороны, является заметное обращение к “косвенным методам производства”, включающим систематическую обработку почвы, одомашнивание растений и животных; или значительное оснащение промышленными приборами, которые в любом случае потребуют преднамеренных затрат труда и дадут владельцам оборудования нечто большее, чем сиюминутное преимущество в поисках средств к существованию. С другой стороны, это также приводит к накоплению богатства, выходящего за рамки текущих средств к существованию и за рамки того небольшого набора личных вещей, которые не имеют ценности ни для кого, кроме их дикаря-носителя.

Таким образом, дается технологическая основа для финансового контроля над промышленностью, поскольку “обходной процесс производства” приносит доход, превышающий прожиточный минимум занятых в нем рабочих, а материальное оснащение техникой (посевы, фруктовые деревья, домашний скот, механические приспособления) привязывает этот обходной процесс производства к более или менее определенному месту и заведенному порядку, например, делает возможным наблюдение и контроль. Поскольку жизнь рабочего на новой фазе развития технологии зависит от оборудования и упорядоченной последовательности “обходного процесса”, его работу можно контролировать и излишки, получаемые его промышленностью, могут быть обращены в доход; становится целесообразным владеть материальными средствами производства, а владение материальными средствами в такой ситуации влечет за собой узурпацию нематериального оборудования сообщества, обеспечивающего технологическое мастерство.

Существенным фактом, на котором сходится стратегия владения, является этот узурпатор промышленности, и материальные объекты собственности, к которым предъявляются права собственности, соответственно, будут меняться время от времени, в зависимости от того, насколько состояние промышленного искусства наилучшим образом обеспечит эффективное использование этого узурпатора посредством владения тем или иным материальным объектом, необходимым для развития промышленности. Соответственно, главным предметом собственности могут быть выращиваемые деревья, как на некоторых островах Южного моря; или обрабатываемая земля, как это происходит во многих сельскохозяйственных сообществах; или рыбные запруды и их расположение, как на некоторых лососевых реках северо-западного побережья Америки; или домашние животные, как это типично для скотоводческой культуры;

или это могут быть лица рабочих, как это происходит при различных обстоятельствах как в скотоводческих, так и в сельскохозяйственных сообществах; или при развитии технологии такого характера, что механические приспособления промышленности оказываются в особенно выгодном положении для населения. поглощая окольные производственные процессы, как в современной машиностроительной промышленности, эти механические приспособления могут стать типичной категорией промышленного богатства и, таким образом, считаться “производственными товарами” в некотором особом смысле.

Институциональные изменения, посредством которых вступает в силу денежное регулирование промышленности, могут принимать ту или иную форму, но их результатом обычно становится та или иная форма собственности на материальные блага. В частности, это было результатом в ходе развития, которое привело к появлению тех великих финансовых культур, наиболее совершенным примером которых является западная цивилизация. Но именно в какой форме будет осуществлен переход, если вообще будет осуществлен, от свободного ремесла к денежной промышленности и собственности, в значительной степени зависит от того, насколько позволит материальное положение сообщества. В некоторых случаях обстоятельства, по-видимому, вообще не позволяли осуществить переезд. Эскимосская культура, возможно, является крайним случаем такого рода. Состояние промышленного искусства среди них, по-видимому, значительно вышло за рамки технологического этапа, указанного выше как критический в этом отношении. Это предполагает значительную специализацию и накопление приспособлений, таких как лодки, сани, собаки, упряжь, различные специальные формы сетей, гарпунов и копий, а также сложную линейку мелких приспособлений, необходимых для повседневной работы и воплощающих в себе тщательно стандартизированную технику. В то же время эти предметы обихода вместе с их домашними и личными вещами представляют собой нечто заметное в плане портативного богатства. Тем не менее, в своих экономических (денежных и промышленных), бытовых, социальных или религиозных институтах эскимосы по существу не вышли за рамки обычного регулирования, обычно ассоциируемого с более простым состоянием промышленного искусства, типичным для культуры дикарей эпохи палеолита. И эта архаичная эскимосская культура с ее высокоразвитой технологией, по—видимому, имеет неисчислимую древность; компетентные исследователи античности даже полагают, что она не претерпевала серьезного прогресса или упадка со времен европейского палеолита - периода продолжительностью не менее десяти тысяч лет.⁹⁸ Предполагается, что причины, обуславливающие этот “отсталый” тип культуры среди эскимосов в сочетании с относительно развитой и чрезвычайно совершенной технологической системой, кроются в их материальном окружении; которое, с одной стороны, не допускает скопления людей на небольшой территории или позволяет организовать и контролировать целый комплекс. компактное сообщество любого значительного размера; в то время как, с другой стороны, они требуют большой степени сотрудничества и общих интересов под страхом крайних лишений, если не полного исчезновения.

Более запутанным на первый взгляд является случай таких оседлых сельскохозяйственных сообществ, как индейцы пуэбло, которые также не продвинулись материально дальше более простой культурной схемы дикой жизни и не восприняли всерьез систему собственности и денежного контроля над промышленностью, несмотря на то, что они достигли очень значительного прогресса в промышленных искусствах, особенно в сельском хозяйстве, такого, который, казалось бы, давал им право на нечто “более высокое”, чем то состояние мирной, ненасильственной социальной организации, в котором они оказались при первом контакте с

цивилизованными людьми, с материнским происхождением и материнской любовью. -богини, причем без особых прав собственности, накапливали богатство или денежные различия между классами. Опять же, объяснение, вероятно, следует искать в особых условиях окружающей среды, возможно, подкрепленных особенностями расовой принадлежности; хотя последний момент кажется сомнительным, поскольку как лингвистически, так и антропометрически пуэбло принадлежат к двум или трем различным группам, в то время как их культура заметно однородна по всему региону пуэбло, как с технологической, так и с институциональной стороны. Особыми материальными обстоятельствами, которые, по-видимому, обусловили культуру пуэбло, являются (а) среда обитания, благоприятствующая сельскохозяйственным поселениям только в изолированных и далеко отстоящих друг от друга местах, (b) места для обитания (на отдельно стоящих мезах или на других труднопроходимых холмах, в изолированных долинах или каньонах), легко защищенные от агрессии извне и не дающие заметных дифференциальных преимуществ или допускающие сегрегацию населения внутри пуэбло, (с) отсутствие вьючных животных, которые позволяли жителям аналогичных регионов старого света эффективно преодолевать большие расстояния и сделать рейдерство прибыльным или, по крайней мере, привлекательным предприятием.

Эти и другие специфические примеры того, что, возможно, можно назвать культурной отсталостью, указывают в порядке исключения на то, что могло быть основными причинами, которые определяли продвижение к более высокой культуре при более обычных обстоятельствах, — под “обычными” подразумеваются такие обстоятельства, которые, очевидно, привели к иному и, можно сказать, более нормальному результату в старом свете, и особенно в регионе западной цивилизации.

В обычном порядке, казалось бы, такой прогресс в промышленном искусстве, который приведет к накоплению богатства, значительному и эффективному промышленному оборудованию, или к систематической и постоянной обработке почвы, или к обширному разведению крупного рогатого скота, также приведет к возникновению собственности и имущественных прав, связанных с этими ценными товарами, или с рабочими, или с землей, используемой в их производстве. То, что казалось наиболее естественным и очевидным началом прав собственности, по мнению тех экономистов, которые проявляли интерес к этому вопросу, - это накопление ценностей теми из древних работников, которые благодаря эффективности, усердию или случайной выгоде могли производить несколько больше, чем их текущее потребление. Существуют трудности, хотя, возможно, и не непреодолимые, на пути такого возникновения прав собственности и денежной дифференциации внутри любого данного сообщества. Характер людей, воспитанных на более простом плане рукопашной и общих интересах, не склоняется с готовностью к такому институциональному нововведению, даже несмотря на то, что эгоистичные импульсы отдельных членов сообщества могут быть направлены в такое русло, которое дало бы предполагаемый результат.⁹⁹

Существуют другие, более естественные способы достижения тех же результатов, способы, более согласующиеся с той архаичной схемой обычаев, на которой должен быть привит новый институт собственности. (а) В известных культурах этого более простого плана обычно есть или, по крайней мере, часто присутствует класс магов (шаманы, знахари, ангекуты), зачаточный класс священнослужителей, которые зарабатывают на жизнь частично “своим умом”, наполовину паразитически, за счет своего рода десятины, взимаемой с их собратьев за сверхъестественное служение и подвиги веры, которые стоят столько, сколько они

принесут.¹⁰⁰ Поскольку промышленная эффективность сообщества возрастает с развитием технологий, и имеется растущий объем располагаемой продукции, из этого должно естественно следовать, поскольку такова природа человека, что услуги священников или магов должны расти в цене и, таким образом, позволять священникам откладывать что-то, приобретать особые права на определенные участки земли, или выращиваемые деревья, или зерновые культуры, или первые плоды, или труд, выполняемый их прихожанами. Нет предела ценности такого служения, кроме предела терпимости, “того, что выдержит дорожное движение”. И таким образом можно многое сделать, что находится в тесном контакте с привычным образом жизни известных дикарей и низших варваров. В той мере, в какой такой шаг будет успешным, он изменит экономическое положение сообщества, сделав членов-мирян, пока что, подчиненными священническому классу, и соберет богатство и власть в руках священников; таким образом, вводятся отношения господина и слуги вместе с классовыми различиями в богатстве, практикой исключительной собственности и денежными обязательствами. (b) С накоплением богатства, будь то в переносной форме или в виде плантаций и обработки почвы, возникает стимул к агрессии, хищничеству, под каким бы названием оно ни было известно. Такая агрессия - обычное дело для низших культур, поскольку отношения между этими дикими и варварскими сообществами обычно натянутые. Обычно между ними существует состояние отчуждения, доходящее до конструктивной вражды, хотя вражда склонна бездействовать *primodus vivendi* до тех пор, пока нет адекватного стимула к открытым военным действиям в виде добычи. При наличии достаточно богатого врага, который достаточно плохо подготовлен к военным действиям, чтобы предоставить себе боевой шанс завладеть этим богатством в виде добычи или дани, без очевидных шансов на должные репрессии, и открытие военных действий обычно происходит само собой. Сообщества, заинтересованные друг в друге, таким образом, переходят от более или менее ненадежных мирных обычаев и враждебности, общих для бедных низших культур, к более или менее привычной позиции хищнической эксплуатации. С началом войны появляется военный вождь, в руках которого власть и денежное вознаграждение накапливаются пропорционально тому, как военные подвиги и идеалы становятся привычными в обществе.¹⁰¹ В любом набеге большая или меньшая часть добычи попадает в руки победителей. Добычей могут быть товары, скот, если таковой имеется, или мужчины, женщины и дети; все это может стать (частной) собственностью и быть накоплено в достаточной массе, чтобы сделать разницу между богатыми и бедными. Пленники могут попасть в ту или иную форму рабства, и в сельскохозяйственном сообществе они легко могут стать главной статьей богатства. В то же время вся община может быть обращена в рабство, то есть попасть во владение отсутствующего владельца (хозяина) или под власть местных хозяев, пришедших от победившего врага.

Любым или всеми из этих способов институт собственности, вероятно, возникнет сразу же, как только для этого появится повод, и во всех случаях это следствие заметного прогресса в промышленном искусстве. Тем не менее, в ряде зарегистрированных случаев за достаточным развитием технологии, по-видимому, не последовало столь быстрого введения права собственности, по крайней мере, не в полностью развитой форме, как того, казалось бы, требовали поверхностные факты. Обычаи в низших культурах чрезвычайно живучи, и то, что может показаться чрезмерным расходом времени, по-видимому, необходимо для столь радикального изменения привычного порядка вещей, которое связано с установлением прав собственности. Есть случаи довольно развитой варварской культуры с достаточно принудительным государственным контролем, авторитетным духовенством и четко

выраженными классовыми различиями, которые сохраняются как в экономических, так и в социальных отношениях, и все же где демаркационная линия между собственностью и господством не проведена каким-либо однозначным образом — где, возможно, настолько точным утверждением, насколько позволяет случай, будет сказать, что это различие еще не было проведено, и поэтому, если его применить, оно обозначило бы различие, которого еще не существует. [102](#)

До тех пор, пока явные хищнические условия продолжают управлять ситуацией, — например, до тех пор, пока рассматриваемое сообщество продолжает, в некотором смысле, находиться на военном положении, “в состоянии осады”, когда обладатели экономического преимущества удерживают его на основании доблести или путем делегирования власти и прерогатив от вышестоящего лица с воинственным прошлым и династическим правом, — до тех пор права собственности вряд ли будут хорошо отличаться от прав господства. Во многом та же характеристика такого положения вещей содержится в нынешней фразе о том, что “права личности и собственности не защищены”. Очень широкая распространенность в варварских культурах некоторого подобного положения вещей утверждает, что генезис прав собственности, вероятно, был чем-то в этом роде в обычном режиме, хотя в других случаях это не исключает иного и более мирного развития экономики, основанной на труде или жречестве.

Но даже если бы при тщательном рассмотрении вопроса было обнаружено, что генезис собственности относится к последнему виду, то, по всей вероятности, также обнаружилось бы, что у народов, чей институциональный рост оказывает серьезное генетическое влияние на западную культуру, владение собственностью, поздно или рано, прошло через фазу хищнического владения, в которой различие между собственностью и господством настолько утратило силу, что оказало лишь незначительное влияние на дальнейшее развитие. Там, где, как, по—видимому, часто имело место как в Европе, так и в других местах, царствование и светская власть возникли из должности священника и духовной власти - или, возможно, лучше, где зачаточное царствование изначально имело в основном жреческий облик, с постепенным переносом королевской власти и прерогатив на временную основу, [103](#)— там переход от создания собственности и прав господства с помощью жреческой экономики (мошеничество?) к обладанию богатством и властью по королевской прерогативе (силой?) уилл настолько смешал два метода книги бытия, что оставил попытки жесткого и быстрого различения между ними несколько бесполезными.

Но что бы ни представлялось генезисом собственности, в культуре варваров обычно обнаруживается, что этот институт смягчается большим влиянием хищнических концепций статуса, прерогатив, дифференцированного уважения к личностям и экономическим классам и соответствующего дифференцированного уважения к профессиям. Независимо от того, провоцирует ли собственность хищничество или хищничество инициирует владение, ситуация, возникающая на ранних стадиях развития денежной культуры, во многом одинакова; и причинно-следственная связь, в которой эта ситуация находится с прогрессом в мастерстве, также во многом одинакова. Эта связь между мастерством и денежной культурой, возникшей с появлением права собственности, носит двоякий характер, или, возможно, лучше сказать, это отношение взаимного отдачи и взятия. Повышение эффективности производства благодаря достаточному прогрессу в области промышленного искусства приводит к возникновению права собственности и денежной оценке людей и вещей, профессий и продуктов, привычек, обычаев, обрядов, обрядностей, услуг и товаров. В то же время, поскольку хищничество и военные

подвиги тесно связаны с фактами собственности на протяжении всей ее ранней истории (возможно, на протяжении всей ее истории), это приводит к заметному усилению эгоистических настроений; с экономически важным следствием, заключающимся в том, что личный интерес вытесняет общее благо в идеалах и устремлениях людей. Враждебность, вызываемая хищническим подвигом, продиктована своекорыстием, поиском собственной выгоды за счет врага, которая часто, в поэтически идеальном случае, принимает такую крайнюю форму, что человек предпочитает потерю врага своей собственной выгоде. И в соревновании, которое хищнический образ жизни и связанные с ним различия в богатстве приносят в сообщество, целью усилий, вероятно, станет дифференциальное преимущество индивида по сравнению с его соседями, а не недифференцированное преимущество группы в целом по сравнению с чужеродными или враждебными группами. Члены сообщества приходят на работу каждый из-за своих личных интересов в отдельности, а не из-за безраздельной заинтересованности в общей участи. Такое чувство групповой солидарности, которое может сохраниться, также принимает форму зависти и соперничества; в результате чего воинствующий патриот становится типом и образцом гражданина с общественным духом, чей идеал тогда состоит в том, чтобы следовать за своим лидером и смирять гордыню тех, кого шансы на соперничество поставили на другую сторону игры. Чувство общности интересов, само по себе в значительной степени являющееся размытым проявлением родительского инстинкта, в лучшем случае сводится к славе флага, а не к полноте жизни сообщества в целом, или, что более часто, оно сосредоточивается на лояльности, то есть подчинении общему военачальнику и его династическим преемникам.

В изменении видов деятельности, идеалов и целей, вызванных появлением богатства и собственности, нельзя упускать из виду роль священников и их божеств, поскольку в этом заключается одно из величайших культурных достижений, принесенных технологическим прогрессом на данном этапе. Количество услуг и продуктов, доступных для потребления в культе, увеличивается, и, как следствие, возрастает духовный престиж, а также светская власть и прерогативы духовенства. Юрисдикция богов победителей расширяется; через заместительную власть жрецов над подчиненными народами, и по мере расширения временного владычества и применения все большей меры принуждения для контроля над этими владениями, так же и в делах богов и их жрецов происходит приумножение власти и достоинства. Там, где хищническое предприятие становится обычным и успешным, обычно случается так, что светская власть сосредотачивается в руках автократического и деспотичного правителя; и в этом, как и во многом другом, духовные дела, вероятно, будут отличаться от мирских, что приведет к сильному смещению в сторону автократического монотеизма, который в конечном итоге достигает кульминации во всемогущем, всеведущем божестве с очень высоким достоинством и очень требовательным характером. Ибо привычки мышления, навязываемые в повседневной жизни, переносятся и на представление людей о том, что правильно и благостно в жизни богов. Если есть какой-либо выбор среди богов, под покровительством которых народ успешно вступил на путь хищничества, так что некоторые из богов имеют большую репутацию алчных и бесчеловечных, чем другие, то самый жестокий из них, вероятно, при прочих равных условиях станет богом войны воинства победителей и, таким образом, в конечном итоге возвысится до сюзеренитета среди богов и даже со временем станет единственным правителем божественного царства.

Если случится так, что относительно гуманное, терпимое и сговорчивое божество возвысится до божественного сюзеренитета, а также, возможно, если у такого человека уже есть веские предыдущие претензии, унаследованные от более мирного прошлого, он с готовностью

приобретет должное княжеское высокомерие и безответственность, которые присущи типичному небесному царю. Можно добавить, что, как само собой разумеющееся, разумеется, никакая степень вменяемой в вину всевышнему Богу бесчеловечности не устоит на пути богобоязненного и пронизательного священства, многословно приписывающего ему все хорошие качества, которые должны украшать пожилого патриархального джентльмена старой школы; так что даже его самые гнусные злодеяния становятся невыразимо похвальными и обходятся его милостью.¹⁰⁴

Испытывая страх перед ревнивым и всемогущим Богом, стоящим за ними, и веря в свою собственную миссию и мудрость в ее осуществлении, священство может сделать так, чтобы дела небесного царя имели большое значение в делах людей; особенно потому, что эта духовная сила вступает в рабочие соглашения с мирской властью; так что в итоге эти институты, которые по своему происхождению выросли из ненадежного запаса продукции, превышающего прожиточный минимум, получают в свое распоряжение всю продукцию в целом и оставляют ненадежный запас средств к существованию обществу в целом.¹⁰⁵

Эти дальнейшие вопросы “естественного права в духовном мире” сами по себе не представляют прямого интереса для настоящего исследования, и они также являются вопросами несколько утомительной банальности. Тем не менее, такой ход вещей имеет серьезные последствия для дальнейшего развития технологической ситуации, а также для материального благополучия сообщества, на котором лежит обязанность учитывать технологические знания, сохранять, улучшать и передавать их, и по этой причине казалось необходимым кратко напомнить те общие черты культурной схемы, которые по своей сути связаны с более ранней денежной культурой — полномасштабной культурой варваров. И, по-видимому, уместно также добавить кое-что еще в той же связи, прежде чем оставить этот аспект дела.

Необходимо вернуться к тому, что было сказано в предыдущей главе о связи земледелия и скотоводства с инстинктом мастерства и ходом технического прогресса. В этой связи особенно заметны как технологические, так и институциональные аспекты скотоводства. Как уже говорилось в предыдущем разделе, технологическая особенность скотоводства заключается в том, что оно может быть успешно внедрено и продвигаться вперед с большей примесью антропоморфных концепций, чем механическое искусство или даже чем приручение культурных растений и уход за ними. Возможно, не следует признавать, что склонность древнего человека к антропоморфному взгляду на низших животных и приписыванию им общих черт человеческой природы непосредственно способствовала их успешному одомашниванию, но было бы уместно сказать, что эта склонность, возможно, была в первую очередь ответственна за образ действий, который привел к одомашниванию животных,¹⁰⁶ и что это, по-видимому, никогда не было серьезным недостатком ни для одной пасторальной культуры. Богатство в стадах отличается не только тем, что оно в высшей степени переносимо, даже в той степени, в какой при обычном ходе этой отрасли скотоводческому сообществу необходимо мигрировать или проходить длительный маршрут со сменой сезонов, но оно также обладает особым качеством размножения спонтанно, при условии лишь определенной степени наблюдения и достаточного количества пастбищных угодий. Из этого следует, что крупный рогатый скот легко и заманчиво приобрести путем хищничества, он будет накапливаться за счет естественного прироста без заметных усилий со стороны его владельцев и будет размножаться сверх допустимой величины любого доступного поголовья. Следовательно, скотоводческий

народ или народ, в значительной степени преданный скотоводческим занятиям, с некоторой готовностью примется за хищнический образ жизни; ему придется организовываться для защиты (и нападения) от набегов или посягательств со стороны соседей, занятых теми же занятиями; ему будет не хватать пастбищных угодий из-за естественного увеличения своих стад, и поэтому он даже невольно будет втянут во вражду с соседними скотоводами из-за взаимного нарушения границ. Кроме того, работа по выпасу скота в масштабах, обусловленных открытыми континентальными ареалами крупного рогатого скота и овец, является работой человека, как и случайные бои, набеги и угон скота.

Влияние этих технологических условий на общую культуру скотоводческого народа таково, что оно представлено в наиболее благоприятном свете в ранних исторических книгах Ветхого Завета, или в таких условиях, которые сегодня можно обнаружить на обширных пастбищах западной и северо-центральной Азии. Сообщество неизбежно попадает в патриархальный режим; со значительной концентрацией богатства в отдельных руках; большим неравенством в богатстве и социальном положении, обычно включающим как рабство движимого имущества, так и крепостное право; боевая организация под патриархально-деспотическим руководством, которая служит как гражданским, так и политическим и религиозным целям; домашние институты того же толка, включающие определенную степень подчинения женщин и детей и обычно полигамию для патриархальной верхушки или правящего класса; религиозная система монотеистического или монархического толка, построенная на принципах патриархального деспотизма; со священнической должностью, возложенная на патриархального главу общины (старшего мужчину по старшей мужской линии), если группа достаточно мала, чтобы допустить управление как мирской, так и духовной властью в руках одного человека — как Израиля во время более раннего пребывания в Ханаане — или на специализированное священство, если группа многочисленна — как Израиля по возвращении в Палестину.

Такая культура явно пригодна для успеха как в откровенно хищническом предприятии, так и в денежном предприятии более мирного толка, пока в ее распоряжении находятся пастбищные угодья, или пока она может найти достаточно большое и компактное сельскохозяйственное сообщество, чтобы обратить его в рабство, или пока она может найти пути и средства коммерческого предпринимательства, все еще занимая позицию, которую можно защитить от всех желающих. Его население организовано для наступления и обороны и обучено привычкам подчинения, необходимым для любой успешной войны, а патриархальный авторитет и финансовые идеалы, привитые им, дают им легкость в сотрудничестве против пришельцев, а также надлежащий характер для успешного ведения переговоров. Такая культура обладает элементами национальной силы и солидарности, при наличии лишь некоторых адекватных средств к существованию, все еще сохраняя свою воинствующую патриархальную организацию. Не последним элементом национальной мощи является религия, которая воспитывает национальную гордость народа, избранного Всевышним, и в то же время прививает населению привычки подчинения и лояльности, а также терпеливого подчинения требованиям. Но по сути это паразитическая культура, деспотическая и, при должном обучении, крайне суеверная или религиозная. На что способен народ этих предков, показывают ассирийцы, вавилоняне, мидяне, персы, индуистские захватчики Индии, гиксосские захватчики Египта, и, в другом ряду, Израиль и финикийцы, и в меньшей степени гунны, монголы, татары, арабы и турки.

Именно от народов этой культуры произошли великие религии старого света, близкие или отдаленные, но нелегко найти какой-либо существенный вклад в человеческую культуру, несомненно почерпнутый из этого источника, кроме религиозных убеждений, культа и поэзии. Одомашнивание животных, например, происходит не благодаря им; за возможным исключением лошади и собаки, эта работа должна была выполняться в мирных, ведущих оседлый образ жизни сообществах, у которых скотоводы-кочевники переняли скот и промышленность и осуществляли это в таких масштабах и с культурными последствиями, которые не вытекают из скотоводства в условиях оседлости. С другой стороны, их религия, по-видимому, ни в коем случае не была доведена до завершенной стадии деспотического монотеизма во время кочево-пастушеской фазы их опыта, но была доведена до законченного продукта вскоре после того, как они вступили на путь завоеваний и имели некоторый длительный опыт ведения войн и деспотизма в относительно больших масштабах. История этих великих цивилизаций с пастушеским прошлым, по-видимому, протекает несколько единообразно в том смысле, что они рухнули, как только они поглотили своего хозяина, приведя его к коллапсу. Инциденты на пути между их началом в виде завоеваний и их падением в результате истощения обычно не более поучительны и не имеют более длительного значения для человеческой культуры, чем те, которые подобным же образом отметили путь турок. Эти великие монархии были организованы навязчивой династией и правящим классом пастушеского происхождения и для них, и они получали средства к существованию и свое угнетение от поработанного сельскохозяйственного населения. В ходе этого дальнейшего развития хищнической цивилизации институты, присущие крупномасштабному могущественному деспотизму и знати, опирающейся на рабский народ, были развиты в законченную систему, в которой конечным арбитром всегда является безответственная сила и в которой всепроникающими социальными отношениями являются личное подчинение и личный авторитет. Механическое искусство практически не развивается при такой дисциплине личностей, даже военное искусство, и практически нет никаких свидетельств ощутимого прогресса в какой-либо отрасли сельского хозяйства. Были великие дворцы и города, построенные рабским трудом и барщиной, олицетворявшие невыразимую нищету в демонстративно расточительном и безвкусном виде, и великие монархи, которые хвастались тем, что каждый из них был лучшим другом или ближайшим родственником какого-нибудь безответственного и верховного бога, и чьи самые заветные претензии на превосходство заключались в том, что они “ходили по лицам черноглазых расы”. Рассматриваемые в перспективе и оцениваемые любыми терминами, имеющими значение для рабочего, эти колоссальные династические ткани столь же незначительны, сколь и велики, и ни одно из них не стоит ни малейшего из суетливых маленьких сообществ, которые появились вовремя, чтобы сформировать эллинский мир и его мелкие дрязги.

В своих общих чертах эти различные цивилизации, основанные (в результате завоевания) скотоводческими народами, имеют тот же характер, что и денежная культура, встречающаяся в других местах, но у них есть определенные особые черты, которые несколько выделяют их в отдельный класс. Они хищничают в особенно явной и акцентированной степени, так что их институты поощряют завистливые чувства, эгоцентричную враждебность раболепия и высокомерия, выходящую за рамки того, что обычно происходит в финансовой культуре в целом; и они несут в себе большое содержание особенно сильно выраженных религиозных суеверий и страха перед сверхъестественным, которые также развиваются из враждебности раболепия и высокомерия. В этих культурах верно, даже помимо того огромного значения,

которое имеет утверждение в других варварских культурах, что страх Божий является началом мудрости. Следовательно, дисциплина жизни в такой культуре неизменно неблагоприятна для любых технологических достижений; инстинкт мастерства постоянно находится во власти преобладающих привычек мышления, которые хуже, чем бесполезны для любых технологических целей.

Во многом то же самое, конечно, верно для любой цивилизации, основанной на личном правлении принудительного типа, каковы бы ни были более отдаленные предыстории династических и правящих классов; но эти другие культуры не имеют под рукой такого надежного и древнего патриархального фундамента, и поэтому они вынуждены строить свои институты принуждения, бытовые, гражданские, политические и военные, медленнее и с более сомнительным результатом; и их религиозная система не так легко укладывается в монархическую теологию со всемогущим сувереном и во всепроникающем страхе Божьем. Доморощенному деспотизму в сельскохозяйственном сообществе, основанному на материнском происхождении, матриархальной клановой системе и богинях-матерях, препятствуют как с мирской, так и с духовной стороны древние и врожденные обычаи и предубеждения, которые могут быть эффективно преодолены только с течением времени. Цивилизации Малой Азии и Эгейского региона, и даже Египта и Рима, несмотря на то, что с течением времени в них могло быть привнесено много пасторальных и патриархальных элементов, до последнего демонстрируют свои недостатки в этом отношении; возможно, в их религиях больше, чем в какой-либо другой культурной черте, поскольку религия, в конце концов, является эпигенетической чертой и скорее следует, чем руководит развитием культурной схемы.

* * * * *

Но эти великие цивилизации, в которых доминировали пастушеские предки, не имеют серьезного значения для современной культуры, разве что как недостатки, и совсем никакого для современной технологии или для того практического знания, на котором основана современная технология. Западные народы, чье культурное прошлое представляет более непосредственный интерес, также имели свой военный опыт, поздний или ранний, но, похоже, он никогда не достигал того завершенного результата, который можно увидеть на Востоке. Ни по масштабам, на которых осуществлялась династическая организация, ни по основательности, с которой их институты были пропитаны хищническими предрассудками, западные народы в своей более ранней истории не приближались к стандартам восточных деспотизмов. Можно заметить, что даже сейчас сторонники войны и вооружений обычно говорят (несомненно, неискренне) о грабительском режиме как о необходимости обороны, а не о чем-то желательном по своим собственным достоинствам. Не то чтобы грабительский режим не был достаточно серьезным фактом в истории западной цивилизации; чтобы принять такой взгляд на историю, нужно было бы пренебречь Римской империей, вторжениями варваров, феодальной системой, католической церковью, эпохой государственного строительства и существующим вооруженным нейтралитетом держав; но все они, кроме последнего, оказались эпизодами большого масштаба, а не такой исторической завершенностью, как любая из сменявших друг друга монархий в Месопотамско-халдейской стране. западная цивилизация не умерла ни от одной из этих болезней, хотя и пережила не один критический период.

Западная цивилизация прошла через эти эпохи подчеркнутого хищничества и во все времена демонстрировала заметную примесь хищнических концепций в своей схеме институтов и идеалов, в своих домашних учреждениях и общественных делах, в своем искусстве и религии, но, в конце концов, можно с полным основанием сказать, что, по крайней мере, с конца Темных веков отличительной чертой, которая отличает эту цивилизацию в отличие от любой определенно хищнической фазы денежной культуры, было упорное стремление к искусству мира, к которому те народы, которые те, кто был лидером в этой цивилизации, всегда возвращались при каждой передышке. Следовательно, для понимания отношений, существующих между чувством мастерства и дисциплиной привыкания в современной культуре, феномены мирного владения представляют больший или, по крайней мере, более живой интерес, чем явления хищнической фазы денежной культуры.

Современная цивилизация, да и вся история, если уж на то пошло, лежит в основе денежной культуры в целом; но западная культура нового времени принадлежит, возможно, несколько ненадежно, скорее ко вторичной или мирной фазе этой денежной культуры, чем к той хищнической фазе, с которой денежный уклад жизни зародился где-то на низших ступенях варварства и которая неоднократно завершала свой жизненный цикл крахом то одной, то другой великих династических империй старого света.

Как в хищнической фазе, так и в миролюбивой денежной культуре доминирующую ноту задают эгоистические импульсы; и поэтому чувство мастерства характерно ограждается и направляется институциональными требованиями и предубеждениями, присущими жизни в обстоятельствах, навязанных собственностью, — в ситуации, когда экономический интерес, интерес к тем материальным средствам жизни, с которыми приходится иметь дело мастерству, сводится к правам собственности. Собственность, конечно, ориентирована на себя, и права собственности носят личный, завистливый, дифференцированный, соревновательный характер; хотя на мирной фазе цивилизации собственности сила и мошенничество, теоретически, исключены из игры приобретения, чем это отличается от собственно хищнической фазы.

Очевидным следствием, сразу же возникающим при появлении права собственности в любом сообществе, является возросшее желание работать. Это было принято как нечто само собой разумеющееся в теоретических рассуждениях и подтверждается наблюдениями за народами, между которыми в последнее время установились торговые отношения. Непосредственным результатом является повышение усердия, которое, по-видимому, сопровождается во всех случаях, если верить отчетам наблюдателей, ростом разногласий, недоверия и придирок¹⁰⁷, а также все более расточительным потреблением товаров. Усердие, столь поощряемое соперничеством в личных интересах, направлено на приобретение собственности, в значительной степени на приобретение большего, чем есть у тех других, с кем проводится завистливое сравнение в праве собственности; и под влиянием простого стремления к собственности производительный труд, а следовательно, и мастерство в его наивном смысле, вообще имеют значение лишь во вторую очередь, как средство достижения соревновательной цели приобретения. Собственность ведет к усердию в приобретении и, следовательно, косвенно к усердию в работе, если невозможно изобрести более быстрые средства приобретения богатства. В первом случае стимул к усердию, обеспечиваемый правом собственности, относится к бизнесу, а не к качеству изготовления. Следовательно, его влияние на качество изготовления, промышленность и технологию неизбежно несколько

неопределенно и неравномерно. Очевидно, с самого начала существует заметное применение мошеннической бережливости, к производству поддельных или некачественных товаров. ¹⁰⁸ Это, конечно, очень скоро исправляется возросшей проницательностью и бдительностью, проявляемыми людьми в отношениях друг с другом, благодаря чему значительная часть энергии направляется на то, чтобы победить эти уловки неискренней житейской мудрости.

Следует добавить, что денежный стимул к труду направлен на максимальное использование имеющихся в наличии средств, рассматриваемых скорее как средство получения денежной выгоды, чем как средство полезности, и что, следовательно, он способствует наиболее полному (денежному) использованию стандартных принятых способов производства, а не совершенствованию этих способов вне зависимости от текущей конъюнктуры. Далее, хотя это тоже несколько утомительная банальность, поскольку единственной подлинной целью труда при денежном регулировании является приобретение богатства; поскольку обладание богатством в определенной степени освобождает его владельца от производительной работы; и поскольку такое освобождение является признаком богатства и, следовательно, превосходства над теми, кто ничего не имеет и, следовательно, должен работать; из этого следует, что пристрастие к труду становится признаком неполноценности и, следовательно, дискредитирующим. В результате чего работа становится неприятной для всех людей, обученных приличиям денежной культуры; и она даже стала настолько утомительной для людей, обученных пунктуальности рабской, хищнической фазы этой культуры, что когда-то проницательное духовенство достоверно провозгласило ее самым пагубным проклятием, наложенным на человечество мстительным Богом. Кроме того, поскольку богатство предоставляет средства для свободного потребления товаров, демонстративное потребление товаров становится признаком финансового превосходства, и, таким образом, оно становится элементом респектабельности в любой финансовой культуре, а в настоящее время становится достойным поступком и даже требованием денежной порядочности. Результатом является бросающаяся в глаза расточительность потребления, пределы которого, если таковые вообще были, по-видимому, до сих пор не были достигнуты. ¹⁰⁹

Влияние этой денежной культуры на качество изготовления и технологию очень велико и разнообразно. Наиболее непосредственным и, возможно, наиболее примечательным является традиционное неприятие труда, о котором говорилось выше, которое, по-видимому, вытекает как необходимое следствие из института собственности во всех случаях, когда различия в богатстве вообще значительны или когда права собственности связаны с фактами господства и престижа. Дурная репутация рабочей силы препятствует трудолюбию, но это может быть компенсировано, по крайней мере частично, стимулом к соперничеству, создаваемым хорошей репутацией, связанной с приобретением. Расточительное расходование товаров и услуг, предписываемое денежными канонами демонстративного потребления, придает промышленности неблагоприятное с экономической точки зрения направление и в то же время значительно увеличивает трудности и ограничивает удобства жизни. Точно так же отчуждение и недоверие между людьми, классами и нациями неизбежно пронизывает эту культурную эпоху из-за непрекращающегося столкновения несовместимых денежных интересов; и такое положение дел заметно снижает совокупную эффективность человеческого труда и создает бесполезные препятствия, которые необходимо преодолевать, и неуместные грубости, с которыми приходится мириться.

Эти и подобные им последствия денежного соперничества просты, непосредственны и очевидны; но дисциплина денежной культуры влияет на мастерство и более тонким образом, косвенным и менее очевидным на первый взгляд. Дисциплина повседневной жизни прививает чувство мастерства через приучение рабочего к той схеме и логике вещей, которые управляют этой денежной культурой. Результат в том, что касается промышленности, несколько неоднозначен; дисциплина эгоизма в некоторых моментах благоприятствует мастерству, а в других - нет. В один период или фазу денежной культуры, вообще говоря, на ранней или примитивной фазе, склонность к мастерству и технологиям, по-видимому, неизбежно ведет к неэффективности; на другой (более поздней или зрелой) фазе, вероятно, верно обратное.

Денежная дисциплина завистливого соперничества оказывает влияние на состояние промышленного искусства главным образом и наиболее широко через пристрастие, которое она придает знаниям, на основе которых осуществляется производство. Можно напомнить, что совокупность знаний (фактов), используемых при изготовлении, факты, используемые при разработке технологических процессов и приспособлений, имеют природу привычек мышления. Это особенно применимо к тем (тактическим) принципам, под контролем которых имеющаяся в распоряжении информация интерпретируется и соединяется в систему видов использования, агентств и инструментов. Эти привычки мышления, элементы знаний, элементы информации, общепринятые факты, принципы реальности частично представляют механическое поведение объектов, грубую природу грубой материи, а частично они обозначают качества, склонности, приписываемые внешним объектам и их поведению и таким образом внедряемые в факты и основанные на них обобщения. Чувство мастерства имеет много общего с этим приписыванием черт феномену наблюдения, возможно, больше, чем любая другая склонность, присущая человеку. Черты, которые таким образом приписываются фактам, в основном такие, которые будут созвучны смыслу работы и поддадутся объединению в ее терминах. Но это привнесение черт в факты наблюдения, независимо от того, действует ли оно под влиянием чувства мастерства или, предположительно, под влиянием импульса, который не следует отождествлять с этим инстинктом, является логическим процессом и осуществляется интеллектом, логические процессы которого во всех случаях были глубоко искажены привыканием. Так что жизненные привычки индивидуума и, следовательно, сообщества, состоящего из таких индивидуумов, будут всепроникающе и неустанно подчинять эту работу вменения набору своих собственных течений и, соответственно, вовлекать поступающие элементы знания в предполагаемую систему отношений, согласующуюся с этими жизненными привычками. Эта всеобъемлющая схема привычных представлений и оценок является тем, что называется "гением", духом или характером любой данной культуры. Во всем этом диапазоне привычных предубеждений, касающихся природы вещей, преобладает определенная степень солидарности, взаимной поддержки и подкрепления нескольких направлений обычной деятельности, составляющих текущую схему жизни; так что определенный характерный тон или предвзятость пронизывает все в целом — в той мере, в какой культурная ситуация достигла той степени зрелости или ассимиляции, которая позволяет говорить о ней как об отличительном целом, выделяющемся в качестве определенной и последовательной фазы в истории жизни расы. С учетом этого смещения масштабов и методов в нынешней схеме жизни, интеллектуальной и сентиментальной, любой новый элемент или вещь должны быть ассимилированы, если мы не хотим, чтобы они были отвергнуты как чуждые и нереальные или потерпели неудачу из-за пренебрежения.

Все это имеет отношение к объему и методу познания, а следовательно, и к фактам, используемым в промышленном искусстве, точно так же, как это имеет отношение к любой другой черте человеческой жизни, имеющей природу привычки. И непосредственный вопрос заключается в предвзятости или дрейфе финансовой культуры, поскольку она влияет на восприятие фактов, полезных для технологических целей. Этот денежный уклон может быть описан как завистливый, личный, вызывающий соперничество, ориентированный на различные ценности в отношении личной силы или конкурентного успеха, ориентированный на градации в отношении сравнительной эффективности, валидности, аутентичности, уместности, респектабельности, порядочности. Каноны финансовой репутации не позволяют состоятельным людям, у которых есть досуг для подобных вещей, пристально изучать факты технологии, поскольку эти вещи ниже их достоинства, традиционно вызывающие отвращение; знакомство с подобными вещами не может быть пристойно признано, и о них вообще нельзя говорить без оскорбления и унижения среди высшего класса. В то же время денежная конкуренция, доведенная до своего идеального уровня, доводит низшие промышленные классы до изнеможения и не оставляет им заметного досуга или энергии для удовлетворения любого возможного любопытства такого рода с их стороны. Обычное (идеальное) умонастроение - это умонастроение завистливого своекорыстия, с одной стороны, из-за императивной и повсеместной потребности в приобретении богатства или высокого положения, а с другой стороны, классовой дискриминации из-за повсеместного преобладания различий в прерогативах и подлинном положении. Дисциплина денежных религий или религиозных догматов и обрядов, присущих денежной культуре, приводит к аналогичному эффекту; это проявляется более решительно на ранних, или отчетливо хищнических, фазах этой культуры, чем на мирной или коммерческой фазе. Вульгарные факты производства ниже достоинства феодального божества или его жречества; в то же время непреодолимая потребность заслужить благосклонность всемогущего, требовательного и безответственного Бога бросает еще более глубокую тень неблагородия на материальную сторону жизни и делает любую заботу рабочего о производственной эффективности предположительно греховной, а также неприличной.

Денежная культура в этом вопросе не является чем-то особенным. Всегда и везде приобретение знаний - это вопрос наблюдения, направляемого и дополняемого приписыванием качеств, отношений и склонностей наблюдаемым явлениям. Без этого предполагаемого содержания активного присутствия и потенции феноменам не хватало бы реальности; они не могли бы быть ассимилированы в человеческой схеме вещей. В логике апперцепции общеизвестно, что существенные черты объективных фактов являются плодом воображения. В рамках дисциплины этой денежной фазы культуры необходимое приписывание характера фактам осуществляется, как всегда, в антропоморфных терминах; но это антропоморфизм, который по привычке соответствует хищническо-денежной схеме предвзятых мнений, такой, какую рутинная жизнь сделала готовой и убедительной для людей, живущих в рамках дисциплины соперничества, завистливых различий и подлинного денежного этикета. В этих обстоятельствах предполагаемую реальность фактов следует искать не в антропоморфизме наивного мастерства, а в их соответствии условно определенным представлениям о завидных заслугах, подлинном превосходстве, силе характера, мастерстве, покладистости, соответствии установленным институциональным ценностям и предписаниям Всевышнего. Каноны реальности, в соответствии с которыми чувственные впечатления сводятся к объективному факту и, таким образом, становятся доступными для использования, и в соответствии с

которыми, опять же, факты применяются на практике и учитываются с технологической точки зрения, - это те же самые каноны завистливого различия, которые правят в мире собственности и среди людей, занятых хищничеством и денежным превосходством. По сути, людей и вещи начинают оценивать с точки зрения того, чем они (предположительно) являются — их внутреннего характера, — а не с точки зрения того, что они (эмпирически) будут делать.

Не углубляясь в этот вопрос дальше, должно быть очевидно, что предубеждение денежной культуры в целом должно действовать с такой всепроникающей силой, что искажает знания людей о вещах, с которыми им приходится иметь дело, что уменьшает их полезность для технологических целей. Результатом является отклонение от фактов к вменению, и вменение носит личный характер, о котором здесь говорится. Доминирующей нотой, по-видимому, является дифференциальная оценка агрессивного самоутверждения, будь то у человеческих или нечеловеческих агентов. Теологические предубеждения обычно сильны в финансовой культуре, и под их властью эта дифференцированная оценка развивается в схему градуированных полномочий и действительности, которыми наделяются явления внешней природы путем делегирования от преобладающего личного авторитета. Такая склонность неизбежно наносит ущерб мастерству, и может показаться, что повсеместная репрессивная сила этой метафизики авторитета и аутентичности должна служить той же пагубной цели для мастерства, что и более добродушный и рассеянный антропоморфизм низших культур, но с более решающим эффектом, поскольку он осуществляется более грамотно организованным, компактным и предписывающим образом.

Там, где денежная культура последовательно развивалась по хищническому плану, не отвлекаясь на коммерческую фазу, текущую в современной западной цивилизации, результатом стал упадок промышленного искусства и фактическое разложение той системы знаний о фактах, на которой зиждется технологическая эффективность. На Западе, где собственно хищническая фаза в конечном итоге уступила место коммерческой фазе той же денежной культуры, общим ходом событий в этом направлении был упадок знаний, технологий и мастерства, продолжавшийся до тех пор, пока сохранялось хищническое (принудительное) правление, но за ним в настоящее время последовало медленное восстановление и рост технологической эффективности и научных открытий; отчасти по мере того, как коммерциализация этой культуры набирала обороты, и, следовательно, в целом коррелировала с упадком религиозного страха.

Такой ход событий может привести к выводу, что, хотя собственно хищническая фаза этой денежной цивилизации враждебна фактическому знанию и технологической проницательности, господство коммерческих идей и идеалов, характерных для ее последующей мирной фазы, способствует распространению этих материальных элементов культуры. Но то, что уже появилось в ходе исследования той еще более ранней культурной фазы, которая предшествовала насильственному и завистливому режиму хищничества, наводит на мысль, что дело не так просто и не так лестно для нашего современного самодовольства. Себялюбивые чувства высокомерия и принижения, на свободном обычном проявлении которых была построена денежная культура с ее институтами прерогатив и дифференцированных преимуществ, не являются духовным источником, из которого следует ожидать такого результата. Предполагается, что эти чувства и инстинктивные склонности, эмоциональным выражением которых являются эти чувства, оставались неизменными по силе и характеру в течение того длительного периода кумулятивного привыкания, которое обеспечило

им господство в институтах денежной культуры, и по собственной инициативе они теперь приведут к результатам того же рода, что и прежде. Но то же самое верно и для тех других инстинктов, благодаря действию которых были достигнуты более ранние достижения в области знаний и мастерства в условиях культуры дикарей, прежде чем эгоистические чувства, лежащие в основе денежной культуры, взяли верх. Родительские наклонности, а также инстинкты мастерства и любознательности будут подавлены накопившимся привыканием к власти эгоистичных наклонностей, которые восторжествовали в культуре хищничества, и чье господство впоследствии несколько пострадало при более поздней замене права собственности на владение доблестью, но эти инстинкты, побуждающие к мастерству, остаются такими же неотъемлемыми для человеческой природы, как и другие. Таким образом, что можно сказать о нынешней коммерческой схеме жизни, так это, по-видимому, то, что она лишь в меньшей степени препятствует функционированию тех инстинктивных склонностей, которые служат общим интересам. Следовательно, постепенно эти инстинкты и не вызывающие зависти интересы, которые они порождают, снова вступают в силу с той же скоростью, с какой суровое подавление их, осуществляемое полностью заряженной хищнической схемой жизни, ослабевает, превращаясь во все менее и менее эффективное подавление под дисциплиной компромисса и смягченного самовозвеличивания, воплощенного в правах собственности.

Та аутентификация собственности, из которой, по-видимому, выросли священные права собственности, вполне могла возникнуть как своего рода взаимная страховка владельцев от недовольства обездоленных; которая в настоящее время породила бы чувство солидарности внутри класса владельцев, приобрела бы предписывающую силу благодаря обычному правоприменению, стала предметом обычного права, которое должно последовательно соблюдаться в рамках институциональных форм собственности, и вылилась в то высокоморальное выражение самовозвеличивания, которым оно является сегодня. Но с отказом от безрассудного хищничества, как традиционно запрещенного средства самовозвеличивания, вскоре появились бы чувства справедливости и солидарности - возможно, вначале путем неискреннего притворства, — и, таким образом, под прикрытием этого ряда концепций был бы облегчен путь к реабилитации изначального родительского инстинкта и его склонности к общему благу. И когда право собственности однажды будет институционализировано в этой безличной и квази-бесстрастной форме, это придаст культурной схеме лишь менее настоятельный уклон в сторону дифференцированного уважения к личностям и дифференцированной оценки природных явлений с точки зрения приписываемых им оккультных потенций и действенности.

По мере того, как институциональная основа смещалась от свободного хищничества к все более скрытому режиму самовозвеличивания и дифференцированной выгоды, инстинкт мастерства постепенно находил все более свободный простор и более легкий доступ к своему сырью. Различная репутация богатства и ранга, конечно, продолжала носить во многом тот же характер на более поздних (коммерческих) стадиях денежной культуры, что и на более ранних (хищнических) стадиях. Аристократический (или рабский) образ жизни обязательно должен основываться на зависти, поскольку в этом весь смысл явления; и, поскольку любая такая схема основана на денежных различиях, будь то прямых или через промежуточный термин хищнической эксплуатации, она обязательно будет включать следствие, что богатство и освобождение от работы (*otium cum dignitate*) почетны, а бедность и работа бесчестны. Но с прогрессирующей коммерциализацией прибыли и собственности также происходит так, что мирное применениеданного бизнеса может иметь много общего с приобретением уважаемого

положения; и до тех пор, пока работа носит явно денежный характер и разумно и явно направлена на приобретение богатства, дурная слава, присущая ей по своей сути, в значительной степени компенсируется ее достойной целью. Действительно, настолько, что среди класса, нажившего свое богатство благодаря трудолюбию и ловким сделкам, даже выросло нечто вроде классового чувства, согласно которому мирное усердие и бережливость являются достойными чертами характера.

Это, конечно, настроения "среднего класса". Аристократическое презрение к торговцу и всем его работам не претерпело серьезного смягчения из-за всего этого роста новых методов поддержания репутации. Три условно признанных класса, высший, средний и низший, представляют собой все или несколько финансовых категорий; высший класс, как правило, является тем (аристократическим) классом, который обладает богатством, не работая и не выторговывая его; в то время как средний класс приобрел свои владения в результате той или иной формы коммерческого (делового) оборота; а низший класс получает то, что имеет, путем мастерства. Это градация (а) хищничества, (b) бизнеса, (с) промышленности; первое бесполезно и приносит доход, второе приносит доход, а третье полезно. И ни один современный цивилизованный человек не настолько незнаком с канонами респектабельности, чтобы сразу не признать, что первая категория достойна уважения, а последняя дискредитирует, какие бы личные предрассудки ни заставляли его думать о второй. Аристократия без незаработанного богатства или без хищнического прошлого - неправильный термин. Когда аристократический класс теряет свое материальное преимущество, он становится сомнительным. Бедный аристократ - это "опустившийся джентльмен", а "благородство труда" - неискренняя фигура речи.

Переход от первоначальной хищнической фазы денежной культуры к последующей коммерческой фазе означает появление среднего класса в такой силе, что в настоящее время он перестраивает рабочие механизмы культурной схемы и делает мирный бизнес (прибыльную торговлю) доминирующим интересом сообщества. При том же движении возникает ситуация, которая становится все более благоприятной для интеллектуальной заинтересованности, необходимой для мастерства и технологического прогресса. Развивается промышленное искусство, и с его развитием ускоряется накопление богатства, увеличивается прибыльность деловых операций, и вместе с этим растет средний (бизнес) класс. В сознательных интересах этого класса способствовать повышению прибыльности промышленности, и поскольку эта цель коррелирует с производительностью промышленности, она также, хотя и менее напрямую, коррелирует с совершенствованием технологии.

С переходом от наивно хищнической схемы к коммерческой "конкурентная система" заменяет применявшиеся ранее методы принуждения, а денежная выгода становится стимулом для развития промышленности. По крайней мере, поверхностно или эфемерно доход рабочего при таком денежном режиме находится в некоторой пропорции к его продукту. Отсюда вытекает добровольное стремление к постоянной работе и склонность находить и применять усовершенствования в методах и приспособлениях производства. В то же время коммерческие концепции постепенно вытесняют концепции статуса и личной значимости как первичные и наиболее привычные среди привычек мышления, обусловленных рутиной повседневной жизни. Это будет особенно верно для обычного человека, в отличие от аристократических классов, хотя не следует упускать из виду, что стандарты приличия, навязываемые обществу высшими классами, окажут значительное корректирующее воздействие на умонастроение обычного

человека в этом отношении, как и в других, и, таким образом, будут способствовать поддержанию эффективной валюты хищнических идеалов и предубеждений после того, как экономическая ситуация в целом примет во многом коммерческий оттенок. Учет цены и собственности выдвигает личный престиж и влияние на передний план в заметно меньшей степени, чем рейтинг с точки зрения доблести и благородного происхождения, который характеризует хищнический образ жизни. И по мере того, как такая финансовая бухгалтерия проникает в отношения людей, соответственно безличные термины оценки будут проникать и в привычное восприятие людьми внешних фактов, придавая всему в целом все более безличный оттенок. В той мере, в какой достигается этот эффект, факты наблюдения будут с соответственно возросшей легкостью и действенностью использоваться для целей технологии. Таким образом, коммерческая фаза культуры должна быть благоприятной для развития промышленного искусства, по крайней мере, в том, что касается непосредственного распространения этой дисциплины.

ГЛАВА V

Собственность и конкурентная система

I. Мирное Владение

Возникающая в результате этого денежная система социальной организации имеет серьезные и долговременные последствия для благосостояния общества. Это приводит к классовому расхождению материальных интересов, классовым привилегиям и дифференциальным трудностям, а также к обостренному классовому неравенству в потреблении товаров, предполагающему очень широкое использование демонстративной траты товаров и услуг как свидетельства богатства. Эти последствия денежной экономики могут быть достаточно интересны сами по себе, даже для теоретика, но их не нужно рассматривать здесь, кроме как в той мере, в какой они оказывают заметное влияние на эффективность труда в обществе и дальнейшее развитие технологии.¹¹⁰ Но более прямые и непосредственные технологические последствия этого перехода от хищнической к мирной или квазимирнолюбивой экономической системе также достаточно серьезны - частично благоприятны для мастерства, а частично нет — и за ними необходимо для целей данного исследования проследить в некоторых деталях.

Интерес и внимание двух типичных финансовых классов, между которыми в настоящее время сосредоточены дела промышленности, в настоящее время расходятся и вступают в курс прогрессивной дифференциации по двум расходящимся направлениям. Рабочие, разнорабочие, оперативники, технологи, — каким бы термином ни можно было наилучшим образом обозначить ту общую категорию человеческого материала, с помощью которой технологическое мастерство общества проявляется непосредственно в промышленном эффекте, — они имеют отношение к работе, посредством которой они добывают средства к существованию, и их интересы, а также дисциплина их повседневной жизни сходятся, по сути, в технологически компетентном восприятии материальных фактов. В этом отношении свободные рабочие при этом мирном режиме собственности находятся в совершенно ином положении, чем подневольные рабочие при хищническом режиме господства и порабощения. Последний мало заинтересован, если вообще заинтересован, в эффективности производственных

процессов, в которых он занят, тем меньше, чем больше его статус отличается от статуса свободного рабочего. Его случай аналогичен случаю добровольного арендатора, который ничего не выигрывает от постоянного улучшения земли, которую он возделывает. Принимая во внимание, что свободный рабочий, по крайней мере, непосредственно и мимоуслышано, и особенно в его собственном текущем понимании вопроса, весьма тесно зависит от своего собственного технологического мастерства и жизненно заинтересован в любом доступном технологическом средстве, которое обещает повысить его эффективность. Это особенно характерно для ранних фаз режима мирной собственности, пока свободный работник в типичном случае работает по своему собственному усмотрению и распоряжается своим собственным продуктом на ограниченном рынке. И так продолжается в целом при системе заработной платы до тех пор, пока крупномасштабное производство и инвестиции не положат конец тщательному надзору работодателя за своими работниками. Действительно, в условиях требований конкурентной системы оплаты труда рабочие несколько упорно придерживаются такого рабочего взгляда на вещи, даже несмотря на то, что они, возможно, больше не так глубоко озабочены собственной текущей эффективностью, как в прежние времена ремесла. Вполне можно подумать, что серьезное давление конкурентоспособной заработной платы и крупной организации должно логически компенсировать меньшую привлекательность работы как таковой для наемного работника по сравнению с человеком, занятым своим собственным трудом. Результатом этого режима свободного труда, по логике вещей, должно быть, как это, по-видимому, в значительной степени и было, тщательное и все более тщательное обращение к логике фактов в привычном мышлении всех рабочих и во всех их взглядах на интересующие вопросы, будь то в промышленности или в других жизненных заботах, которые предположительно могут представлять большой интерес для капитала.

С другой стороны, владельцы в рамках этого режима мирного владения имеют дело с финансовым управлением, с выгодными манипуляциями собственностью. В переходный период зарождения этой системы мирного владения и свободных работников собственники в типичном случае являются владельцами земли или аналогичных природных ресурсов; но со временем возникает класс собственников, владеющих собственностью на материальное оборудование промышленности и получающих свои доходы и средства к существованию за счет делового управления этой собственностью, в то же время землевладельцы также вступают в более деловые отношения со своими арендаторами, с одной стороны, и с промышленным сообществом, которое удовлетворяет их потребности, с другой стороны. Эти владельцы, инвесторы, хозяева, работодатели, предприниматели, предприниматели имеют отношение к заключению выгодных сделок; именно посредством переговоров вступает в силу их дискреционный контроль над собственностью, и так или иначе их внимание сосредотачивается на поиске прибыли. Обучение, предоставляемое этими профессиями и необходимое для их эффективного осуществления, включает в себя управление денежными средствами и проницательность, денежную выгоду, цену, соотношение цена-издержки, соотношение цена-прибыль и соотношение цена-убыток; и эти люди вынуждены все более настойчиво обращаться к логике системы цен и, таким образом, обучены воспринимать людей и вещи в терминах, которые учитывают прибыльность инвестиций и деловых начинаний; то есть в терминах эгоистичных склонностей и чувств, присущих человеческой природе, и, возможно, особенно в терминах человеческой немощи.

Этот последний пункт в характеристике может показаться необоснованным и даже может показаться нерассуждающим людям унижительным. Это, конечно, не так задумано; и любая

степень размышления выявит его простое отношение к фактам бизнеса. Как хорошо и очевидно известно, единственной целью бизнеса как такового является денежная выгода, выгода с точки зрения цены. Нет необходимости считать, как это иногда утверждается, что выгода одного бизнесмена обязательно является потерей другого; хотя этот принцип когда-то считался само собой разумеющимся как основа меркантилистской политики Европы, и большинство государственных деятелей до сих пор некритично придерживаются его. Но, во всяком случае, верно, поскольку это содержится в используемых терминах, что успешные деловые переговоры более успешны пропорционально тому, насколько сторона во второй части менее компетентна заботиться о своих собственных денежных интересах, будь то из-за врожденной или приобретенной неспособности к финансовой осмотрительности или из-за финансовой неспособности отстаивать такие условия, которые он в противном случае мог бы предположительно выдвинуть. Проницательный бизнесмен, как известно, может договориться о выгодных условиях с неопытным несовершеннолетним или нуждающимся клиентом или сотрудником. Денежная выгода - это дифференциальная выгода, а бизнес - это переговоры о такой дифференциальной выгоде; не обязательно разница между одним бизнесменом по сравнению с другим или за счет другого; но чаще и более типично для конкурентной системы это разница между затратами бизнесмена и его доходами, то есть между бизнесменом и непроизводственной массой людей, с которыми он прямо или косвенно имеет дело в качестве клиентов, сотрудников и тому подобного. Для целей такого согласования различий слабость одной стороны (в денежном отношении) имеет такое же значение, как и сила другой, поскольку эти две стороны по существу являются одним и тем же фактом. Дисциплина деловых занятий, соответственно, должна соответствовать привычной оценке людей, вещей и дел с точки зрения соперничества человеческой природы и осторожной мудрости в отношении финансовой целесообразности. Вместо рабочей или технологической проницательности эта дисциплина ведет к житейской мудрости.¹¹¹

Но несоответствие между дисциплиной деловых профессий и дисциплиной промышленности ни в коем случае не столь явное, как можно было бы предположить из этого контраста в их основных характеристиках, и люди, занятые в этих двух расходящихся направлениях работы, не так сильно различаются в своем обычном взгляде на дела или в своем понимании фактов. Это особенно характерно для ранних и более простых фаз режима, до того, как специализация профессий зашла так далеко, что рабочее сообщество было разделено каким-либо последовательным образом на два противоположных класса - бизнесменов, с одной стороны, и рабочих - с другой. По мере развития этого современного режима мирной собственности и финансовой организации, а также по мере того, как его специфические особенности организации и мастерства достигали более четкого определения, разделение между двумя противоположными видами деятельности — бизнесом и мастерством — становилось все шире, а различия в характерном спектре привычек, порождаемых каждым из них, становились все более заметными. Таким образом, логически следует обнаружить нечто вроде заметного и всепроникающего контраста между обычной позицией, занимаемой членами делового сообщества, с одной стороны, и позицией группы рабочих, с другой стороны; и этот контраст, по логике вещей, должен продолжать увеличиваться с каждым последующим продвижением вперед по этой линии специализации занятий и “разделения труда”. Очевидно, что за этим последовал какой-то подобный результат; но ни специализация не была полной и последовательной, ни возникшая в результате дифференциация в отношении их интеллектуального и духовного мировоззрения не отделила два противоположных класса

людей друг от друга настолько окончательно, насколько это можно было бы сделать при первом и элементарном рассмотрении действующих причин.

Бизнесмены имеют отношение к промышленности; возможно, более или менее отдаленно, но часто под рукой, поскольку именно из промышленности исходят выгоды их бизнеса; и они также подвержены рутинному образу жизни, навязанному использованием определенного набора промышленных приборов и процессов, доступных для этого использования. Рабочие, с другой стороны, также имеют отношение к денежным вопросам, поскольку они так или иначе постоянно находятся в контакте с рынком, и именно в денежном выражении к ним приходят средства к существованию, ради которых они берутся за работу. И как бизнесмены, так и рабочие поступают на свои две разные линии обучения с почти одинаковым набором склонностей. И все же, похоже, что обучение финансовой грамотности, составляющее карьеру типичного бизнесмена, в конце концов, мало помогает с точки зрения технологического понимания или эффективности, о чем свидетельствуют повсеместные бесхозяйственные действия в промышленности со стороны бизнесменов, которые, предположительно, делают все возможное для повышения эффективности отраслей, находящихся под их контролем, с целью получения наибольшей чистой прибыли от производства.¹¹² Если отдать должное “инженерам по повышению эффективности”, вероятно, будет уместно сказать, что чистая совокупная прибыль от промышленности отстает от того, что могло бы быть, примерно на пятьдесят процентов, из-за натренированной неспособности бизнесменов, находящихся под контролем, оценить очевидные технологические требования отраслей, из которых они извлекают свою выгоду, и претворить их в жизнь. Чтобы оценить вид и степень этой банальной бесхозяйственности в промышленности, необходимо лишь сравнить легкость, осмотрительность, проницательную стратегию и тщательную экономию, проявляемые теми же бизнесменами при организации и управлении своими денежными, налоговыми и монетарными операциями, с пустой тратой времени, труда и материалов, которой изобилуют отрасли, находящиеся под их контролем. Но точно так же и для рабочих их повседневная работа и их понимание связанных с ней требований и возможностей более чем наполовину являются “деловым предложением”, предложением в денежном исчислении о том, как получить максимальную цену при наименьшей отдаче в весе и истории.

Эти различные соображения, взятые грубо в их первом случае, по-видимому, препятствуют какому-либо технологическому прогрессу при этом квазимиролюбивом режиме ведения бизнеса. Принципы бизнеса и денежные различия управляют привычной рутинной жизни, и даже общее благосостояние понимается в терминах цены и, следовательно, дифференциальной выгоды; и при такой системе, по-видимому, должно быть мало шансов на беспристрастное следование такому не вызывающему зависти интересу, как интерес к мастерству. Главной движущей силой в этой культурной схеме, по-видимому, является завистливое самовозвеличивание без страха или благосклонности; а ее целью, по-видимому, является демонстративная растрата товаров и услуг. Однако на самом деле технологический прогресс в этих современных условиях был более масштабным и стремительным, чем в любой другой культурной ситуации. Поэтому обстоятельства, при которых были достигнуты эти современные достижения в области технологий, заслуживают несколько более детального внимания; равно как и культурные последствия, которые последовали за этим технологическим прогрессом или были обусловлены им. И, рискуя показаться утомительным повторением, представляется уместным кратко напомнить об этих особых обстоятельствах, которые

обусловили современную культуру и, предположительно, сформировали ее технологические результаты.

В общем и целом эта современная технологическая эра протекает в границах западной цивилизации и в период, последовавший за феодальной эпохой. Грубо говоря, его центром распространения является регион Северного моря, и его временное размещение относится к тому периоду относительного мира, который называют “новым временем”. Те из народов, входящих в эту западную культуру, которые продолжали активно участвовать в боевых действиях в этот современный период, не внесли никакого творческого вклада в эту технологическую эпоху, и действительно, у них было мало какой-либо доли. Широкий центр распространения этой технологии любопытным образом совпадает с центром исключительно компетентной и исключительно прозаичной неолитической культуры северной Европы; и расовые элементы, которые были задействованы в этом современном технологическом прогрессе, все еще по существу те же и смешаны практически в тех же пропорциях, что и в ту доисторическую технологическую эпоху низшего варварства или высшей дикости. Это, конечно, подразумевает, что духовная (инстинктивная) одаренность народов, вступивших в современную технологическую эпоху, все еще в значительной степени та же, что и у их предков датского каменного века.

Народы, которые взяли на себя инициативу в этом культурном росте, и особенно в технологическом прогрессе, никогда не жили при полностью развитой и последовательно разработанной патриархальной системе, и, следовательно, они никогда полностью не ассимилировали ту сугубо личную и произвольно авторитетную схему антропоморфных верований, которая обычно сопутствует патриархальной системе. На ранних этапах своего культурного развития и до недавнего времени они жили небольшими общинами, подчиняясь более или менее местному самоуправлению, и в значительной степени проявляли некоторую степень религиозного скептицизма и неподчинения. У них был некоторый опыт общения с морем и с той безличной чередой явлений, которые предлагает море; которые призывают тех, кто имеет отношение к морю, к терпеливому наблюдению за тем, как работают такие безличные силы, и которые вынуждают их методом проб и ошибок узнавать, как эти силы могут быть использованы для объяснения. В последнее время, во времена своего наиболее выраженного технологического прогресса, эти народы имели опыт работы с экономической и промышленной системой, организованной в беспрецедентных масштабах, такой, что она образовывала очень широкое и инклюзивное промышленное сообщество, внутри которого общение становилось все более легким и эффективным.

Эти обстоятельства определили диапазон их привыкания в его более широких чертах; и эти народы попали под дисциплину этой ситуации с духовным даром, явно отличающимся в некоторой степени от того, что любая другая группа народов когда-либо применяла для решения аналогичной задачи. Было бы рискованно предполагать, насколько наивно и прямо можно отнести результат, культурный и технологический, к особой темпераментной склонности этого человеческого сырья. Что-то, кажется, справедливо приписывается этому результату. Особой смеси гибридов, из которых состоят эти народы, и в которую более или менее повсеместно входит долихо-блондин, по—видимому, не хватает определенной степени утонченности, которая, по-видимому, присуща многим другим народам, создавшим цивилизации с другим цветом лица, - утонченности, которая проявляется в готовности к интригам и дальновидном понимании истоков человеческой природы, и которая часто

проявляется также в искусных и грандиозных конструкциях антропоморфного мифа и теологии, религии и магии, а также в таких крупных и плодородные системы творческого искусства, которые обычно сопровождают эти антропоморфные творения. С другой стороны, те народы, в состав которых входит заметная светлая примесь, обычно не преуспевали в более дальних областях духовной жизни, особенно в утонченности устойчивого и законченного антропоморфизма. Их наибольшая эффективность, скорее, связана с теми безрассудными действиями силы и теми механическими искусствами, которые тесно связаны с областью неорганических сил.

Такого же характера носит и нынешняя современная технологическая эпоха. Именно в механическом искусстве, имеющем дело с грубой материей, современная технология превосходит все остальное, в прозаичности, в наивности вопросов, с которыми ее адепты исследуют факты наблюдения, и в грубости (антропоморфно выражаясь) ответов, которыми они довольствуются, возвращаясь к своей работе. За пределами механического искусства эта технология должна быть оценена ниже, чем вторая лучшая. В тонкости ремесленного понимания и изобретательности или в тонкости манипулирования и ловком использовании физических способностей человека народы этой западной культуры сейчас не равны лучшим и никогда не были равны им.

Такая характеристика современной технологии может показаться слишком широкой и схематичной, поскольку в ней упускаются из виду особенности случая, которые достаточно велики и отличительны, чтобы требовать их распознавания даже при самой общей характеристике. Так, например, в свете того, что было отмечено выше при разговоре об одомашнивании культурных растений и животных, вполне может напрашиваться вопрос: не следует ли признать очевидный успех этих современных индустриальных народов в использовании и улучшении сельскохозяйственных культур и крупного рогатого скота свидетельством гениальной антропоморфной склонности того же рода и степени, которые проявились при первоначальном одомашнивании растений и животных? Правда, за последние около двухсот лет были достигнуты весьма существенные успехи в обработке почвы и селекции, и в то же время это особая область, в которой антропоморфные дикари каменного века когда-то достигли того, что сделало цивилизацию физически возможной; но современные достижения в этих областях в основном, если не полностью, носили технологический характер того же механистического, что и остальные современные достижения в промышленном искусстве, с небольшой помощью или помехой из-за любого антропоморфного уклона, которым руководствовались дикие древние. Скорее, именно благодаря тому, что они пришли к компетентному пониманию этих фактов живой природы в существенно неодушевленных терминах, механических и химических терминах, современные технологические адепты в области обработки почвы и скотоводства успешно продвинули это направление мастерства вперед со скоростью и с невиданным ранее эффектом. Специалист по животноводству трезво изучает методом проб и ошибок, что и как делать в своих селекционных экспериментах, и он так же бессердечно, как любой инженер-механик, разбирается в химии кормов для скота, а также в использовании ферментов, микробов и энзимов и злоупотреблении ими. Почвовед говорит, думает и действует в терминах солей, кислот, щелочей, стратификации, просеивания на 200 меш и азотфиксирующих организмов. Специалист по сельскохозяйственным растениям обращается к перекрестному удобрению ручной работы и к менделевскому расчету гибридизации, не придавая значения антропоморфным чертам не больше, чем металлург, который анализирует топливо и флюсы, смешивает руды и с выпученными глазами изучает

меняющиеся оттенки раскаленных газов в мартеновском очаге. Именно из таких истолкованных фактов состоит современная технология, и именно по таким каналам при ее создании возникло ощущение мастерства.

Итак, возникает вопрос: как получилось, что эта денежная культура — с ее институтами, построенными на дифференциальном преимуществе и движимая чувствами, которые сводятся к соревновательной выгоде и вызывающе бросающейся в глаза растрате благ — все же способствовала развитию такой технологии, пусть и разрешительно? В своем прямом проявлении дисциплина этой денежной культуры, несомненно, враждебна любому прогрессу в профессиональном понимании или любому прозаическому восприятию и использованию объективных явлений. Это цивилизация, субстанциальное ядро которой субъективно, в узко субъективном, личностном, индивидуалистическом смысле, придаваемом эгоцентричными чувствами соперничества.¹¹³ Но, в конце концов, в целом это мирная культура; и действительно, правила деловой игры с прибылями и убытками, неустойкой и конфискацией требуют, чтобы это было так. По крайней мере, это, а возможно, и многое другое, имеет общее с великой технологической эпохой североевропейского неолита. Дисциплина, которой подчинены ее народы, может быть достаточно строгой, и ее требования могут основываться скорее на житейской мудрости, чем на фактах; но ее вызывающие зависть различия выражаются в цене, то есть в объективной, безличной денежной единице, в конечном счете металлической гирьке; и повседневное движение в рамках этой системы цен дает возможность неустанно упражняться в точной науке внесения изменений, больших и малых. Даже мечты финансового мечтателя наяву обретают форму расчета прибылей и убытков, исчисляемых в стандартных единицах обезличенной величины, даже несмотря на то, что величина этих стандартных единиц при анализе может оказаться в значительной степени предполагаемой. Условное исчисление в рамках системы цен носит обезличенный характер. В нынешнем понимании приверженца денежного дела эти величины полностью объективны, так что, по сути, тренировка, которая приходит к тому, чтобы заниматься ими, в конце концов, является тренировкой точной оценки грубых фактов.

В то же время, инстинкт мастерства, не являясь приобретенной чертой характера, не был устранен неиспользованием; и когда предоставляется случай, в относительно спокойных условиях этого мирного или квазимирослюбивого финансового режима, древняя склонность заявляет о себе со своей древней силой, возможно, нерегулярной и астеничной, но всепроникающей и жизнестойкой. И когда этот инстинкт срабатывает благодаря биотическому гению североевропейского гибрида, есть хороший шанс, что результат такого наблюдения и размышлений окажется в терминах прозаичности, такой коротко стриженной наивности, что действительно даст очень сносный материал для материаловедения и машинной технологии.

Точно так же древние и испытанные временем гражданские институты североевропейских народов, по-видимому, не носили того высокого, вызывающего зависть характера, который возникает в результате долгой и напряженной тренировки в практиках и идеалах патриархальной системы; и их преобладающие религиозные представления не являются чрезвычайно радикальными, театральными или церемониальными, по сравнению с тем, что можно найти в культах великих династических цивилизаций Востока. В целом, только в Средние века эти народы были подчинены строгой рабской дисциплине, которая характеризует династический деспотизм, светский или религиозный; и большая часть древних, языческих и доисторических предубеждений по гражданским и религиозным вопросам, по-видимому,

сохранилась в образе мыслей простых людей даже в течение этого периода погружения под аристократическое и патриархальное правление. В той же связи можно отметить, что белокурые народы христианского мира были последними, кто принял патриархальную мифологию семитов, а также были первыми и наиболее готовыми отказаться от нее в дальнейшем; из чего напрашивается вывод, что они никогда полностью не ассимилировали ее дух; возможно, из-за отсутствия достаточно строгой и длительной дисциплины в ее образе жизни и идеалах, возможно, из-за отсутствия подходящей темпераментной основы.

Действительно, существует любопытно распространенное совпадение с точки зрения времени, места и расы между современными машинными технологиями, материальными науками, религиозным скептицизмом и тем духом неподчинения, который составляет сущность так называемых свободных или популярных институтов. Ни по одному из этих пунктов совпадение не является настолько близким или последовательным, чтобы оправдать вывод о том, что только раса и топография привели к такому современному культурному результату. Исключения и побочные проблемы слишком широки и слишком многочисленны для этого; но, в конце концов, это сопутствующее явление такой широты и масштаба, что его также нельзя упускать из виду.

* * * * *

Можно представить, что ход мутаций, вызвавших этот современный технологический эпизод, протекал примерно следующим образом. Из-за отсутствия достаточной подготовки к хищническим привычкам мышления (как показано, например, на примере неполного патриархализма североевропейцев) хищническая культура не смогла достичь того, что можно назвать нормальной зрелостью в феодальной системе Европы, особенно на Севере и Западе, где белокурая примесь сильнее; под "нормальной" здесь подразумевается последовательность роста, институционализации и упадка, типично демонстрируемая великими династическими цивилизациями, созданными семитскими захватчиками на Востоке. В полномасштабной хищнической культуре на ее ранних фазах, как правило, присутствуют два несколько расходящихся экономических принципа (образа мышления), каждый из которых имеет некоторую институциональную силу: (а) Право на захват силой, ¹¹⁴ которым обычно наделяется глава династии в случае установления деспотического государства; и (b) обязательное владение всем, что человек приобрел. Эти два институциональных фактора находятся в противоречии, и в зависимости от того, какой из двух в конечном итоге возьмет верх и исключит или овладеет своим конкурирующим постулатом, хищническая культура продолжает следовать принципам принудительной эксплуатации, как в этих азиатских монархиях; или она переходит в квазимиролюбивую фазу, отмеченную гарантированным правом владения собственностью и оседлой знатью, и в настоящее время в коммерциализированную индустриальную ситуацию. Любая линия развития может, конечно, прерваться, не достигнув своего завершения.

В регионе западной цивилизации, как в Северной Европе, так и неоднократно в Эгейском регионе, ход событий изменился в соответствии с последней альтернативой; рост институтов сместился с опоры на доблесть к опоре на предписывающую собственность. Как только этот сдвиг был надежно осуществлен, развитие торговли, промышленности и технологической системы вышло на передний план, и эти привычные интересы затем отразились на характере действующих институтов, тем самым ускорив рост условий, благоприятных для их собственного дальнейшего продвижения. Конечно, в культурной последовательности нет заметной точки соприкосновения, о которой можно было бы определенно сказать, что этот переход был

осуществлен, но в целом можно считать, что точка перехода пройдена, как только текущие политические и экономические спекуляции не критично отдают приоритет “общему благу” по сравнению с финансовыми интересами короны или “государства”, в результате чего корона и ее должностные лица теоретически и в публичных заявлениях оцениваются как хранители материального благосостояния общества, а не автократические эксплуататоры производственного потенциала общества. Примерно с того же периода должным образом установится некоторое ускорение темпов улучшения состояния механического искусства. Очевидно, что это движение возникло по инициативе низших или промышленных классов и руководится их гением, а не гением правящих классов, будь то светских или духовных. Это проявляется, как правило, в росте ремесла и мелкой торговли.

Таким образом, чувство мастерства и связанные с ним чувства снова начинают, незаметно для других, занимать первое место среди факторов, определяющих процесс привыкания и, следовательно, характер возникающей в результате культуры, — совершая, таким образом, переход от варварства к цивилизации в более узком смысле этого термина; который соответственно следует характеризовать, в отличие от хищнической культуры варваров, как квалифицированный или смягченный (утонченный) возврат к духу дикости или, по крайней мере, как духовный возврат, направленный в этом направлении, хотя ни в коем случае не переходящий резко на уровень дикости. Новая фаза имеет то общее с типичной культурой дикарей, что мастерство, а не доблесть, снова становится главной или первейшей нормой привыкания и, следовательно, роста институтов; и что, следовательно, в идеалах и усилиях сообщества проявляется миролюбивый уклон. Но это мастерство в сочетании с собственностью; то есть мастерство в сочетании с завистливым соревнованием и, следовательно, с системой институтов, воплощающих ряд предписывающих дифференцированных преимуществ.

II. Конкурентная система

Руководствуясь традицией, унаследованной с начала девятнадцатого века, современная экономическая теория обычно рассматривает накопленные товары в качестве основного требования промышленности. На промышленном предприятии в том виде, в каком оно существовало в то время, преобладающей организационной единицей была частная фирма, а проблемы партнерства составляли второстепенный и менее распространенный элемент в деловом сообществе. Обычно этим частным фирмам и партнерствам принадлежало определенное материальное оборудование, используемое в промышленности, и они проявляли инициативу в промышленном предприятии на основании этого права собственности; нанимали рабочих, покупали материалы и расходные материалы и продавали продукцию предприятия. Кредитные отношения, такие, которые необходимы для создания и функционирования современной корпорации, все еще имели второстепенное значение, к ним прибегали скорее как к средству в чрезвычайных ситуациях, чем как к первоначальному шагу и существенной основе организации бизнеса; мерой масштаба концерна по-прежнему (как правило) было его свободное владение материальным оборудованием, размером завода и количеством нанятых им рабочих. Из этого легко следует, что в практических бизнес-концепциях того времени оборудование материальными средствами, которое воплощает активы концерна и обеспечивает основу для его инициативы и его рейтинга в деловых кругах, обычно должно

оцениваться как основной двигатель в промышленности и главный производственный фактор. Таким образом, теоретические рассуждения, которые использовали этот бизнес-трафик для своих рабочих концепций, неизбежно привели к признанию этих материальных активов, материального оборудования сообщества, — орудий труда, скота, сырья, средств существования, — в качестве основного фактора экономической жизни сообщества. Как это верно для рабочих концепций и принципов промышленного бизнеса, так и в теоретических формулировках экономистов нематериальное технологическое оборудование сообщества считается само собой разумеющимся как обстоятельство окружающей среды, обуславливающее экономическую жизнь сообщества, — состояние промышленного искусства и текущие способности и эффективность работников. Как говорится, “учитывая состояние промышленного производства”.

Это хороший, домашний, традиционный здравый смысл; он отражает привычный практический ход дел в промышленном сообществе того недавнего прошлого. Таково было отношение практичных людей к промышленным вопросам в то время, когда обострялась нынешняя экономическая ситуация. Но такая концепция уже не так верна практическим потребностям текущего момента, и сегодняшние бизнесмены обычно не рассматривают эти вопросы именно в таком свете; хотя принципы права, регулирующие промышленное предприятие, все еще продолжают воплощать эти устаревшие концепции, которым экономисты также продолжают сохранять верность. Подобно другим элементам привычного знания, эта концепция вещей почерпнута из прошлого опыта — главным образом из прошлого, не слишком отдаленного для быстрого понимания, — и она отражает умонастроение, из которого она возникла.

Таким образом, на заре развития машинной промышленности, скажем, в последней четверти восемнадцатого века, ведение производственных дел находилось в руках бизнесменов, которые владели материальным оборудованием и которые руководили использованием этого оборудования и использовали его для получения собственной выгоды на предписывающем основании такого владения. Свобода действий и инициатива принадлежали капиталисту-работодателю, который в то время (как правило) сочетал владение заводом с несколько непосредственным надзором и контролем производственных процессов. Директивный контроль над промышленностью, охватывающий как объем, так и характер процессов и выпуска продукции, в типичном случае был напрямую связан с владением материальным оборудованием как таковым — как материальными активами, а не как акциями корпорации. С тех пор ситуация в бизнесе изменилась, особенно из-за широкого обращения к кредитам, так что эта устаревшая концепция больше не соответствует текущей деловой практике, особенно в том, что касается крупномасштабного предприятия, которое сейчас управляет промышленными делами и которое в настоящее время принято как тип современного коммерческого предприятия.

Среди допущений столетней давности была предпосылка, самоочевидная для того поколения мыслящих людей, что преобладавшая тогда фаза коммерциализированной экономической жизни была неизменно нормальным порядком вещей. И предположения, связанные с этим предубеждением, были хороши и компетентны для формулировки экономической теории, которая принимает такую институциональную ситуацию как должное и предполагает, что она неизменна или является *terminus ad quem*. Но для чего-либо подобного генетическому описанию экономической жизни, ранней или поздней, капиталистической или иной, такие допущения и вытекающие из них теоретические положения и анализ ущербны в том смысле,

что они принимают как должное то, что требует учета. Теоретические рассуждения, которые предполагают (несколько старомодные) институты, ранее регулировавшие собственность и предпринимательский оборот, и предполагают, что они обладают неизменным характером и непреложной силой *де-факто*, которые приписываются им *де-юре*, и которые также предполагают в качестве неизменных преходящую фазу в “состоянии промышленного искусства”, могут сгодиться для теории о том, как деловые отношения должны должным образом организовываться, чтобы соответствовать предполагаемым условиям; и таков, действительно, обычно был характер теоретических формулировок, касающихся промышленности и бизнеса. И, как и следовало ожидать, в рассуждениях экономистов эти теоретические формулировки также обычно сопровождались параллельным рядом рекомендаций по исправлению положения, призванных показать, какие превентивные меры следует применять, чтобы не допустить нарушения деловой практикой этих предполагаемых условий, которые считаются неизменно нормальными и неоспоримо правильными.

Теперь, поскольку в общепринятых теориях накопленные “производственные блага” рассматриваются как наиболее важный фактор в промышленности, а следовательно, и в материальном благосостоянии общества и в судьбах отдельных людей, логически следует, что свободное владение ими стало считаться наиболее важным отношением, в котором люди могут находиться к производству богатства и к средствам существования общества; а денежные операции, посредством которых это владение организуется, манипулируется и перераспределяется, считаются в промышленном отношении наиболее продуктивным из всех видов человеческой деятельности. Только в девятнадцатом веке эта доктрина денежной производительности приобрела законченную форму и прочно вошла в систематическую структуру экономической теории — в современную теорию “Функции предпринимателя”;¹¹⁵ но также только в этот период предпринимательство (денежный менеджмент) стало доминировать в экономической ситуации практически безраздельно, так что материальное благополучие общества стало зависеть от этих финансовых переговоров, в которые его “капитаны промышленности” вступают ради собственной выгоды.¹¹⁶ В том смысле, что никакая другая сфера деятельности не имеет такого же решающего отношения инициативы или усмотрения к производственному процессу и не оказывает такого влияния на материальное благосостояние общества, эти деловые переговоры о собственности, несомненно, являются основным фактором в современной промышленности. Но то, что это так, объясняется особыми институтами нового времени и особенным текущим состоянием промышленного искусства; и первое из этих особых обстоятельств обусловлено вторым.

* * * * *

Невозможно точно установить дату, с которой началась эта современная эпоха с ее своеобразной схемой экономической жизни и экономическими концепциями, которые ее характеризуют. Дата будет варьироваться от страны к стране и даже от одного промышленного класса к другому в пределах одной страны. Но можно сказать, что исторически современная эпоха начинается с расцвета ремесла; именно по линии роста, обозначенной развитием ремесла, возникла современная технология вместе с той промышленной организацией и теми денежными концепциями экономической эффективности и удобства обслуживания, которые постепенно достигли своего нынешнего состояния зрелости на основе, обеспечиваемой этой технологией. То, что исторически лежит в основе эпохи ремесел, не соответствует

экономической ситуации современности; это не характерно для западной цивилизации в отличие от земледельческих и хищнических цивилизаций древности.

Как указывалось в предыдущей главе, говоря об упадке хищнического (феодалного) режима и его рабской сельскохозяйственной организации промышленности, когда мир и порядок незаметно преобладают над инстинктом мастерства и в неопределенной мере вытесняют завистливые чувства самоуважения, которые приводят в действие доблестную и раболепную жизнь, характерную для этой культуры; так что мастерство снова выходит на передний план среди инстинктивных склонностей, которые формируют обычные интересы сообщества и, таким образом, изменяют курс его институционального роста и определяют направленность его здравого смысла.

Привычное мировоззрение и предвзятость, обусловленные ремесленной системой, носят двоякий характер — технологический и денежный. Ремесленник был ремесленником, занимающимся механическими операциями, работающим с инструментами, которыми он владел в совершенстве, и использующим механические процессы, тайны которых были знакомы его повседневному мышлению; но с начала эры ремесла и на протяжении всей своей производственной жизни он также был более или менее торговцем. Он был тесно связан с той или иной формой рынка, и его мастерство ремесленника подвергалось ежедневному практическому испытанию при продаже своих товаров или услуг, равно как и при их умелом изготовлении. Кроме того, цена, а также пригодное для работы качество товаров в настоящее время стали предметом регулирования в соответствии с правилами ремесел; и мелкая торговля, выросшая как вспомогательное занятие кустарной промышленности, сама по себе была организована по аналогии с собственно ремеслами и регулировалась аналогичными принципами; труд торговца считался полезным или производительным в том же общем смысле, что и труд любого другого ремесленника, и признавался справедливым, дающим право тем, кто им занимался, на справедливые средства к существованию.

Ремесленная система была организованной и регулируемой системой мастерства и самопомощи; и в условиях, налагаемых ее технологией, мастерство в последнем отношении было не менее необходимым и не менее отвечало поставленной цели, чем в первом. И то, и другое учитывается в равной степени и в сочетании для успешной работы системы, которая является практически осуществимым планом экономической жизни только до тех пор, пока ремесленники хорошо сочетают обе эти способности и только до тех пор, пока технологические требования позволяют использовать обе эти способности в сочетании. Система рухнула, как только состояние промышленного производства больше не позволяло рабочим приобретать необходимые технологические навыки и выполнять требуемую работу в то же время, когда каждый из них мог контролировать свои личные денежные интересы и преследовать их. С появлением более широкой и дифференцированной технологической схемы и с более широкими и отдаленными рыночными отношениями, обусловленными, в основном, расширением возможностей транспорта, эти необходимые условия практически осуществимой ремесленной экономики постепенно разрушились, и практика промышленных инвестиций и более крупная торговля постепенно вытеснили ее.

Дисциплина повседневной жизни в условиях ремесленной экономики была дисциплиной как в материальной самопомощи, так и в мастерстве. В популярном идеале, так же как и с точки

зрения практического факта, опытный ремесленник основывался на своем индивидуальном мастерстве в поддержании собственной денежной выгоды, а также на своем квалифицированном мастерстве; и гильдии были организованы для поддержания преимуществ ремесла на рынке, а также для регулирования качества продукции. Ремесленные правила, регулирующие качество выпускаемых товаров, в основном соблюдались с целью поддержания цены и, следовательно, с целью обеспечения ремесленникам достаточных средств к существованию. Таким образом, эффективность в ремеслах в настоящее время стала оцениваться в значительной степени так, как это посчитали бы современные “инженеры по эффективности”, — непосредственно с точки зрения механических характеристик, в конечном счете с точки зрения цены и, более конкретно, с точки зрения чистой прибыли. Таким образом, жизненные привычки, укоренившиеся в гильдсмене и в сообществе в целом, где преобладала гильдейская система, включали в себя в качестве основного факта тщательное соблюдение деталей владения и денежных требований и обязательств. Именно из этой настойчивой, всепроникающей и до мелочей конкретной дисциплины в практике и логике денежных расчетов возникли те “естественные права” собственности и те “принципы ведения бизнеса”, которые были переняты более поздней эпохой машинной индустрии и капиталистических инвестиций.

Правила гильдии, а также более широкие законодательные положения, имеющие отношение к правилам гильдии, были явно разработаны с целью обеспечения гильдсмену справедливого обычного существования, и логически принятые с этой целью меры были направлены на то, чтобы обеспечить ему пользование доходами от его работы, а также право заниматься своим ремеслом в рамках правил, установленных гильдией для коллективного благосостояния. При должном обучении этой логике ремесленной системы стало очевидным, что с точки зрения здравого смысла ремесленник должен иметь справедливое право на все, что он может получить за свою работу в соответствии с традиционно установленными правилами торговли, и должен быть свободен максимально использовать свои способности во всем, что относится к его поиску средств к существованию; и аналогичные принципы (привычки мышления) применимы к торговле мелким товаром; который, в настоящее время интерпретируемый в терминах контракта и инвестиций, стал означать право вести бизнес и наслаждаться доходами от всех сделок, заключенных в надлежащей форме, и распоряжаться ими.

В настоящее время, по мере того как технологическая ситуация постепенно меняла свой характер за счет расширения и специализации приборов и процессов — возможно, особенно за счет изменений в средствах связи и плотности населения, — ремесленная система с ее мелкой торговлей переросла саму себя и рухнула на новой фазе денежной культуры. Все более широкая дифференциация между мастерством изготовления и продажей переросла в “разделение труда” между промышленностью и бизнесом, между производственными и денежными занятиями, — разделение собственности и связанных с ней особых забот, привилегий и мастерства от ремесла. Благодаря такому разделению труда, или расхождению функций, часть сообщества стала специализироваться на владении и денежном обороте и, таким образом, образовала деловое сообщество, занимающееся денежными делами, идущее параллельно с собственно промышленным сообществом, с развитием практик и обычаев, характерных для его собственных нужд и лишь косвенно влияющих на дальнейшее развитие промышленной системы или на состояние промышленного искусства.

Состоятельные мастера нанимали бы других работников без средств и могли бы сами продолжать работать по своему ремеслу, а могли и не продолжать. Мелкие торговцы или торгоши, номинально принадлежащие к какой-либо ремесленной гильдии, разбогатели бы с увеличением объема торговли и организовали бы все более разветвленную домашнюю (потогонную) промышленность для удовлетворения растущих потребностей своего рынка; или они могли бы стать джобберами, проводить более масштабные торговые операции в течение более длительного срока, все больше отдаляться от реальной работы ремесла и в течение одного-двух поколений (как, например, Фуггеры) превратились бы в торговых принцев и финансистов, которые поддерживали бы лишь отдаленное и безличное отношение к поделкам. Или, опять же, связанные торговцы (как, например, ганзейские) создавали бы склады и агентов, “фабрики”, которые постепенно собирали бы что-то вроде рабочей силы ремесленников для сортировки, складирования и отделки изделий, с которыми они работали, в то же время они осуществляли бы все более тщательный и обширный надзор за отраслями промышленности, из которых производилась эта продукция; пока эти склады под управлением факторов производства в некоторых случаях не превратились бы в фабрики в некотором смысле в современном понимании этого термина. Так или иначе, это торговое или торгашеское движение, которое было тесно связано с ремесленной промышленностью и ювелирной деятельностью, со временем разветвлялось по мере того, как отрасли достигали более крупных масштабов и более обширной специализации; и это растущее “разделение труда” между мастерством изготовления и продажей привело в настоящее время к такому выделению торговцев из массы ремесленников, что породило деловое сообщество, занимающееся исключительно управлением финансами.

Но принципы, на которых велся новый и более крупный бизнес, были такими же, как те, на которых велась прежняя мелкая торговля, и, следовательно, те же по происхождению и содержанию, что были выработаны долгим опытом внутри собственно ремесленной системы. Деловое движение было результатом ремесленной системы, и оно находилось в таком же надежном положении с точки зрения законности и юридических и обычных гарантий, как и промышленная система, из которой были выведены его принципы и из которой были извлечены его выгоды.

Источник, из которого новая линия бизнесменов черпала накопления богатства, с помощью которого они могли вести бизнес, несколько спорен; но каким бы интересным ни был вопрос, который может быть сам по себе, он не имеет особого отношения к настоящему исследованию, и то же самое верно для еще более интересных и впечатляющих явлений, которые ознаменовали рост и упадок той ранней деловой эры, которая протекала своим чередом в истории ремесленной системы.¹¹⁷ На протяжении всего того великого периода деловой активности на европейском континенте, который набрал обороты в шестнадцатом веке и завершился упадком в XVI веке. в-семнадцатых, принципы (привычки мышления), которые лежали в основе, подтверждали подлинность и оживляли деловое сообщество и его денежный оборот, оставались во многом такими же, какими руководствовались ремесленники в своих денежных отношениях с начала эры ремесел и до ее конца. Так же, в свою очередь, обстояло дело и с более поздней эрой бизнеса, которая началась с великим промышленным прогрессом Англии в восемнадцатом веке, и так продолжалось на протяжении большей части ее истории в девятнадцатом веке. О последних разработках в деловой практике и принципах нельзя сказать ничего подобного без колебаний, но это тоже вопрос, который на данном этапе не касается непосредственно расследования. Но принципы нового и более крупного бизнеса были теми же,

что медленно вырабатывались при системе мелкой торговли. Эти принципы ведения бизнеса оказались очень живучими и стабильными даже перед лицом явно неблагоприятных технологических обстоятельств, поскольку они возникли в результате длительного и жесткого привыкания к очень широкому распространению и приобрели подлинность благодаря официальному признанию в юридических решениях и кропотливому определению, данному им в ходе длительной и изнурительной борьбы с институциональными пережитками феодальной системы. Эти обстоятельства, сопровождавшие зарождение и развитие современных принципов ведения бизнеса, привели к тому, что они были сформулированы в четко определенной концептуальной схеме обычного права, а также к их воплощению в законодательной форме. Возможно, этому они во многом обязаны своим упорным сопротивлением современным требованиям, которые имели тенденцию изменять или отменять их. По своим элементам, конечно, эти принципы бизнеса даже старше эпохи ремесел, поскольку по сути своей имеют ту же природу, что и сентиментальный импульс к самовозвеличиванию, который лежит в основе хищнической культуры и, таким образом, составляет существенное ядро всех финансовых цивилизаций.

Отличительной чертой любой эпохи бизнеса, в отличие от ремесленной экономики, является безраздельное господство финансовых принципов, как стандартов эффективности, так и канонов поведения. В таком деловом сообществе эффективность оценивается с точки зрения денежной выгоды; и в той мере, в какой правят принципы бизнеса, эффективность в любом другом направлении, кроме делового оборота, может претендовать на признание только в той мере, в какой она может быть сведена к денежной выгоде. Таким образом, качество изготовления оценивается с точки зрения умения продавать. А каноны качества изготовления и даже технологической эффективности все больше и больше затрагивают финансовые аспекты и позволяют проводить финансовые тесты для определения пригодности к эксплуатации.

Соответственно, инстинкт мастерства заражен идеалами самовозвеличивания и канонами завистливого соперничества, так что даже полезность любого данного действия или политики для общего блага начинает оцениваться с точки зрения денежной выгоды, которую такое поведение принесет его автору. Таким образом, любой финансовый стратег - "промышленник", — которому удастся поглощать значительно больше, чем равномерная доля общественного богатства, скорее всего, будет оценен как благодетель общества в целом и образец социальных добродетелей; в то время как человек, который работает и не может использовать что-то большее из совокупного продукта для своих собственных нужд, чем то, что может внести в него труд одного человека, подвергается не только осуждению за то, что не достиг достойного уровня эффективности, но и моральному осуждению за беспечность и упущенные возможности. Точно так же, согласно нынешнему здравому смыслу в обществе, приученном к денежной, а не рабочей дискриминации предметов потребления, те предметы, которые служат своему материальному назначению явно расточительным образом, позиционируют себя как более полезные, благородные и красивые, чем те товары, которые не предполагают такого расточительства.¹¹⁸

В рамках этой системы принципов ведения бизнеса, так или иначе, чувство мастерства во всех его проявлениях осквернено предвзятыми представлениями о денежных достоинствах и завистливым отличии. Но о чем здесь непосредственно идет речь, так это о его

перенаправлении в русло прибыльного бизнеса вместе с более очевидными последствиями, которые непосредственно вытекают из замены материальной полезности дифференциальной выгодой как цели, к которой инстинктивная склонность к мастерству приводит к тому, что человеческие идеалы и усилия подчиняются дисциплине денежной культуры.

* * * * *

В целях генетического исследования этой современной деловой ситуации и ее влияния на чувство мастерства и на технологические явления, в которых проявляется этот инстинкт, необходимо вкратце напомнить некоторые текущие факты, относящиеся к данному случаю: (a) Это конкурентная система; то есть это система денежного соперничества и раздора, которая основывается на стабильных институтах собственности и контракта в условиях мира и порядка. (b) Это ценовая система, то есть конкуренция осуществляется в денежном выражении, а денежная единица является стандартным показателем эффективности и достижений; следовательно, конкуренция и эффективность подлежат строгому учету в терминах (предположительно) стабильной денежной единицы, которая во всех деловых операциях считается неизменной. (c) Технологически в этой ситуации доминируют механические отрасли промышленности; настолько, что даже искусство ведения сельского хозяйства в последнее время приобрело большую часть характера механических искусств. Отсюда несколько тщательная стандартизация процессов и продуктов в механических терминах, которая для коммерческих целей с изрядной степенью успеха была переведена в ценовые термины и, таким образом, стала предметом учета в ценовых терминах. (d) Следовательно, потребление также стандартизировано, непосредственно в механических терминах потребляемых продуктов, но, наконец, через механизм рынка, с точки зрения цены, и, подобно другим ценовым явлениям, потребление также регулируется конкуренцией и обеспечивается аналогичной бухгалтерией в терминах денежной единицы. (e) Типичные отрасли, которые задают темп производительной работы, конкурентных преимуществ и, благодаря стандартным нормам прибыли, в конечном счете, также конкурентного потребления, - это отрасли, осуществляемые в больших масштабах; иными словами, они таковы, что требуют большого материального оборудования, широкого обращения к технологической проницательности и профессионализму, а также большого использования материальных ресурсов общества. (f) Это материальное оборудование — промышленные установки и природные ресурсы — находится в частной собственности, за незначительными исключениями; заслуживающие внимания исключения из этого правила, такие как, например, гавани, автомагистрали и т.п., служат главным образом вспомогательными средствами производства и, таким образом, являются главным образом безвозмездным дополнением к промышленному оборудованию, находящемуся в частной собственности и используемому для повышения конкурентоспособности. (g) Технологические знания и мастерство в основном хранятся и повсеместно передаются сообществом в целом, но частично ими также владеют — что более очевидно, поскольку в исключительных случаях — специально обученные классы и отдельные работники. Относительно небольшой, фактически ничтожно малой долей этих технологических знаний и навыков в каком-либо особом смысле обладают владельцы промышленного оборудования, особенно владельцы типичных крупных производств. То есть иными словами, технологически опытные рабочие в типичном случае не владеют и не контролируют сколько-нибудь заметную долю материального оборудования или природных ресурсов, к которым применяются эти технологические знания и навыки и при

использовании которых они проявляются. (h) Это приводит к тому, что владельцы этого крупного материального оборудования, включая природные ресурсы, по своему усмотрению контролируют технологическое мастерство сообщества в целом, а также те особые направления понимания и навыков, которыми наделены эти специально обученные опытные люди, у которых специализированное мастерство добавляется к общему мастерству, распространенному по всему сообществу в целом. (i) Таким образом, фактически владельцы необходимого материального оборудования владеют также производительностью сообщества и узурпатором состояния промышленного искусства. За исключением их эффективного владения этими элементами производственной эффективности, их владение материальным оборудованием промышленности не имело бы никакого эффекта. Но узурпатор этого производственного потенциала сообщества и его обученных работников наделяет владельцев материального оборудования лишь условным условием, что, если сообщество выполняет эту работу, ему должны быть предоставлены средства к существованию, в результате чего валовая прибыль, которая в первую очередь достается этим владельцам, на столько же уменьшается. Эти необходимые средства к существованию приведены в соответствие с общепринятым уровнем жизни, который в нынешних условиях денежного соперничества представляет собой в значительной степени — возможно, главным образом — стандартизированный график демонстративного расточительства.

Из того, что только что было сказано выше, вытекает точка зрения, что владельцы материальных средств, которые по большей части также являются работодателями рабочих и о которых сентиментально говорят как о “капитанах промышленности”, на самом деле и обычно имеют лишь относительно слабое представление о технологических фактах, возможностях и требованиях современной промышленности, и что в силу своей деловой подготовки они способны лишь скудно и неуверенно использовать те расплывчатые идеи, которые у них в головах. Любому, кто знаком с общими местами современной экономической теории, может показаться, что из этой точки зрения следует сделать исключение, поскольку это преуменьшает технологические достоинства бизнесменов. В современных теоретических формулировках бизнесмен упоминается под заголовками “предприниматель”, “гробовщик” и т.д., А о его доходах говорится как о “заработной плате суперинтенданта”, “заработной плате менеджмента” и тому подобном. Он задуман как опытный рабочий, отвечающий за производство, старший мастер цеха, и его успехи считаются вознаграждением за его творческий вклад в производственный процесс, благодаря его превосходной проницательности и инициативе в технологических вопросах. Такое представление о предпринимателе и его отношении к промышленности сохранилось с более раннего периода, периода мелкого ремесла и мелкой торговли, когда все еще было верно, что владелец-работодатель, в типичном случае, осуществлял личный надзор за своими рабочими и их работой, и таким образом заполнял место мастера, а также покупателя и продавца материалов и готовой продукции. И такая характеристика бизнесмена и его работы все еще будет верна в современной ситуации, поскольку он по-прежнему занят производством в том же небольшом масштабе и продолжает занимать место мастера цеха. Но в нынешних условиях — условиях прошедшей половины века — и, более конкретно, в условиях той крупной промышленности, которая в настоящее время относится к типу современной промышленности, бизнесмен перестал быть мастером цеха, и его надзор за промышленностью перестал фактически включать технологическое управление ее деталями; и в соответствующей мере эта традиционная теоретическая концепция бизнесмена перестала применяться.

Высказываемая здесь точка зрения о том, что современный бизнесмен обязательно не имеет реального отношения к технологиям как таковым и некомпетентен осуществлять эффективный надзор за производственными процессами, не является вопросом предвзятости или расплывчатого мнения; фактически это стало предметом статистической демонстрации. Даже беглый обзор текущих достижений этих великих современных отраслей промышленности, управляемых бизнесменами, взятый в сравнении с предлагаемыми ими возможностями, должен убедить любого в технологической непригодности такого управления бизнесом в отрасли. Действительно, капитаны промышленности сами в последнее время начали признавать свою собственную неэффективность в этом отношении и даже понимать, что управление производственными процессами бизнесмена не подходит даже для деловой цели — получения чистой денежной выгоды. И это тем более неэффективно для целей мастерства, в отличие от выгод бизнесменов. Итак, вступает в действие профессиональный класс “инженеров по повышению эффективности”, в обязанность которых входит выставлять счета за предотвратимые потери и неэффективность, вызванные управлением бизнесом в промышленности, и представлять дело в таких конкретных и очевидных терминах цены и процента, какие смогут понять ответственные бизнесмены. Эти люди, в некотором смысле, берут на себя функции, возложенные в экономической теории на “предпринимателя”; в том смысле, что это люди с общей технологической подготовкой и проницательностью, которые проводят свои исследования на основе мастерства, берут свои данные в терминах мастерства и преобразуют их в терминах коммерческой целесообразности, отчасти с той же целью, с какой аналогичная работа по преобразованию выполнялась владельцами-работодателями в рамках той мелкомасштабной системы промышленного предприятия, из которой была выведена нынешняя теоретическая концепция “предпринимателя”. Затем долг этих инженеров по повышению эффективности состоит в том, чтобы представить полученные таким образом результаты для убеждения и руководства ответственных бизнесменов, которые после этого, если их бизнес-образование дало им достаточное представление о мастерстве, дадут разрешительные инструкции опытным рабочим, непосредственно отвечающим за производственные процессы, ввести эти статистически указанные изменения в действие. Эти инженеры по повышению эффективности свидетельствуют о том, что относительно немногие финансовые капитаны, управляющие промышленными предприятиями, обладают достаточным пониманием технологических фактов, чтобы понять и принять выводы экспертов-технологов, которые таким образом выступают за ликвидацию предотвратимых отходов, даже когда проблема статистически представлена в виде цены. Эти люди выполняют свою работу по определению фактической и потенциальной эффективности любого данного завода, процесса, рабочей силы или группы материальных ресурсов с помощью методов точных физических измерений, знакомых инженерам-механикам, и в результате они без колебаний говорят о предотвратимых потерях, составляющих десять, двадцать, пятьдесят или даже девяносто процентов в обычной американской промышленности. [119](#)

Поскольку работа инженеров по повышению эффективности всегда выполняется на благо бизнеса и с учетом коммерческой целесообразности, их выводы напрямую связаны с бизнес-потребностями конкретного случая и дают окончательные результаты только с точки зрения цены и прибыли. Насколько большими показались бы выявленные расхождения в данном случае, если бы эти выводы можно было свести к понятиям полезности для сообщества в целом, нет никаких средств для формирования надежного предположения. То, что расхождение в

таком случае окажется значительно большим, чем показано в ценовом рейтинге, не вызывает сомнений. При такой оценке, когда данные промышленные предприятия подвергались бы проверке на чистую полезность обществу, а не на чистую прибыль заинтересованных бизнесменов, многие промышленные предприятия, несомненно, демонстрировали бы растрату значительно более ста процентов своего текущего объема производства, будучи скорее бесполезными для материального благосостояния общества, чем в противном случае.

То, что деловое сообщество настолько пронизано неспособностью и непониманием технологических вопросов, несомненно, связано непосредственно с тем фактом, что их внимание обычно направлено на финансовые вопросы промышленного предприятия; но более фундаментально и неизбежно это связано с большим объемом и сложными сложностями существующей технологической схемы, которая не позволит ни одному человеку стать компетентным специалистом в чуждой и требовательной области деятельности, такой как предпринимательство, и при этом приобретать и поддерживать эффективное рабочее знакомство с состоянием промышленного искусства. Существующая технологическая схема не может быть освоена с помощью банальной информации или побочного занятия, связанного с другим занятием. То же самое продвижение к большой и исчерпывающей технологической системе в машинной промышленности, которое передало руководство промышленными делами в руки людей, в первую очередь занятых управлением денежными средствами, также сделало невозможным для людей в таких обстоятельствах вообще адекватно осуществлять надзор и руководство промышленностью, которые, таким образом, требовались от них. И древние принципы самопомощи и денежной выгоды, в силу которых эти люди привязаны к своей предпринимательской деятельности, также не позволяют им надлежащим образом передать управление производственными процессами в другие руки или позволить управлению промышленностью действовать иначе, чем по тем же принципам ведения бизнеса.

Эта технологическая немощь бизнесменов, несомненно, возникает не из-за отсутствия интереса к промышленности, поскольку выгоды бизнес-сообщества извлекаются только из чистого продукта промышленности - за исключением тех случаев, когда они в значительной степени являются просто прибылью в бухгалтерском учете из-за инфляции ценностей. Возможно, ни один класс людей никогда не был более эгоистичен в своем интересе к промышленным вопросам, чем современные бизнесмены; и этот интерес распространяется не только на промышленные предприятия, в которых они могут на время быть финансово "заинтересованы", но также и обязательно на другие отрасли промышленности, которые более или менее тесно связаны с той, в которую вложено состояние данного бизнесмена; ибо в современных рыночных условиях любое данное направление промышленного предприятия связано бесконечными отношениями взаимовлияния со всеми остальными. Но это неослабевающее внимание бизнесменов к делам промышленности является деловым вниманием, и, насколько это возможно, оно не затрагивает ничего, кроме финансовых явлений, связанных с владением промышленностью; так что оно скорее сводится к обучению искусству поддерживать связь с финансовым ходом бизнеса, избегая при этом любой неуместной близости к технологическим фактам промышленности, — неуместной в смысле превышения того, что может служить потребностям всестороннего краткосрочного обзора рыночных отношений, и что, следовательно, отвлекло бы внимание от этого главного интереса и затуменовало бы денежную сферу. логика, которой руководствуются бизнесмены.

Вероятно, также, ни один класс людей никогда не был так усердно занят своей работой, как современное деловое сообщество. В деловом сообществе, собственно говоря, нет праздного класса, или, по крайней мере, нет праздного класса. В этом отношении наблюдается заметный контраст между деловым сообществом и приземленными интересами. То, что можно найти в этой современной культуре на пути праздного класса, рассматриваемого как институт, восходит по своим истокам и своим специфическим чертам к более архаичной культурной схеме; это пережиток более ранней (хищнической) фазы денежной культуры. По природе вещей праздная модная жизнь - это дело знати (джентри), хищнического прошлого и, в нынешних условиях, хищнически-паразитических привычек; а что касается тех современных богатых людей, которые уходят из делового сообщества и впадают в состояние *otium cum dignitate*, то обычно их судьба заключается в том, что они ассимилируются путем более или менее церемониального вступления в тело этого квази-хищнического джентри или дворянства и таким образом приобретают имитационную окраску архаизма.

Деловое сообщество усердно работает, и в нем нет места для тех, кто не может или не желает работать с высоким напряжением, сравнимым со средним; и поскольку такое пристальное отношение к денежной работе носит конкурентный характер, оно не оставляет ни одному из конкурентов возможности эффективно применять себя в какой-либо другой работе, кроме денежной. Такое высокое напряжение в работе считается весьма похвальным во всех современных сообществах, отчасти в той мере, в какой они современны; как это неизбежно бывает в любой работе, которая по существу носит соревновательный характер. Он тратит себя на умение продавать, а не на мастерство изготовления в наивном смысле этого слова; хотя всепроникающая озабоченность денежными вопросами в наше время привела к тому, что его считают разновидностью трудовой деятельности. В конечном счете это касается финансовых манипуляций с материальным оборудованием промышленности, хотя многое из этого не имеет непосредственного отношения к этому вопросу. Исключения из этого широкого положения скорее кажущиеся, чем реальные, хотя, несомненно, есть исключения, как действительные, так и кажущиеся. В таком случае деловые операции, о которых идет речь, вероятно, будут связаны с владением определенными конкретными элементами нематериального технологического оборудования, такими как, например, привычки мышления, на которые распространяется родительское право, или механические приемы, на которые распространяется франшиза. Помимо этого, существуют элементы "доброй воли", которые являются предметом торговли и которые заключаются в преимущественных преимуществах в отношении чисто денежных операций, имеющих отношение не к материальному оборудованию, а к праву иметь с ним дело и управлять им, например, в банковском деле, андеррайтинге, страховании и явлениях денежного рынка в целом.

* * * * *

Но ситуация зрелого бизнеса в том виде, в каком она существует сегодня, является сложным делом, большим и запутанным, в котором эффективные отношения, в которых бизнес-трафик связан с мастерством изготовления и с нематериальным оборудованием сообщества в области технологических знаний в целом, в значительной степени затемнены их собственными извилинами и институциональными механизмами и убеждениями, к которым этот трафик привел. Так что к этому вопросу лучше всего подойти с помощью генетического изложения, которое возьмет за отправную точку то более простое деловое предприятие раннего нового

времени, из которого путем незаметных приращений и перемещений выросло более масштабное развитие современности.

Со временем появилось деловое предпринимательство, которое взяло в свои руки дела промышленности и, таким образом, вывело эти дела из-под опеки гильдий. Это смещение эффективной дискреции в управлении производственными делами происходило постепенно, различным образом и в разной степени в течение значительного промежутка времени. Но решающим общим обстоятельством, вынудившим этот переход к современному способу ведения дел, был прогресс в масштабах и методах изготовления изделий.¹²⁰ То, что передало состояние промышленного сообщества в руки владельцев накопленного богатства, было, по сути, технологическим изменением, или, скорее, комплексом технологических изменений, которые настолько расширили требования к материальному оборудованию, что бедные рабочие больше не могли заниматься своим ремеслом иначе, как по соглашению о сотрудничестве с владельцами этого оборудования; в результате чего дискреционный контроль над промышленностью перешел от технического мастерства ремесленников в способах производства к мастерству владельца. материальное овладение материальными средствами. В изменениях, которые таким образом произошли в более крупном технологическом масштабе, многое, несомненно, было связано с расширением торговли, которая сама по себе в значительной степени была результатом технологических изменений, прямых и косвенных. Что касается ремесленников и их работы, то результатом стало то, что пришлось прибегнуть к материальному оборудованию, принадлежащему тем, кто им владел, и на таких условиях, которые устраивали владельцев; в результате чего узурпатор мастерства рабочих и состояния промышленного искусства перешел к владельцам материального оборудования на тех условиях, которые могли быть получены.¹²¹ Таким образом, на этих владельцев материальных средств и продуктов промышленности выпало обратить эту технологическую ситуацию в свою пользу, как можно меньше ослабив ее, и в то же время это стало обязанностью для каждого из них или несколько соревнуются, чтобы направить на свою собственную прибыль как можно большую долю производственной эффективности сообщества, насколько позволяют обстоятельства.

ГЛАВА VI

Эпоха ремесел¹²²

Вероятно, из-за своеобразной топографии Европы, мелкой и изломанной, пастушеско-хищническая культура никогда не была полностью развита или натурализована в этом регионе; и монархия великого типа, характерная для западной Азии, никогда не установилась в Европе. Ближайшим приближением к такому деспотическому государству была бы Римская империя, которая, в конце концов, была по сути средиземноморской, в значительной степени левантйской, а не сугубо европейской. И, вероятно, из-за тех же обуславливающих ограничений топографии, последующая последовательность институциональных явлений в этом европейском регионе также характерно отличалась от той, что наблюдается на обширных и плодородных землях Ближнего Востока. Именно этот ход событий в западной культуре неизбежно представляет главный интерес для настоящего исследования; поэтому наиболее

удобно будет проследить исторические очертания этой культуры на ее более поздних фазах, поскольку эти очертания должны быть очерчены в экономических терминах большого объема.

* * * * *

Довольно успешно народы христианского мира совершили переход от откровенно хищнического и раболепствующего истеблишмента в Темные века к устоявшейся, квазимирлюбивой ситуации, основанной на довольно надежных правах собственности, главным образом на землю, к концу средневековья. Этот переход сопровождался ростом ремесла, бродячей торговли и промышленных городов, настолько крупных, что пережили и вытеснили феодальную систему, под опекой которой она возникла, и носивших настолько выраженный технологический характер, что вошли в историю как “эра ремесла”. С технологической точки зрения эта эпоха отмечена постоянно опережающим ростом мастерства; пока она не перейдет в режим машинной промышленности, когда ее технология наконец переросла те ограничения ремесла и мелкой торговли, которые придали ей характер отдельного этапа экономической истории. Вначале ремесленная система состояла из неимущих ремесленников, работающих по отдельности и добывающих средства к существованию, и правила гильдий ремесленников, которые в настоящее время сформировались и осуществляли контроль, были составлены на основе этого принципа.¹²³ Мелкая торговля, которая характерно протекает параллельно с развитием ремесла, велась по тому же принципу и в настоящее время была организована на основе того же принципа работы ради средств к существованию.

Однако в настоящее время, в раннее новое время, более крупные активы собственности стали использоваться в бродячей торговле, и инвестиции с целью получения прибыли нашли свое применение в этой торговле, а также в самой системе ремесел. Производственные процессы становились все более обширными и обходными, специализация профессий (“разделение труда”) увеличивалась, масштабы организации увеличивались, и практика найма неимущих рабочих в организованные организации под руководством более состоятельных мастеров стала преобладающей формой, принятой промышленностью того времени.

Практически с самого зарождения ремесленной системы и на протяжении всего периода ее расцвета продукция отрасли обычно продавалась по определенной цене в денежном выражении. В прежние времена цена регулировалась на основе стоимости рабочей силы, исходя из принципа, что компетентному мастеру должны быть предоставлены справедливые средства к существованию, и много мыслей и управления было потрачено на определение и поддержание такой “справедливой цены”. Но с течением поколений, с дальнейшим развитием торговли и рынков, эта концепция цены постепенно уступила место современной презумпции того, что любой ценный предмет стоит того, что он принесет; до тех пор, пока эпоха ремесла и мелкой торговли не сольется с режимом инвестиций и машинной промышленности позднего модерна, центральным принципом денежных отношений стало то, что цена - это вопрос, который должен быть свободно урегулирован между покупателем и продавцом на основе сделки и продажи.

Характерными чертами этой эпохи являются кустарная промышленность и мелкая торговля, которые обрабатывали продукцию этой отрасли, причем торговля постепенно переходит в сферу дискреционного управления и даже доминирует в промышленности ремесленников до такой степени, что к тому моменту, когда технология кустарного производства начинает уступать

место фабричной организации и машинному производству, рабочие уже в некоторой степени полностью находятся под контролем бизнесменов. Очевидно, что основной причиной этого изменения в отношениях между ремесленниками, с одной стороны, и торговцами и мастерами-работодателями, с другой стороны, был рост материальных средств, необходимых для развития промышленности, в связи с таким развитием технологий, которое требовало все более крупного, законченного и дорогостоящего набора приспособлений. Таким образом, в течение эры ремесла древние отношения между собственниками и рабочими постепенно восстановились в рамках новой технологии; с той разницей, что собственниками, в чьих руках теперь находилась свобода действий и в чью пользу теперь приносилась чистая продукция промышленности, были бизнесмены, инвесторы, владельцы промышленных предприятий и торгового аппарата, а не владельцы земли, как раньше.

* * * * *

При ремесленной системе и в той степени, в какой эта система формировала ситуацию, инстинкт мастерства снова занял доминирующее положение среди факторов, составляющих дисциплину повседневной жизни, и, таким образом, придал характерную направленность мышлению людей. В технологии ремесла центральным фактором всегда является отдельный работник, будь то в самом ремесле или в мелкой торговле. В ту эпоху промышленность понималась с точки зрения навыков, инициативы и приложения усилий обученного человека, и человеческие отношения за пределами мастерской также в силу привычки имели тенденцию восприниматься аналогично с точки зрения самодостаточных личностей, каждый из которых по отдельности добивается своих целей.

Положение ремесленника в экономике того времени особенно подходило для того, чтобы вызвать представление об индивидуальном работнике как о творческом деятеле, стоящем на самом низу, и как о конечном, неснижаемом факторе в составе сообщества. Он опирается только на собственные ресурсы; ни его происхождение, ни благосклонность соседей явно не принесли ему ничего, кроме эквивалента выполненной работы; он ничем не обязан унаследованному богатству или прерогативам, и он не связан никакими отношениями землевладельца или арендатора с землей. Со своим небольшим набором инструментов он готов и компетентен самостоятельно выполнять стоящую перед ним работу, и он не просит ничего, кроме равного шанса делать то, на что он способен. Даже к обучению, которое дало ему законченное мастерство, он пришел без особой милости или преимущества, получив эквивалент за все это в работе, проделанной во время его ученичества, и, таким образом, судя по всему, приобрел его своей собственной силой и усердием. Общий запас технологических знаний, лежащий в основе любого специального обучения, был в то время еще достаточно простым и очевидным предметом, так что его можно было легко приобрести в ходе рутинной работы, без формального применения к его изучению; и поэтому любой долг перед сообществом в целом или прошлыми поколениями за такой общий запас информации не был бы достаточно очевидным, чтобы допустить, что он нарушает наивную оценку ремесленником своих производственных способностей в простых и самодовольных выражениях его собственной личности.

Человек, который что-то делает, который творчески занят созданием вещей для использования, является центральным фактором в схеме вещей в системе ремесел, и диапазон концепций, с помощью которых решаются технологические проблемы той эпохи, ограничен привычкой ума,

сформированной таким образом у тех, кто выполняет работу, и у тех, кто видит, как она выполняется. Дисциплина ремесел прививает понимание механических фактов и процессов с точки зрения человеческих усилий и достижений; так что вопросы о том, какие силы доступны для использования, и о том, как их использовать, представляются в терминах мускульной силы и ловкости рук. Механические приспособления для использования в промышленности спроектированы и проработаны как приспособления для облегчения или сокращения ручного труда, и именно с точки зрения труда задумывается вся промышленная система и оценивается ее распространенность, стоимость и производительность.

В то же время кажется, что такой способ понимания операций и приспособлений промышленности тесно соответствует природным склонностям людей, обусловленным врожденным инстинктом мастерства; и, поощряемый постоянным течением повседневной рутины в рамках ремесленной системы, это отношение превратилось в нечто само собой разумеющееся и продолжает направлять мышление людей по производственным вопросам даже долгое время после того, как эра ремесла прошла и уступила место фабричной системе и крупной машинной промышленности. Настолько, что на протяжении всего девятнадцатого века как в экономических рассуждениях, так и в просторечии о механических установках, используемых в промышленности, обычно говорили как о “устройствах, сберегающих труд”; так классифицировались даже такие ощутимые отклонения от ручной работы кустарных промыслов, как ткацкий станок с электроприводом, плавильная печь, искусственные водные пути и магистрали, паровая машина и телеграфный аппарат.

Нет необходимости сомневаться в том, что эти явления машинной эры будут поддаваться такой интерпретации; здесь интересно то, что к такой интерпретации следовало прибегнуть и она должна была зарекомендовать себя как адекватная и удовлетворительная применительно к этим механическим фактам, эффективное место которых в технологии и их влияние на экономику человеческой жизни оказалось настолько отличным от того диапазона ручных операций, с которыми их так стараются ассимилировать. [124](#)

Дисциплина кустарного производства навязывает привычное понимание механических сил и процессов с точки зрения ручного изготовления — мускульной силы и умелых манипуляций. Эта дисциплина затрагивает в первую очередь, и наиболее тесно и принудительно, классы, занятые физическим трудом в промышленности, но она также неизбежно проникает в общество в целом и собирает в свои сети всех индивидов и классы, которые имеют отношение к фактам производства, близким или отдаленным. Она придает особый характер жизненным привычкам сообщества, живущего по ее распоряжению и с помощью ее средств, и поэтому действует как непререкаемый формирующий ориентир в формировании нынешних привычек мышления.

Стоит отметить последствия такого привычного отношения к технологиям машинной эры, которая наступает в настоящее время. Механические изобретения и приемы, ведущие от эпохи ремесла через то, что было названо промышленной революцией, к более поздней системе крупной промышленности, несут на себе следы своего кустарного происхождения. Ранние устройства машинной промышленности в целом представляют собой приспособления для выполнения механическими средствами тех же движений, которые ремесленники в данных отраслях выполняли вручную и с помощью человеческой силы; в значительной степени, действительно, они были созданы для того, чтобы позволить рабочим выполнять одну и ту же ручную операцию в двух или многократных экземплярах (как на ранних прядильных и ткацких

машинах) или выполнять данную операцию с большим эффектом, чем это было возможно при работе мускулов без посторонней помощи (как на зарождении паровой энергии). Изначально новые механические приспособления задумывались как усовершенствованные инструменты, которые расширяют возможности рабочего или облегчают ручные операции, которыми он занимается сам. Они являются, по своей сути, устройствами для экономии труда, разработанными для повышения эффективности работы людей, в чьи руки они переданы.

Ранняя история паровой энергетики показывает, насколько сильно эта рабочая концепция ограничивала диапазон изобретений. Впервые она была использована для откачки воды из шахт. При этом использовании давление воздуха на поршень в цилиндре низкого давления воздействовало на рычаг, подвешенный таким образом, чтобы формально производить то же движение, что и аналогичный рычаг, ранее приводимый в движение человеческими мышцами. После долгого перерыва, достаточного для того, чтобы использование этого прерывистого давления и возникающего в результате возвратно—поступательного движения стало привычным и обезличенным в привычном понимании людей, возвратно-поступательное движение было преобразовано во вращательное движение - по образцу, предложенному педалью токарного станка или прялкой, которая уже была достаточно знакомой, чтобы избавиться от того тумана индивидуальности, который, несомненно, окружал ее при первом изобретении.¹²⁵ Следующим серьезным шагом в развитии паровой машины является изобретение автоматических клапанов для впуска и выпуска пара из цилиндра. Согласно древнему мифу, мальчик, в чьи обязанности входило вручную сдвигать клапаны, умудрился соединить их шнурами с движущимися частями машины таким образом, чтобы поднимать их в нужный момент движением самой машины; таким образом, машина выполняла то, что в первоначальной концепции клапанного механизма было ручной операцией. Еще позже, после должного перерыва для экстернализации и усвоения этого механического движения клапана как безличного факта машинного процесса, дальнейшее совершенствование и проработка полученных таким образом элементов привели к созданию высокоточного механизма, знакомого для более поздних времен.

Детальное изучение любого из величайших механических изобретений или серии изобретений выявит нечто того же характера, что и последовательность последовательных достижений, составляющих историю парового двигателя. В этой связи следует отметить, что время, по-видимому, составляет сущность процесса механического изобретения в любой области; на самом деле, настолько, что обычно обнаруживается, что любой отдельный изобретатель вносит лишь одно радикальное новшество в любой конкретной связи; которое затем может быть снова рассмотрено в качестве надежно объективного элемента более поздним изобретателем и продвинуто вперед новым шагом, столь же радикальным, как и то, которому это первоначальное изобретение обязано своим возникновением. Этот временной интервал, который играет такую роль в механических изобретениях, кажется необходимым только как интервал привыкания, для должной экстернализации элемента, чтобы избавиться его из-за пренебрежения личным уравнением, которым он загрязнен при первом использовании, и, таким образом, оставить ему такую объективную концепцию, которая может быть использована как простое технологическое сырье.

Таким образом, представляется, что накопления технологического опыта само по себе недостаточно для последовательного совершенствования промышленного искусства, особенно такого прогресса в промышленном искусстве, который воплощен в машинных технологиях позднего нового времени. В этой современной машинной технологии господствующей нормой является в высшей степени безличная, если не сказать жестокая, концепция механического процесса, слепая и безответственная. Логика этой технологии, соответственно, является логикой машинного процесса — логикой масс, скоростей, напряжений и толчков, а не личной ловкости, такта, тренировок и рутины. В той степени, в какой информация, попадающая в руки, отягощена телеологическим уклоном, коннотацией личных наклонностей, она недоступна или неподатлива в рамках этой логики. Но вся новая информация пропитана такой антропоморфной окраской личности; которая может в настоящее время угаснуть и уступить место более объективному привычному восприятию фактов в том случае, если использование и непривычка подчеркнут механический характер и значимость этих фактов при последующем их восприятии; или которая, с другой стороны, может закончиться приданием приобретенной информации окончательного характера и ценности в том случае, если случится так, что факты опыта при использовании и непривычке будут склонны к привычной антропоморфной оценке и применению. Следовательно, для удовлетворения потребностей этой машинной технологии накапливающаяся информация должна в какой-то мере быть лишена своей наивной личностной окраски в результате использования и привычки; и степень, в которой достигается этот эффект, является мерой степени доступности результирующих фактов для использования машинной технологии. Следовательно, чем больше доступный объем информации такого характера и чем более всеобъемлющую и неизменную роль играет дисциплина машинного процесса в рутине повседневной жизни, тем выше, при прочих равных условиях, будут темпы прогресса в технологическом овладении механическими фактами.

Но многое другое относится к сфере использования и привычкам, помимо рутинной работы и использования тех механических процессов и того выпуска товаров, которые современная машинная промышленность предоставляет в распоряжение людей. Выражая то же самое терминами, которые уже использовались в другой связи, чувство мастерства все еще подвержено загрязнению другими импульсивными элементами человеческой природы, работающими в условиях сдерживающих ограничений, налагаемых различными общепринятыми канонами и принципами поведения; помимо этого, оно постоянно подвержено самоконтаминации в виде антропоморфной интерпретации, которая истолковывает факты опыта в терминах склонности к ремеслу.

Имея в виду реальный охват этого самоконтаминации чувства мастерства, уместно напомнить, что мастерство существовало внутри класса и, таким образом, имело преимущество в том подчеркнутом чувстве самодовольства, которое проистекает из классового сознания. С момента своего зарождения и до периода своего распада ремесленная промышленность является делом низших классов; и, как хорошо известно, классовые чувства сильны на протяжении всей эпохи, особенно в течение столетий ее наивысшего развития. Независимо от того, является ли их самомнение полностью наивным самодовольством или частично продуктом аффектации, это чувство вполне очевидно и характеризует отношение ремесленного сообщества с характерной предвзятостью. Ремесленники обычно оценивают себя как полезных

членов общества и противопоставляют себя в этом отношении другим слоям общества, которые не заняты производством вещей, пригодных для использования человеком. Творческому работнику, который создает вещи своими руками, принадлежит эффективность и заслуга особо существенного и окончательного рода, он является типом и воплощением эффективности и пригодности к эксплуатации. Другие слои общества и другие способы использования времени и усилий, конечно, могут быть по-своему достаточно хороши, но им не хватает той существенной основы завершенности, которую ремесленник в своем гениальном тщеславии приписывает себе и своей работе. И ремесленник так убедительно доказывает это, и так убедительно очевидна эффективность квалифицированного рабочего, и так очевидно его первенство в промышленном сообществе, что к концу эпохи почти такая же точка зрения была принята всеми слоями общества.

Такое предубеждение, пронизывающее промышленное сообщество, должно значительно усилить склонность туземцев интерпретировать все факты наблюдения в антропоморфных терминах. Но, с другой стороны, обучение, даваемое мелкой торговлей ремесленной эпохи, носит не совсем такой характер. Торгашество странствующего торговца, а также купля-продажа, в которых были замешаны все члены сообщества, несомненно, выдвинули бы личное напряжение на передний план и поддерживали бы эгоистические чувства бдительными и активными и подчеркивали бы индивидуалистическую оценку людей и вещей. Но привычка оценивать вещи с точки зрения цены не имеет такой тенденции, и концепция цены набирает силу на протяжении всего периода. Везде, где ремесленная система достигает достаточной степени развития, повседневная жизнь общества сосредоточивается вокруг рынка и приобретает характер, заданный рыночными отношениями. Объем торговли растет, и купля-продажа все тщательнее затрагивает детали предстоящей работы и средств к существованию, которые можно получить за счет этой работы. Система цен выходит на передний план. С увеличением товарооборота бухгалтерия входит в обиход торговцев; и по мере того, как практика привычного обращения к рынку становится повсеместной, неторговые классы также знакомятся с элементарными концепциями бухгалтерского учета, даже если они не очень часто используют формальные отчеты в своих повседневных делах. [126](#)

Логика и концепции бухгалтерского учета полностью обезличены и бесстрастны; и независимо от того, принимает ли использование людьми его логики и концепций сложную форму набора книг или более свободную форму привычного подсчета прибылей, потерь, доходов и издержек в ценовом выражении, его эффект неизбежно в какой-то степени вызывает статистическую привычку мышления. Это непосредственно способствует точному количественному восприятию всех вещей и отношений, имеющих денежное отношение; и более отдаленно, в силу всепроникающего эффекта привыкания, это способствует большей готовности воспринимать все факты таким же объективным и статистическим образом, насколько факты допускают количественную оценку. Бухгалтерский учет - это начало статистики, а концепция цены - это разновидность объективного, безличного, количественного восприятия вещей. По совпадению, поскольку они не поддаются такой поверхностной оценке, факты, которые не поддаются количественному определению и статистической обработке, снижают самооценку мужчин, рассматриваемых как факты, и имеют тенденцию в некоторой степени терять убедительность, которая принадлежит эмпирической реальности. Они могут даже быть отброшены как относящиеся к реальности более низкого порядка или даже могут быть лишены фактической ценности.

Несомненно, система цен имела большое отношение к развитию машинных технологий в наше время; не только в том смысле, что учет цен предлагал практическую форму и метод статистических вычислений, которые необходимы для всего, что справедливо может быть классифицировано как инженерное дело, но также непосредственно и существенно в том смысле, что его дисциплина в значительной степени способствовала восприятию механических фактов в терминах, не окрашенных предполагаемой антропоморфной склонностью. Вероятно, самым мощным фактором, положительно действовавшим в раннее новое время, было лишение механических фактов той предполагаемой склонности к труду, которую им придавали привычки мышления, порожденные ремеслом.

Это сведение фактов наблюдения к количественным и объективным терминам, пожалуй, наиболее заметно не в изменениях, которые непосредственно происходят в промышленной технологии в раннее новое время, а скорее в том росте материаловедения, который сопутствует расширению механической промышленности в более позднюю эпоху ремесла. Материальные науки, особенно те, которые занимаются механическими явлениями, тесно связаны с технологией механических производств как по своему предмету, так и по объему и методу систематизации знаний, к которым они стремятся; и именно в этих материальных науках взаимосвязь видна лучше всего, в то же время именно прогресс, достигнутый в этих науках, наиболее недвусмысленно отмечает переход от средневекового образа мышления к современному. Этот современный интерес к практическим знаниям и вытекающим из них достижениям в области материаловедения достигает своего пика везде и так скоро, когда ремесленная промышленность достигла значительного прогресса в объеме и технологическом мастерстве, достаточном для поддержания изрядного объема торговли и ознакомления вдумчивых людей со статистическими концепциями системы цен.

Соответственно, именно в торговых республиках Италии современный рост материальной науки берет свое начало примерно в тот момент, когда промышленность и торговля достигли своего наивысшего расцвета на средиземноморском побережье и когда внимание этих сообществ уже переключилось с материальных интересов на своевольную политику и религиозную реакцию. Высшие интересы церкви и государства вышли на первый план, и наука, промышленность, а вскоре и торговля пришли в упадок на земле, которая так щедро обещала вывести западную цивилизацию из зарослей благочестия и княжеских интриг.

Затем последовали Нидерланды с промышленными центрами южной Германии, где снова процветала промышленность кустарного толка, что привело к быстрому росту торговли, а в настоящее время и к эпохе деловой предприимчивости беспрецедентного духа и размаха. Но эпоха Фуггеров завершилась банкротством и промышленным коллапсом, когда королевские распри эпохи государственного строительства израсходовали ресурсы промышленного сообщества и исчерпали кредит того поколения капитанов промышленности. И здесь религиозная рознь внесла свою лепту в спад промышленности и торговли. По своим экономическим характеристикам эти два случая во многом схожи. Центральная Европа прошла во многом через тот же цикл промышленного роста, коммерческой предприимчивости, княжеских амбиций, династических войн, религиозного фанатизма, истощения и отсутствия безопасности, а также промышленного коллапса и упадка, по существу повторяя, в увеличенном масштабе и со многими дополнительными деталями, последовательность,

которая привела Южную Европу к задолженностям. Тем временем материальные науки снова продвинулись вперед на Западе и процветали благодаря нидерландским, южногерманским и французским ученым, которые в условиях благоприятной дисциплины, вызванной этим новым достижением в промышленности и торговле, постепенно пришли к тем же прозаическим концепциям, которые когда-то сделали Италию родиной современной науки. И здесь, как и прежде, политика князей с сопутствующими войнами, поборами и отсутствием безопасности, за которыми вскоре последовали религиозные споры и преследования, не только положила конец развитию промышленности и бизнеса, но и практически остановила сопутствующее развитие науки.

Так что, когда в настоящее время предпринимается следующий шаг подобного рода, именно британское сообщество берет на себя ведущую роль. Великобритания была в долгу во всех тех отношениях, которые составляют цивилизацию западного типа, и не в последнюю очередь в материальном отношении; до того времени, когда народы Континента своими собственными действиями оказались в тылу в отношении тех материальных интересов — технологии и деловой предприимчивости, — которые обеспечивают материальную почву, из которой вырос западный тип цивилизации. В Великобритании последовательность этих культурных явлений, в общем и целом, существенно не отличалась от той, через которую ранее проходили континентальные сообщества; за исключением того, что не был достигнут тот же результат, очевидно, потому, что последовательность не была прервана коллапсом в тот же критический момент развития.

Ход событий при ремесленной системе в Англии отличается некоторыми важными чертами от такового у континентальных народов, — важными для целей настоящего исследования, независимо от того, имеют ли они столь же серьезные последствия с точки зрения, представляющей какой-либо другой и более значительный интерес. Эти специфические черты британской эпохи ремесла проливают побочный свет на методы и масштабы ремесленной дисциплины как фактора цивилизации в целом, в то же время их рассмотрение должно показать, насколько незначительное первоначальное различие может стать решающим в результате, если обстоятельства придадут этому первоначальному различию кумулятивный эффект.

Что касается в конечном счете существенных оснований британской ситуации, таких как расовый состав, природные ресурсы и культурное прошлое, британское сообщество не имеет особых преимуществ или недостатков по сравнению со своими континентальными конкурентами. То, что верно для Англии в отношении особенно благоприятных природных ресурсов позже, примерно в конце эры ремесел и после нее, не относится к началу или лучшим дням той эпохи. В расовом отношении нет заметной разницы между английским населением того времени и населением Нидерландов, скандинавских полуостровов или даже близлежащих территорий Германии; и в Великобритании в то время не было выработано никакого заметно характерного национального типа темперамента в отличие от темпераментного состава ее континентальных соседей, - что бы ни предполагалось, что это имело место в более близком прошлом.

Все характерные и, по-видимому, решающие особенности положения Великобритании можно с уверенностью отнести к островному положению страны. Из-за изоляции, которой был подвергнут Остров, британское сообщество в раннее новое время было заметно в долгах, в отличие от более культурных, густонаселенных и богатых народов Континента; и это отсталое

состояние Англии в ранний период эры ремесел не менее заметно в технологическом отношении, чем в любом другом. Как хорошо известно, Англия на протяжении всей эпохи широко и настойчиво заимствовала у своих континентальных соседей, и только с помощью этих заимствованных элементов англичане смогли обогнать своих конкурентов и, в конце концов, взять на себя лидерство. Точно так же коммерческое развитие Великобритании также происходит с опозданием по сравнению с Континентом; настолько, что британцы практически не участвовали в великом расширении предпринимательской деятельности, которое было названо Эпохой Фуггеров. Это позднее появление англичан в сочетании с их особым преимуществом в возможности заимствовать то, что нарабатывали их соседи, привело к более быстрым темпам и более короткому периоду промышленного развития и экспансии на Острове, и таким образом, среди прочих последствий, помешало разветвленной системе ремесел, промышленных городов и гильдейской организации достичь той же степени завершенности и, в конечном счете, препятствующей инерции, которая привела ко многим континентальным странам.

Опять же, из-за той же географической изоляции, которая долгое время удерживала Англию в культурно отсталом состоянии, английское сообщество в значительной степени находилось за пределами того политического “концерта наций”, который привел к истощению и краху промышленности и бизнеса на Континенте. Не то чтобы англичане не проявляли интереса к грандиозному водовороту политики и княжеских войн, охвативших в то время основную часть христианского мира. Английская корона, или, используя иностранное выражение, английское государство, было достаточно глубоко вовлечено в политические интриги Европы позднего средневековья и раннего нового времени; но по мере развития современности английское сообщество явно отстало со все возрастающей неохотой. И какой бы ни была роль английской короны в политических осложнениях Континента, остается правдой, что английское сообщество в целом на зрелых и завершающих этапах эры ремесел в основном и обычно стояло вне этих королевских забот.¹²⁷ По сути, после того, как эра ремесел была в полном разгаре, Англия никогда надолго и в первую очередь не была вовлечена в международные войны и, за исключением гражданской войны периода Содружества, в разрушительные войны любого рода. Следовательно, в Англии эта эпоха заканчивается иначе, чем в других странах. Она заканчивается не исчерпанием политики, а промышленной революцией. Конец ремесленной системы в Англии наступил в результате технологической революции, а не краха.

В отношении этой попытки объяснить случай с Англией, поскольку из-за ее географической изоляции вполне может возникнуть возражение, что другие случаи, параллельные британским в этом отношении, не дают подобных результатов. Так, например, скандинавские страны в этот период истории находились в изоляции, почти, если не совсем, столь же эффективной, как Великобритания; тогда как результат в этих странах, как известно, неодинаков. Скандинавский случай, однако, отличается по крайней мере в одном существенном аспекте, который кажется решающим даже без учета второстепенных обстоятельств. Эти страны были слишком малы, чтобы образовать самоокупаемое сообщество в условиях, требуемых системой ремесел. У них не было ни населения, ни природных ресурсов в таких масштабах, каких требовало достаточно полное развитие ремесленной системы. На любой продвинутой стадии своего роста система может развиваться в самобалансирующуюся технологическую организацию с полной специализацией труда и местной дифференциацией промышленности только в сообществе определенного (значительного) размера. Это условие не было выполнено скандинавскими странами. Следовательно, они в целом оставались в относительно отсталом состоянии на

протяжении эпохи ремесел и никогда не достигли ничего похожего на независимое положение в индустриальном мире того времени ни в технологическом, ни в коммерческом плане; следовательно, им также не удалось достичь или поддерживать ту степень независимости или изоляции в своих политических отношениях, которая позволяла Англии свободно следовать самостоятельному курсу материального развития.

В более ранний период, как, например, со времен неолита вплоть до заката язычества, при более слабых, менее дифференцированных, менее сложных технологических условиях более примитивного состояния промышленного искусства, скандинавские страны, каждая или несколько, оказались достаточно большими для очень эффективной промышленной организации; и, опять же, в течение раннего исторического периода они также оказались достаточными и подходящими по размеру, чтобы образовать национальные единицы полностью компетентного типа, автономные как в политическом, так и в промышленном плане и добивающиеся своего успеха по отдельности, — очень похоже на то, как позже поступило британское сообщество, во времена более поздней эпохи ремесел и раннего роста машинной промышленности. Но в эпоху ремесла, и действительно, в некоторой степени прогрессивным образом, поскольку технологии той эпохи достигли более полного развития и потребовали увеличения территориальных размеров, скандинавские страны потеряли позиции по сравнению с более крупными сообществами Великобритании и Континента; в определенной степени они постепенно теряли автономию как в политическом, так и в промышленном отношении, и во многом то же самое можно сказать об их положении с точки зрения общей культуры. Это впадение в долги и зависимость наименее заметно в случае Швеции, крупнейшего и все еще сносно изолированного сообщества среди них; и это наиболее заметно в случае Норвегии и Исландии, наиболее изолированных, но в то же время наименее значительных единиц скандинавской группы. В области материаловедения, этой наиболее характерной черты западной культуры, ситуация у этих народов во многом такая же, как и в области технологий и культурной автономии в целом; крупнейшему из них есть что показать.

Великобритания, с другой стороны, соответствовала условиям размера и изоляции, требуемым для свободного развития промышленного искусства в эту эпоху, когда движение в династической политике было готово поглотить все доступные ресурсы промышленности и настроений. Исоответственно, Англия берет на себя ведущую роль, когда уходит эра ремесел и наступает эра новых технологий.

* * * * *

Материаловедение современного типа было вовлечено в дискуссию как культурный феномен, тесно связанный с состоянием промышленного искусства в рамках ремесленной системы. Эту современную науку действительно можно рассматривать как наиболее свободное проявление той привычки ума, которая находит свое более конкретное выражение в технологии того времени. Чтобы показать уместность такого обращения к состоянию науки как результату дисциплины, обеспечиваемой рутинной жизни в эпоху ремесла, будут приведены некоторые дополнительные подробности, касающиеся состояния и прогресса научных исследований в тот период.

В своих истоках теоретические постулаты и предубеждения современной науки были почерпнуты из схоластических спекуляций позднего средневековья; проблемы, с которыми новая наука взялась за решение, с другой стороны, были, по большому счету, такими

конкретными и материальными вопросами, как современные трудности технологии, доведенные до сведения исследователей. Эти традиционные постулаты, предубеждения, каноны и логические методы, пришедшие из прошлого, по существу, носили теологический характер и были результатом большого количества времени, внимания и проницательности, потраченных на систематизацию знаний в культурной ситуации, сущностным ядром которой были отношения хозяина и слуги, и под руководством теологического уклона, выработанного на той же основе. Постулаты этой умозрительной совокупности знаний и предубеждения, с которыми спекулянты-схоласты приступили к своей систематизационной работе, соответственно, носят в высшей степени антропоморфный характер; но это не антропоморфизм мастерства, по крайней мере, не в той наивной форме, которую чувство мастерства придает антропоморфной интерпретации у более примитивных народов.¹²⁸ Можно считать само собой разумеющимся, что чувство мастерства присутствует в его естественном, прямом проявлении на протяжении всей интеллектуальной жизни средневековья, как это неизбежно происходит при всех перестановках в культуре. человеческая культура; но в равной степени само собой разумеющимся является и то, что побуждения неискущенного чувства мастерства не позволяют провести окончательную проверку того, что правильно и благостно в культурной ситуации, построенной на жестких принципах господства и подчинения.

В средние века вера приобрела чрезвычайно авторитарный и принудительный характер, отвечая аналогичным принципам организации и контроля, которые господствовали в светских делах; так что при переходе к современности религиозный культ христианского мира был, по сути, культом устрашающего подчинения и произвольной власти. Многое другое, более гениального характера, конечно, входило в принципы веры того времени, но, когда все сказано, факт остается фактом: даже в своих гениальных чертах это был культ безответственной власти и полного подчинения — культ пастушеско-хищнического типа, адаптированный и усовершенствованный для соответствия условиям феодальной Европы и, таким образом, воплощающий принципы (образ мыслей), которые характеризовали феодальную систему.

Общеизвестно, что религиозные верования меняются с запозданием. Такие изменения всегда носят характер уступок. И поскольку концепции культа не имеют материальных последствий, взятые сами по себе и в их прямом применении, они как таковые не подлежат прямому или преднамеренному контролю или коррекции в интересах материальных интересов сообщества или его технологических требований. Почти, если не полностью, в силу их созвучия или диссонанса с преобладающими привычками мышления, привитыми рутиной жизни, любой данный ряд религиозных истин находит признание, требует всеобщего следования их учению или устаревает и отбрасывается; и такое отсутствие созвучия должно стать очень заметным, прежде чем радикальные изменения такого рода вступят в силу. За исключением обращения в новую веру, любые широкомасштабные изменения в этих фундаментальных концепциях обычно происходят путем незаметных сдвигов в адаптации и реконструкции. Таков был характер движения, благодаря которому средневековый культ слился с модернизированными теологическими концепциями более поздней эпохи.

Постепенно, в силу неустанного привыкания к новому образу жизни и отмеченного затяжной теологической полемикой, дух теологических спекуляций претерпел изменения, в результате чего основы веры были пропитаны духом ремесленной системы, и предубеждения о мастерстве незаметно вытеснили представления о мастерстве и раболепии в рабочих концепциях благочестивого христианского мира. Тем временем, в то время как рутина эпохи ремесла

медленно реконструировала нынешние представления о божественности в соответствии с привычкой ума к мастерству, древние концепции продолжали с постепенно ослабевающей силой утверждать свое непререкаемое господство над привычным мышлением людей. Это постепенное ослабление власти древних концепций лучше всего видно в рассуждениях философов и в высших обобщениях научных исследований раннего нового времени.

В средневековых размышлениях, будь то теологические, философские или научные, поиск истины восходит к подлинному основанию религиозных истин, в основном к истине откровения; и эти религиозные истины восходят к вопросу: “Что предопределил Бог?” В течение эпохи ремесел этот главный вопрос знания приобрел форму: “Что сотворил Бог?” Не то чтобы созидательная роль Бога в божественном домостроительстве была упущена из виду или в какой-либо степени намеренно выставлена напоказ более ранними спекулянтами; и не то, чтобы суверенитет Бога отрицался или в какой-либо степени подвергался сомнению теми благочестивыми исследователями, которые продолжали эту работу в более позднее время. Но на этой ранней стадии веры и исследования именно созеренитет Бога и Его постановления, несомненно, являются основой завершенности, на которой в конечном итоге основываются все исследования, касающиеся экономики этого мира; а на более поздней фазе, как видно на закате эры ремесел, именно Его творческая миссия и логика Его творческого замысла занимают место конечного термина в человеческом исследовании — поскольку это исследование традиционно проходит в пределах духовных границ христианского мира. Бог не перестал быть Небесным Царем, и его не перестали прославлять традиционными фразами почтения как Всевышнего, Господа Саваофа и т.д., Но несколько неуместно, что Он также стал превозноситься как Великий Искусник — сверхъестественный умелец. Вульгарные привычки мышления, воспитанные в повседневной жизни простых людей рутинной мастерской и рыночной площади, пробрались в святилище и на советы божества.

Точно так же в лучшие дни схоластического обучения научные изыскания возвращались в поисках надежного основания к подлинным постановлениям Небесного Царя; под влиянием дисциплины эпохи ремесла они научились вместо этого направлять свои изыскания на почву действенной причины, в конечном счете, конечно, при философском устранении счетов в тот благочестивый век, к созидательной эффективности Первопричины. В научных исследованиях более ранней эпохи критерием истины был критерий подлинности, а логика систематизации, с помощью которой знания в то время усваивались и хранились, была, по сути, логикой подведения под надежно аутентичные категории, которые при необходимости можно было привести в соответствие с установленными требованиями славы Божьей. Канон истины - это канон богооткровенного слова, подкрепленный и дополненный квазибожественной аристотелевской схемой вещей. Это логика иерархического соответствия в отношении потенциалов и качеств, наводящая на размышления о передаче полномочий и званий в рамках законченной схемы феодализма. В более позднюю эпоху благо человека постепенно, незаметно вытесняет славу Божью как высшую основу систематизации. Сентиментальной основой убежденности становится признанная полезность установленных фактов для использования человеком, а не их соответствие предполагаемым требованиям эгоцентрической божественной воли. Провиденциальный порядок, который так много значит в системе познания в зрелые годы эпохи ремесла, - это порядок, установленный провиденциально благом Творцом, который заботится о благе человека; как уже было выражено, это схема “гуманизма”.

К концу эры этот благотворный провиденциальный порядок проявился в Порядке Природы, проникнутой той же мелиоративной тенденцией; и по сентиментальному убеждению пытливых умов того века, природа этого благотворного порядка Вселенной заключалась в том, что в конечном итоге, в результате своей работы, он приведет к наивысшему практически достижимому состоянию благосостояния человека, подобно тому, как любой квалифицированный работник со здравым смыслом и добрым сердцем создает хорошие и пригодные для использования товары. И в этом Природном Порядке, как это было принято в само собой разумеющихся убеждениях вдумчивых людей в конце эпохи, личность божества, даже как творческое Провидение, подобное труду, отошла на задний план. Порядок природы с ее схемой Естественных законов воспринимается как работа чрезвычайно умелого и изобретательного рабочего органа, который стремится к достижению полезной цели; и глубоко продуманные научные исследования того времени не оставляют сомнений в том, что этот рабочий орган Природы в целом правит миром видимых фактов и выполнит свою хорошую работу в надлежащее время. Но эту квазиличностную Природу не почитают ни за что, кроме ее рабочих качеств; благоговейный трепет, который она внушает, - это не страх Божий, подобный тому, который сыграл свою роль при феодальном правлении церкви и заставил людей искать укрытия от неминуемого грядущего гнева. Находясь в присутствии этой Природы восемнадцатого века, человек в первую очередь является не грешником, стремящимся любой ценой избежать наказания, а скорее центром внимания труженика, на благополучии которого благотворно сходятся все силы видимой вселенной.

То, как эта трудовая натура справляется с ее¹²⁹ работой, не более понятно случайному зрителю, чем непонятные процессы высокопрофессионального ремесла непосвященному. Но Природа, в конце концов, достигает своих целей по-человечески, и, оставаясь в стороне и терпеливо наблюдая за действиями Природы и интерпретируя факты наблюдения с сочувствием, используя рациональный здравый смысл, люди могут многое узнать о методах ее манипулирования, а также о правилах процедуры, под руководством которых совершаются работы Природы. Ибо для этого поколения само собой разумеющимся является то, что Природа по существу рациональна в своих целях и логике, а также в технологии своей работы; во многом в духе мастера, который приступает к своей работе с разумным контролем за доступными средствами и целью, которую предстоит реализовать, а также с твердым и легким прикосновением ко всему, что проходит под его натренированной рукой. Подобно совершенному мастеру, “Природа никогда не совершает ошибок”, “никогда не совершает скачков”, “никогда ничего не делает напрасно”, “никогда не получается ничего, кроме идеальной работы”.

Средствами, с помощью которых эта работа Природы доводится до конца, являются силы Природы, действующие по ее Законам методом причины и следствия. Принцип, или “закон” причинности - это метафизический постулат; в том смысле, что такой факт, как причинность, недоказан и недоказуем. Ни один человек никогда не наблюдал причинно-следственной связи, что стало обычным делом для современных психологов. Но такое сомнение не возникает всерьез во времена ремесла; оно было бы оторвано от духа времени и дисциплины того мастерства, из которого возникает дух времени. Для пытливых умов той эпохи само собой разумеющимся и логичным было то, что силы Природы, как видно, производят те эффекты, которые возникают у них на глазах. То, что они видят на самом деле, может быть, как, возможно, сказали бы современные психологи, определенным совпадением и последовательностью в наблюдаемых явлениях; но то, что эти наблюдатели видят в действительности, всегда является

определенной причиной, вызывающей определенное следствие. Вменение причинной эффективности наблюдаемым явлениям настолько само собой разумеющееся, что в сознании наблюдателя не возникает ощущения вменяемости.

Простое наблюдение, без вменения антропоморфных качеств и эффективности, не должно давать для цели ничего большего, чем простое совпадение и последовательность явлений, но, по сути, ни одна из этих ранних научных работ не была выполнена только в терминах простого совпадения или последовательности; и если уж на то пошло, ни одна из эффективных (теоретических) работ современной науки не была доведена до результата использованием только таких объективных терминов совпадения и последовательности, будь то в ту или более позднюю эпоху, без помощи предполагаемой причинно-следственной связи. На протяжении раннего научного периода нового времени все более свободно и часто прибегают к статистическим аргументам, — в материальных науках прибегают к скрупулезному измерению, перечислению и инструментам точности; но суть дела в том, что феноменальные факты, которые таким образом подвергаются измерению и статистическим вычислениям, являются фактами, выбранными для этой цели на основании их (предположительно) известного причинного значения в проблеме, решение которой ищется, и что факты, которые вытекают из этих измерений, вычислений и инструментов точности, используются для объяснения в аргументе причины и следствия; они достигли своей цели только тогда, когда и в той мере, в какой они позволяют исследователю определить ход эффективного перехода от предполагаемой причины к предполагаемому последствию или наоборот.

Причинно-следственная связь, обычно понимаемая вульгарными людьми и обычно используемая учеными, представляет собой предполагаемую связь между явлениями, о которых нельзя сказать, что они находятся в каком-либо наблюдаемом эффективном отношении друг к другу. Эффективность, как она понимается в этой связи, является фактом не наблюдения, а вменения; а эффективность, выполнение работы, является сущностью причинно-следственной связи, поскольку это понятие повсеместно используется в современной науке. Вполне можно сказать, что это обращение к концепции действенной причины — метафизическому постулату, касающемуся предполагаемого факта, — является отличительной чертой современной науки в отличие от любой другой схемы систематизированного знания. ¹³⁰

Не только развитие современной науки основывается на этом постулате причинности, но и концепция причинности, которая так характеризует современные науки, носит особый и ограниченный характер. По крайней мере, на первый взгляд кажется неоспоримым, что особый характер и ограниченность этой современной европейской концепции причинности следует приписать привычкам, выработанным жизнью в условиях ремесленной системы. Уже отмечалось, что повсеместное распространение торговли и системы цен в новое время придало современному восприятию фактов определенную объективность, степень безличности, которая, по крайней мере, является характеристикой современного знания, будь то научного или обыденного, даже если нельзя сказать, что это уникальное отличие современной науки по сравнению с другими обдуманнами системами знания. Но уникальное отличие современной науки, особенно в том, что оно проявляется на ранних этапах ее развития, заключается в том, что ее концепция причинности строится не просто в терминах мастерства, а конкретно в терминах мастерства. Вероятно, нет необходимости тратить время на аргументацию тезиса о том, что чувство причинности — это, по большому счету, особое проявление чувства мастерства. Но чувство мастерства в его исконном значении, очевидно, охватывает нечто большее, чем

просто ручная эффективность квалифицированного рабочего. А в другие времена и при других культурных (технологических) обстоятельствах чувство мастерства, по-видимому, породило концепции причинно-следственной связи более широкого или, по крайней мере, более размытого масштаба. В наивном представлении диких народов мастерство, по-видимому, охватывает, возможно, неопределенно, понятия зарождения, воспитания, тенденции и тому подобного, без проведения какой-либо четкой границы между этими различными направлениями эффективных усилий, с одной стороны, и эффективностью ручного труда, с другой. И поэтому, с другой стороны, в космологическом знании (или квайизнании), распространенном среди этих народов, объяснения в терминах зарождения и роста принимаются как окончательные наряду с объяснениями в терминах того, что современный человек считал бы более строгим пониманием причины и следствия. Даже в рассуждениях мудрецов классической древности, а также в космологии и естественной истории народов Дальнего Востока многие вопросы причины и следствия оказываются в достаточной степени разрешенными, когда они рассматриваются в аналогичных терминах зарождения, роста и квайизфизиологических мутаций.

Для современных исследователей объяснения в этих терминах, отличные от объяснений физически эффективной работы, в лучшем случае являются предварительными и рассматриваются только в ожидании окончательного решения материально-механистически обоснованным способом. И единственное, что является материально компетентным в современном научном понимании, - это такое объяснение, которое прояснит вещи в терминах материи и движения, приводя к изменению строения вещей путем смещения посредством контакта и давления. Причинно—следственная связь понимается как ручная работа - если использовать французский термин, это *переработка* подручного сырья. Физиологические или химические объяснения должны, наконец, быть переформулированы в терминах физики, чтобы удовлетворить чувство завершенности современного ученого, а физику нужно заставить работать в терминах удара, давления, перемещения в пространстве, перегруппировки материальных частиц, скоординированных движений и смещения равновесия.

Через все это проходит сопутствующее требование количественной значимости, которое можно зафиксировать в статистической форме. Результаты ученого окончательно не могут быть проданы на научной бирже до тех пор, пока они не будут сведены к таким условиям бухгалтерского учета, которые были бы понятны человеку, прошедшему подготовку в сфере мелкой торговли, для убеждения которого вещи должны быть точно оценены по меновой стоимости. Но, как было отмечено выше, только в качестве средства научного учета исследуемые факты учитываются в детализированном счете ценностей. Такой тщательный статистический учет необходим для обеспечения точности проделанной работы и ее соответствия имеющимся фактам; но проделанная таким образом работа использует эти факты как активные факторы, которые эффективно способствуют получению наблюдаемых результатов. Предполагается, что причина производит следствие, отчасти подобно тому, как квалифицированный рабочий производит готовый предмет торговли. Но когда ученый изложил операции и условия труда, которые привели к эффектам, объяснением которых он занимается, он также должен, чтобы убедить своих коллег по ремеслу, представить статистически детализированный отчет о поступлениях и расходах, охватывающий задействованные факты, — в количественных величинах он должен показать, что затраты уравниваются ценностями, которые возникают в конечном продукте того трудолюбивого причинно-следственного процесса, загадочную природу и ход которого он таким образом обнажил для понимания.

Эта попытка охарактеризовать современное научное исследование и его рабочие концепции непосредственно применима к более ранним фазам и вплоть до даты, задолго до появления машинной индустрии, — настолько далекой от этой даты, что время и опыт позволили внедрить новые привычки мышления, свойственные машинной технологии, в структуру человеческих предубеждений. Со временем, но с опозданием, как и в случае с повсеместным воздействием любого нового направления привыкания, дисциплина машины привела к дальнейшим, хотя и пока менее глубоким и решительным изменениям в целях и методах науки; обсуждение которых отложено до тех пор, пока оно не возникнет снова в связи с новой технологией. Однако менее убедительно и с оговорками приведенная выше характеристика будет применима к более поздним этапам развития современной науки, а также к той начальной стадии, которая знаменует эпоху ремесел.

* * * * *

Следует сказать еще кое-что о культурных последствиях этой дисциплины для мастерства в эпоху ремесел, помимо ее руководства развитием технологий и смежной области материаловедения. Как указывалось выше, привыкание к рабочим концепциям ремесла имело много общего с тем пересмотром религиозного культа и его теологических догматов, который сформировал духовную жизнь нового времени в отличие от средневековой жизни веры. Но это неблагодарная, возможно, нелюбезная обязанность - проливать сухой свет фактов на священные истины, и некоторая скупость лучше всего проявится в обсуждении любым мирянином этих сокровенных движений духа. И все же, по-видимому, необходимо вспомнить хотя бы об одном моменте исключительной взаимосвязи между состоянием промышленного искусства и успехами христианской веры.

Характерной чертой нового времени стала протестантская реабилитация культа и его догматов. В ходе этой реабилитации, которая не прошла бесследно даже внутри католической церкви, большая часть древнего духа подчинения была утрачена, частично замененная определенным отношением к самопомощи и автономии со стороны мирян. Существует определенная степень демократической инициативы и позолоченный дух мирской осмотрительности в духовных делах. Как уже отмечалось выше, догматы веры также в некоторой степени были пересмотрены и реконструированы в терминах, созвучных представлениям рабочих о системе ремесленничества. Такая протестантская или квазипротестантская реконструкция культа и его догматов проводилась, как хорошо известно, последовательно в нескольких ведущих странах Европы, примерно в том же порядке, в каком эти несколько стран последовательно продвигались к высокому уровню технологического и коммерческого предпринимательства. Как отмечалось выше, на юге, в так называемых латинских странах, эта эпоха промышленного и коммерческого предпринимательства в настоящее время прекратилась; то же самое, хотя и в меньшей степени, относится к народам Центральной Европы. Везде, где прогресс подвергался серьезным испытаниям, так что эпоха ремесла заканчивалась крахом или реакцией на свою светскую сторону, там реконструкция религиозного культа также заканчивалась самое большее незавершенно. Таким образом, к окончательному завершению эпохи ремесел те народы христианского мира, которые сохранили прогресс, достигнутый в этом светском отношении, были также теми, кто принял и продолжал придерживаться пересмотренной формы веры. Там, где эта эпоха промышленного и делового предпринимательства завершилась истощением и

крахом, там древняя форма веры также восторжествовала над еретиками. Действительно, следует отметить как достаточно поразительное совпадение, что даже сейчас центр распространения современной промышленности является в то же время центром распространения религиозного протестантизма и ереси. И древние формы и пыл веры все лучше сохраняются по мере удаления от этого центра распространения; и даже в мельчайших деталях, по-видимому, справедливо не только то, что более развитые индустриальные народы менее подвержены религиозному контролю и менее склонны к суеверным обрядам архаичного рода, но также и то, что внутри этих индустриальных стран промышленные центры в более узком смысле этого слова менее набожны или набожны менее архаичным образом, чем непромышленное население в целом. Что-то в этом роде, действительно, было очевидным с относительно ранней фазы развития ремесленной системы; хотя ничего похожего на непредвзятость нельзя утверждать о населении промышленного города в собственно ремесленную эпоху. Ремесленное население было набожным, но не всегда ортодоксальным; и промышленные города того времени были по-своему достаточно набожными, но в некотором смысле это противоречило общепринятым догмам церкви. Они были центрами набожной ереси. Только в конце нового времени болезнь продвинулась так далеко, что ее справедливо можно назвать степенью отступничества. Это совпадение между технологическим мастерством и религиозным инакомыслием, несомненно, поддается хорошему и полезному объяснению со стороны религиозных экспертов; здесь оно приводится без предубеждения как имеющее по меньшей мере негативное отношение к вопросу о том, как дисциплина кустарного производства может влиять на духовное отношение людей в столь отдаленной области, как жизнь в вере.¹³¹

* * * * *

То, что известно экономической истории как эпоха ремесел, для целей политического историка называется эпохой государственного строительства. Эти два обозначения могут не охватывать точно один и тот же интервал, но в целом они совпадают по датам, и явления, которые привели к появлению этих двух обозначений, имеют гораздо большее, чем случайная связь. Дело не просто в том, что развитие ремесла приходится на тот же общий период истории, который характеризуется династическими войнами, приведшими к созданию более крупных государств. Рост ремесла имел много общего с созданием крупных государств и поставкой материальных средств для ведения крупномасштабных войн; в то время как развитие династической политики в то время, в свою очередь, имело большое отношение к бесславному завершению той эпохи промышленного и коммерческого предпринимательства. Новая промышленность обеспечивала жизнедеятельность войны, а войны съедали сущность промышленного сообщества.

Новая промышленность привела к росту промышленных городов и торговых центров, в основном занятых передвижениями странствующих торговцев. Одним из непосредственных последствий такого расширения мерчандайзингового предприятия стало совершенствование средств коммуникации, как в плане расширения и усовершенствования доставки — что само по себе является технологическим фактом, — так и в плане улучшения путей сообщения. Вторичным следствием стал рост населения в сочетании с его концентрацией в городских центрах, а также рост благосостояния, в значительной степени сосредоточенного в одних и тех же центрах. Эти изменения позволили контролирующим державам распространить эффективное принуждение на большие расстояния и на большие скопления населения и

богатства; стало практически возможным механически управлять более крупной политической группировкой и удерживать ее вместе в более тесной координации, чем раньше. Физические условия, необходимые для формирования и длительного функционирования крупных политических организаций, были, таким образом, созданы новой индустриальной эпохой как случайный результат ее технологической эффективности.

Более прямым и очевидным, хотя и не имеющим более серьезного значения, является вклад, внесенный новой технологией в средства принуждения, предоставленные в распоряжение полевых командиров, в виде улучшенного оружия и брони, средств защиты и военной техники. Усовершенствования, разработанные в средствах ведения войны в первой половине эры ремесел, превосходят по материальному эффекту и смелости замысла все прослеживаемые усовершенствования, произведенные в этом направлении всеми воинственными народами классической древности и всеми воинственными объединениями Азии и Африки, с начала бронзового века вплоть до наших дней. Мастера потратили все свои усилия и самую блестящую изобретательность на производство оружия и боеприпасов, в результате чего эти изделия до сих пор хранятся в современных коллекциях как наиболее законченные изделия того времени. (Непреднамеренным) результатом в целом было то, что эти усовершенствованные устройства позволили военачальникам и их воинам контролировать промышленные классы в своих собственных целях и взимать поборы с торговли и промышленности до предела, который мог выдержать транспорт, или, возможно, чаще, несколько превышающий этот предел. Таким образом, их собственное технологическое мастерство обеспечило средства для их собственной гибели, прямо (говоря механически) и косвенно (в результате роста воинственных настроений).

То, что ремесленники так усердно разрабатывали способы и средства для своего собственного дискомфорта и постоянного поражения, объясняется не каким-либо врожденным извращением чувства мастерства в том, что касается выражения его в духе ремесленного сообщества, а скорее требованиями, созданными системой цен с ее принципами самопомощи - вторичным, традиционным продуктом кустарной промышленности. Как уже отмечалось, возможно, с утомительными повторениями, в сообществе ремесленников царит высокий дух индивидуальной самодостаточности. Как только мелкая торговля достигает эффективных размеров, отдельный рабочий вступает в несколько прямые отношения с рынком, и, за исключением коллективных интересов и действий, воплощенных в гильдейских организациях, ремесленники находятся лишь в денежных отношениях друг с другом и несут лишь денежную ответственность перед своими товарищами по ремеслу или перед обществом. Дело каждого - добывать средства к существованию честным трудом, благодаря своим индивидуальным навыкам и предприимчивости. Общеизвестно, что ремесленникам фактически не хватало того чувства солидарности, которое создает эффективную организацию для защиты или нападения; согласованные действия, выходящие за рамки регулирующей деятельности гильдии, были возможны лишь с чрезвычайными трудностями на любой другой основе, кроме личной денежной выгоды. Каждый работал на себя, постоянно ориентируясь на главный шанс. А главный шанс, с самого начала той эпохи, означал выигрыш в плане цены. Таким образом, ремесленник работал на таких клиентов, которые платили его цену, и он тратил свое мастерство и изобретательность на такие товары, которые пользовались спросом. Торговля оружием в то время была хорошей. Эти приспособления были средством к существованию для вооруженных людей и средством к получению дохода и престижа для их княжеских нанимателей. Таким образом, торговля шла своим чередом, и отдельные ремесленники прилагали все усилия к повышению эффективности правящего и воюющего классов, чьи усилия, без особого сговора,

но по неизбежному стечению обстоятельств, сводились к подчинению сообщества ремесленников в целом и к истощению ресурсов сообщества.

Через свои побочные проблемы в коммерческом предприятии, которые она поощряла, ремесленная промышленность принесла в руки политиков еще одно средство создания проблем. Торговля привела к появлению системы цен и, таким образом, дала возможность амбициозным князьям покупать то, в чем они нуждались в ходе своих военных переговоров; имея под рукой средства, магазины и боеприпасы можно было покупать там, где они были необходимы, что позволяло проводить военные операции с большей легкостью на большем расстоянии, чем это было возможно при более раннем правиле взносов натурой. Система цен также позволяла военачальникам нанимать наемников и, таким образом, организовывать и поддерживать постоянную армию опытных бойцов, мобильных и безответственных. Но чтобы настоять на своем в конкурентном использовании этого нового оружия, принц должен был располагать средствами; что незамедлительно привело ко всем доступным способам взысканий с торговли и коммерции, поскольку средства можно было получить почти исключительно из этих источников. Но это привело также и в равной степени к увеличению товарооборота между князьями и капитанами промышленности для использования финансовых средств. Фонды стали опорой войны, поскольку ремесленная промышленность стала выпускать товары на продажу, а торговля товарооборотом сделала средства доступными в достаточном объеме, чтобы они стоили того. Таким образом, принцы имели дело с промышленными магнатами, продавая то, что могли, и закладывая то, что не могли продать, в конкурентной борьбе за то, чтобы превзойти друг друга в войне и дипломатии. Тогда игра, как всегда, носила характер соревнования, в котором любое преимущество было только дифференциальным. Следовательно, вовлеченные принцы, каждый или несколько, нуждались во всех средствах, которые они могли использовать, и их потребность всегда присутствовала, и ее нельзя было откладывать. Поэтому они заимствовали, что могли и где могли, и их заимствования использовались с помощью всевозможных средств. Некоторые из этих фискальных мер принесли монопольное преимущество промышленным магнатам и, таким образом, способствовали их дальнейшему обогащению и концентрации богатства в меньшем количестве рук. Тем временем княжеские канцелярии, будучи по уши в долгах, насколько это было возможно, вымогали дальнейшие займы у капитанов путем конфискации имущества и угроз банкротства; и все, что было взято в долг, быстро расходовалось на уничтожение собственности, населения, промышленных предприятий и международной торговли. Итак, когда все доступные ресурсы доходов и кредитов, настоящие и предполагаемые, были исчерпаны, а все доступные материалы израсходованы, княжеский *fisc* обанкротился, за ним последовали его кредиторы, капитаны промышленности, за которыми последовало деловое сообщество в целом, на средства которого они оперировали, и промышленное сообщество, чьи запасы товаров и приспособлений были исчерпаны, чьи торговые связи были разорваны, а чье работающее население было развращено, рассеяно и доведено до нищеты и порабощения войнами, сборщиками налогов и принудительными взносами. Между тем, привыкание к чувствам, идеалам, стандартам и образу жизни, соответствующим состоянию хищничества, затопило дух ремесла и заменило отречение и зависимость от произвола власти той инициативой и упорной уверенностью в себе, которые создали эпоху ремесла. Именно от этого поворота событий Англия в значительной степени избежала благодаря своему островному положению и неспособности ее князей вовлечь сопротивляющееся промышленное сообщество в поток династических интриг, заполонивших Континент.

Следует отметить, что одним из существенных этапов в этой последовательности событий, от зарождения ремесла в условиях безденежья и самодостаточности до его окончательного краха в результате истощения, является постепенное накопление коммерческого и промышленного богатства в относительно небольшом количестве рук. Это накопление богатства, или, скорее, его сосредоточение в немногих руках, по-видимому, как уже указывалось, стало мощным фактором в ходе развития событий, которые приводят систему ремесла в период зрелости к краху, как на Континенте, или к упадку, как в Англии. Соответственно, будет уместно несколько более подробно остановиться на обстоятельствах его зарождения и роста, а также на том, как он играет свою роль в организации кустарной промышленности.

Представляется, что такое неравномерное распределение богатства является результатом технологических требований ремесла и мелкой торговли, которые характерны для кустарной промышленности на ее ранних стадиях.¹³² В своем самом раннем, небогатом зарождении ремесло, известное в средневековой Европе, было похоже на своего сородича, ручное искусство диких и низших варварских народов, в том смысле, что все материальное оснащение, необходимое для его осуществления, состояло из квалифицированного рабочего и чрезвычайно небольшого набора инструментов. Традиция, поддерживаемая исследователями-историками, гласит, что зарождением ремесленной системы с ее специализированной промышленностью и квалифицированным мастерством обязаны такие рабочие, у которых, по сути, не было ничего, кроме собственной личности, которые так или иначе вырвались из уз манориальной системы или ее эквивалента и нашли терпимое убежище у какого-нибудь феодального покровителя или религиозной корпорации, которые нашли некоторое преимущество в этом новом устройстве.¹³³

При рассмотрении этого зачаточного рабочего соглашения между этими рабочими без хозяина и их покровителями и обобщении ряда фактов, насколько это возможно для исследования, нацеленного на теоретическое изложение, а не на историческое описание, вероятная причинно-следственная связь, пронизывающая эти неясные события, будет выглядеть примерно следующим образом. В Европе, как это время от времени случалось и в других местах, случилось так, что собственность на землю в развитые феодальные времена оформилась как землевладельческий интерес, живущий в мире и в устоявшихся отношениях с общиной, из которой они черпали средства к существованию и свой контроль над общиной. В этих условиях под эгидой манориалов выросла постоянно расширяющаяся промышленная система, в которой первостепенное место занимают механические искусства в виде специализированных ремесел, механических процессов и приспособлений. Спокойные условия, которые преобладают при такой устоявшейся, миролюбивой или субхищнической схеме контроля, приводят к увеличению объема потребляемых продуктов, особенно потому, что те же самые устоявшиеся условия допускают более широкое и экономичное использование всех промышленных приборов. Непосредственным следствием этого является увеличение объема чистого продукта, получаемого имущим классом; что побуждает их к более интенсивному потреблению товаров; что требует более тщательной разработки и разнообразия продуктов; что требует увеличения разнообразия и объема приборов и более длительных и сложных технологических процессов. Потребности имущего класса, особенно в плане излишеств, достигают такой степени разнообразия, что уже практически невозможно удовлетворять эти потребности за счет специализированной работы в промышленных рамках поместья или его эквивалента. Кочевая торговля приходит на помощь в этом трудном путешествии, привозя экзотическую роскошь, любопытные предметы высокой цены; но этого

недостаточно для удовлетворения потребностей данного случая, поскольку существует большая потребность в доработке, о которой нельзя позаботиться путем импорта готовой продукции.

Здесь появляется возможность для квалифицированного рабочего без мастера. Рост благосостояния обеспечил ему место в экономике того времени, и, однажды закрепившись, он и его последователи собираются в промышленных городах и зарабатывают на жизнь трудом своих рук.

При любом рассмотрении эпохи ремесла следует иметь в виду, что ее начало положено этими “людьми без хозяев”, которые вырвались (или были вырваны) из уз той организации, в которой господствовала деспотическая власть землевладельческих интересов. Упорно отстаивая личные права, которые они так присвоили себе, ценой огромных затрат и риска, они со временем оправдали свое притязание выделиться в отдельный класс, класс необразованных свободных людей, среди которых самопомощь и индивидуальная работоспособность были общепринятыми основами репутации и средств к существованию. Эта традиция никогда не угасает среди организованных ремесленников до тех пор, пока промышленная система, которая была создана таким образом, не рухнет в суматохе политики и финансов или не будет вытеснена эрой машин, которая выросла из нее. С этой классовой традицией инициативы и демократической автономии связана, как неотъемлемый факт системы, сопутствующая традиция, согласно которой труд является средством к существованию.

На этих ранних этапах развития системы отдельный рабочий (как правило) способен добывать средства к существованию с использованием такого небольшого набора инструментов, который можно было бы легко приобрести в ходе его трудовой деятельности. Действительно, в значительной степени ремесленник первых дней изготавливал свои инструменты и приспособления по ходу дела. Но из этого неизбежно следует, что дальнейшее обучение искусным манипуляциям с ремеслами привело к использованию усовершенствованных и специализированных инструментов, а также к использованию более крупных приспособлений, полезных в используемых технологических процессах, таких, которые вряд ли можно назвать инструментами в более простом смысле этого слова, а скорее можно было бы классифицировать как промышленное оборудование. С развитием технологии материальное оборудование, столь необходимое для развития промышленности в ремеслах, увеличивается в объеме, стоимости и сложности, а производственные процессы становятся все более обширными и сложными; пока в настоящее время для любого рабочего не становится серьезной трудностью в одиночку обеспечить набор инструментов, приспособлений и материалов, с помощью которых должна выполняться его работа. Тогда владение таким богатством также становится вопросом какого-то момента.

Как и при любом более раннем и простом промышленном режиме, так и на этой ранней стадии развития ремесленной системы рабочий должен также владеть тем нематериальным оборудованием технологической информации в целом, которое имеется в обществе, в той мере, в какой это влияет на его конкретную профессию; и он должен, кроме того, приобрести специальные навыки, необходимые в его собственной отрасли ремесла. Первое он, на той стадии технологического роста, все еще получит без особого преднамеренного применения, в обычной рутине жизни; оно состоит из общей информации и знакомства с современными способами ведения дел, просто, и на уровне общей информации, который тогда преобладал,

похоже, не требовалось специальной подготовки или школьного образования, чтобы поставить молодого человека в соответствие со своим временем. Другими словами, общий запас технологических знаний к тому времени не стал настолько громоздким, чтобы требовать особых усилий для его усвоения. Что касается последнего, особого навыка, который сделал бы его ремесленником, то он также был доступен ценой некоторого применения; но по правилам ремесла первый ученик приобретал этот тренированный навык без каких-либо затрат, кроме применения к выполняемой работе. Но подобное по-прежнему не относится к материальному оборудованию, которое в настоящее время уже не должно было использоваться как нечто само собой разумеющееся и рутинно применяемое к выполняемой работе. Становилось все более важным и все более трудным обеспечить себя этими средствами, с которыми можно было ходить на работу, и владение такими средствами давало их владельцу все более решающее преимущество.

Что еще более усиливает такое положение дел, так это тот факт, что во многих ремеслах работа больше не могла выполняться с полной отдачей строго по отдельности; наиболее одобренные процессы требовали совместной работы бригады или отряда рабочих, а также требовалось что-то вроде “завода”, подходящего для использования такого отряда, а не одного человека. Такое условие, конечно, возникло раньше и более насущно в некоторых ремеслах, таких как, например, кожевенное дело, или пивоварение, или некоторые виды металлообработки, чем в других, таких как, например, строительные профессии, слесарное дело, булыжное дело и т.д. Но прогресс такого рода и требования, которые влечет за собой такой прогресс, проявлялись постепенно и с такой степенью распространенности в ремеслах, что общее утверждение, сделанное выше, может справедливо рассматриваться как свободная характеристика состояния промышленного искусства в ремеслах в целом в рассматриваемый период. Растущее применение методов труда, требующих организованных групп рабочих вместе с чем-то вроде коллективного промышленного предприятия, значительно ускорило бы концентрацию собственности на материальное оборудование. Собственность во все века была индивидуальной собственностью; и тогда, как всегда, любой отдельный предмет собственности, такой как мастерская и ее приспособления, в настоящее время перешел бы во владение отдельного владельца. Владельцы завода стали нанимателями своих обедневших коллег-ремесленников и таким образом получили возможность распоряжаться их производительностью и их продукцией.

Таким образом, когда и в той мере, в какой передовое состояние промышленного искусства делало практически невозможным для отдельного мастера легкое приобретение материальных средств для работы в своем ремесле, любое мастерство в этом ремесле не имело бы никакого эффекта, кроме как по договоренности с кем-либо, кто мог бы предоставить эти материальные средства. Таким образом, обладание материальным оборудованием оставляло на усмотрение его владельцев использование таких технологических знаний и навыков, которыми могли обладать представители данного ремесла. Таким образом, узурпатор технологического мастерства ремесленного сообщества перешел к владельцам завода в той же мере, в какой этот завод был необходим для развития промышленности по действовавшей тогда технологической схеме. Этот эффект был бы достигнут так скоро и в такой мере, что приобретение и поддержание материального оборудования, необходимого для трудолюбивого занятия трудом, стало бы делом заметных трудностей; и это стало бы в целом решающим фактором в отношениях между хозяином и рабочим, как только набор материальных средств, необходимых для эффективной работы, стал бы больше, чем обычные рабочие могли бы приобрести в ходе такой подготовки,

которая позволила бы им выполнять работу в конкретной отрасли промышленности, в которой они заняты.

Изменения, вызванные таким образом развитием технологий, не были ни резкими, ни четко очерченными. Как и другие изменения в технологической схеме, это было результатом развития знаний и методов, уже имевших место ранее, и оно вступило в силу детально и очень конкретным образом, приведя через колебания в использовании к постепенно установившейся общей практике, которая со временем стала существенно отличаться от ситуации, из которой она выросла. Незаметными ступенями она приобрела такое широкое распространение и повседневное признание и установила такие стабильные методы процедуры, что в настоящее время она остается установленным институциональным фактом. Она без видимого перерыва вошла в общепринятые привычки мышления и более или менее основательно внедрилась в несколько отраслей промышленности, которых коснулась, пока не стала восприниматься как тип ремесленной организации, которому затем будут стремиться соответствовать и другие, отдаленные отрасли промышленности, даже когда не было прямого повода для того, чтобы эти отдаленные члены промышленной системы приняли данную таким образом типичную форму. Но, учитывая спокойные условия, необходимые для накопления таких промышленных приспособлений, а также для изобретения и применения длительных и обходных процессов в промышленности, и наступающие в результате изменения будут носить кумулятивный характер, затрагивая все большую долю промышленного искусства и прогрессивно проникая в промышленную систему в целом.

При таких обстоятельствах и по мере того, как эти технологические требования вступают в силу то в одной, то в другой отрасли промышленности, узурпатор текущей производственной эффективности промышленного сообщества переходит к тем, кто владеет материальными средствами производства. Их эффективное использование промышленной эффективности сообщества будет распространяться на такие отрасли промышленности, причем с такой степенью тщательности и безопасности, какую может решить состояние промышленного искусства. Это эффективное поглощение технологического наследия владельцами распространится на любую отрасль промышленного искусства, в которой требуется столь значительное материальное оснащение в виде приборов и сырья, что рабочие, занимающиеся данной сферой деятельности, практически не могут создавать или приобретать это по ходу дела. Таким образом, в неопределенной степени и в некоторой степени варьируясь от отрасли к отрасли, владелец завода фактически становится владельцем технологических знаний сообщества и навыков рабочего и, следовательно, владельцем производственного потенциала рабочего.

На первых порах кустарного производства ремесленник обычно с помощью простой процедуры переходил от статуса подмастерья к статусу мастера, подбирая по ходу дела небольшое необходимое снаряжение; на завершающих этапах эпохи методы ремесла достигли высокой степени специализации и использовали обширные процессы и приспособления, и тогда только в виде исключения любой ремесленник мог перейти от ученичества через промежуточные этапы к положению рабочего мастера без помощи унаследованных средств или особой милости. Ближе к концу той эпохи мастера, как правило, нанимали квалифицированную рабочую силу и были мастерами в своем собственном цехе, за исключением частых случаев, когда они вообще переставали заниматься своим ремеслом и все свое внимание уделяли деловой стороне отрасли. Многие из этих номинальных мастеров на самом деле были простыми

торговцами, промышленными магнатами, бизнесменами, которые никогда не соприкасались с работой вручную.¹³⁴

Итак, капитализм возник в результате функционирования ремесленной системы, благодаря растущему масштабу и эффективности технологий. И на почве, предоставленной этой капиталистической фазой системы, возникла та эпоха делового предпринимательства, которая управляла экономическими судьбами Европы в пятнадцатом и шестнадцатом веках, с ее промышленными магнатами и крупными финансовыми домами. Были ли крупные средства, которыми оперировали эти капитаны промышленности, в первую очередь извлечены из доходов от мелкой торговли, существовавшей до этого, или были привлечены в эту сферу бизнеса извне, является дискуссионным вопросом, который не должен задерживать настоящее исследование. Факт остается фактом: какими бы ни были средства, такое развитие ситуации обусловлено ростом ремесла, в результате которого собственность и контроль над промышленным предприятием перешли из рук группы работающих ремесленников.

Следовательно, когда эта деловая ситуация рухнула, как уже говорилось выше, кустарная промышленность в лучшем случае была организована по капиталистическим принципам и управлялась в капиталистических целях — с целью получения прибыли от инвестиций, а не в первую очередь с целью обеспечения средств к существованию работающих ремесленников. Новая ситуация, которая тогда возникла как следствие краха делового сообщества, в промышленном и коммерческом отношении была более подходящей для более простых и грубых методов ремесла, которые имели успех в первые дни существования системы; но нынешние предубеждения и торговые отношения, которые фактически правили в то время, были капиталистического толка, а текущее состояние промышленного искусства, даже там, где промышленность пришла в раздробленное состояние, было таким, что технологически требовало крупномасштабной организации для ее надлежащей работы. Невозможность двигаться вперед по привычному пути и неосуществимость эффективного восстановления более примитивных методов привели к периоду бедности и неразберихи, которым способствовали продолжающиеся бесхозяйственные действия династических политиков; так что промышленное положение Континента так и не восстановилось, пока его не настигла новая эра машинной промышленности, положившая начало англичанам.

Обстоятельства жизни обычного человека претерпели более одного существенного изменения в эпоху ремесла, и не все эти изменения были в одном и том же смысле. Доминирующая нота меняется от мастерства на ранних этапах эпохи к денежной конкуренции и политической тревоге перед концом, особенно в том, что касается промышленных сообществ Континента. В целом, эта эпоха представляет собой длительный период истории, охватывающий около пяти или шести столетий, от продвинутой стадии феодальной эпохи до восемнадцатого века или до различных более ранних дат в тех странах, где ремесленная система пришла к временному завершению в эпоху создания государства; и жизненная дисциплина не оказывает того же эффекта на более раннюю из этих фаз развития, что и на более позднюю. Не то чтобы ремесло перестало быть преобладающим методом в механической промышленности этих стран, когда реакция настигла их, но технологический прогресс был серьезно остановлен, и та кустарная промышленность, которая все еще существовала, перестала доминировать в экономической ситуации и больше не занимала первенства среди факторов, определявших жизнь

соответствующих сообществ. Его место как доминирующей силы заняли новые политические интересы и коммерческое предприятие, которое все еще продолжалось.

Но на протяжении веков своего более раннего развития ремесленная промышленность, просто как рутинный процесс изготовления, формировала условия жизни простых людей более широко и последовательно, чем любой другой фактор. Таким образом, его дисциплина была длительной и глубоко и прочно затронула существующие привычки мышления, оказав большое и долговременное влияние на институты народов, среди которых он преобладал. Англоязычное сообщество демонстрирует эти эффекты в большей мере и более очевидным образом, чем любое другое, — лишь в меньшей степени заметные в Нидерландах и более двусмысленно в скандинавских странах. Эти народы не были подчинены ремесленной дисциплине в течение более длительного времени или более строгим образом, чем их континентальные соседи, но, с другой стороны, они в полной мере избежали политической активности эпохи государственного строительства, которая так много сделала для нейтрализации последствий ремесленной системы в более крупных континентальных странах.

* * * * *

Выше было кое-что сказано о том, как дисциплина жизни под властью ремесла формировала и окрашивала мышление людей в тех материалистических науках, ранний рост которых идет параллельно технологическому прогрессу современности. Также было очевидно, что это обучение способу осмысления вещей для целей технологии привело к определенным широким изменениям в теологических и философских концепциях, которыми руководствовались пытливые умы того же и последующих поколений. Это воздействие, оказываемое рутинной жизни в рамках ремесленной системы на научные и философские концепции, носит очень распространенный характер и носит характер привычки, отношения или умонастроения, характерной чертой которых является принятие творческого мастерства как завершенности. Это стало элементом здравого смысла в понимании вдумчивых людей, чей образ мыслей формировался в традициях той эпохи, что творческое мастерство является высшим, непреодолимым фактором устройства вещей, принимаемым как само собой разумеющееся и используемым беспощадно и со все возрастающей убежденностью как *terminus a quo* и *ad quem*.¹³⁵

Творческое мастерство, во все возрастающей степени подкрепляемое концепцией полезности для человеческого использования, постепенно занимает центральное место в теоретических рассуждениях того времени, так что к концу эпохи оно доминирует во всех интеллектуальных начинаниях в мыслящих частях христианского мира. Следовательно, это становится не только инструментом исследования в науках, но и главной предпосылкой во всей работе по инновациям и реконструкции схемы институтов. При том масштабном пересмотре институциональных рамок, который характеризует современность, всегда в поле зрения оказывается жизнь простых людей, их права и обязанности, и их жизнь понимается с точки зрения ремесленной промышленности и мелкой торговли. В целом, результатом такого пересмотра гражданских и правовых вопросов под эгидой ремесленничества стала система Естественных прав, включая концепцию естественной свободы. Вся разработанная таким образом схема, очевидно, является частью того Природного Порядка и Естественного закона, которые доминировали в исследованиях ученых и спекуляциях философов.

Природа ситуации такова, что англоязычное сообщество должно взять на себя ведущую роль в окончательном продвижении вперед во всех этих вопросах и должно выработать наиболее законченные, надежные и долговременные результаты в рамках этих предпосылок, как в области научных исследований, так и в области теории институтов. Это заложено в природе дела, потому что англоязычное сообщество воспользовалось технологическими достижениями, достигнутыми раньше их времени, потому что у них был долгий и сносно небогатый событиями опыт кустарной рутины в промышленности и в повседневной жизни, чьим потребностям служила кустарная промышленность, и потому что дисциплина ремесленной эпохи в их случае не была нейтрализована на ее завершающей фазе беспорядками, незащищенностью и гражданским развратом эпохи войн и политических интриг. И здесь соседние народы снова вступают в дело как партнеры в этой работе с Англией во многом в той же мере, в какой их опыт в этот период носил тот же общий характер.

Схема естественных прав и Естественной Свободы, которая возникает таким образом, носит ярко выраженный индивидуалистический характер, как и должно быть, чтобы соответствовать схеме опыта, воплощенной в системе ремесла. В ремеслах, особенно на затяжных ранних этапах развития системы, главным фактом является отдельный рабочий, добывающий средства к существованию за счет использования своей личной силы, ловкости и усердия; на самом деле, настолько, что он, по-видимому, считался, в понимании своего времени, единственным существенным фактором в промышленной организации. Точно так же в соответствии с каноном Естественной Свободы индивид предоставлен самому себе в борьбе за свою жизнь, свободу и стремление к счастью. Мастер по незапамятному обычаю традиционно распоряжался своей работой и ее продуктом по своему усмотрению, в соответствии с правилами позолоты. По рецепту он был в полном распоряжении тем, что производил, подчиняясь только позолоченным правилам, установленным для блага его соседей, которые находились в аналогичном положении. Самое священное право, включенное в систему Естественных прав, - это право собственности на любое богатство, честно приобретенное, при условии лишь того, что оно не должно быть обращено во вред своим собратьям. Во времена типичной ремесленной системы мелкая торговля протекала параллельно с кустарной промышленностью таким образом, что каждый мастер-ремесленник является в большей или меньшей степени торговцем, распоряжающимся своими товарами или услугами по своему усмотрению, и даже подмастерья аналогичным образом договариваются об условиях работы, а иногда и о продаже своего продукта; в то время как профессиональный странствующий торговец является членом этого промышленного сообщества почти на тех же основаниях, что и сами ремесленники. Таким образом, это надежный пункт в схеме естественных прав, согласно которому все лица, не находящиеся под опекой, имеют неоспоримое право распоряжаться путем покупки и продажи не только изделиями своих рук, но и любыми предметами, которые они приобрели в результате отчуждения их производителем или законным владельцем. А право собственности в теории естественных прав всегда восходит к творческому мастерству его первого владельца. [136](#)

Впоследствии это естественное право свободно распоряжаться своей личностью и производением, когда оно нашло место среди принципов гражданских прав в восемнадцатом веке, внесло существенный вклад в роспуск того органа надзора и контроля, который ремесленники более раннего поколения учредили в системе гильдии. Этот случай - всего лишь пример того, что постоянно происходит и обязательно произойдет в области

институционального роста. Институциональные принципы, такие как этот элемент гражданских прав, возникают из использования и привычки, являясь в качестве устоявшейся линии соглашения результатом использования и обычая, которые проистекают из жизненных потребностей того времени. Но использование и привычка - это вопрос времени. Требуется время, чтобы привыкание достигло той надежной степени общепринятого признания и аутентичности, которая позволит ему выступать в качестве непреложного принципа поведения, и к тому времени, когда это завершение достигнуто, обычно случается, что требования, которые вынуждали данное направление использования и привычки, перестали действовать или, по крайней мере, быть столь же настоящими, как и раньше. Контроль, для осуществления которого изначально были созданы гильдии, был контролем, который должен был оставлять гильдманов свободными в выполнении их работы, при условии только благотворного надзора и стандартизации продукции, которые поддерживали бы престиж их мастерства и облегчали утилизацию произведенных товаров. Первоначальной целью, выражаясь современным языком, по-видимому, было создание нематериальных активов на благо гильдманов. В новых условиях, которые возобладали, когда капиталистический менеджмент взял на себя руководство промышленностью, эти золотые правила больше не служили своей цели, но, похоже, наоборот, стали препятствием для свободного найма квалифицированных рабочих.

Примерно в то же время подобная удача начала сопутствовать самому принципу Естественной Свободы, причем даже в том особом отношении, которое с самого начала казалось его главной и наиболее существенной целью. Первоначально, по-видимому, предметом интереса и даже спора была свобода работника, не имеющего хозяина, распоряжаться своей личностью и произведениями труда так, как он считает нужным и как он лучше всего может и хотел бы, — заботиться о своей жизни, свободе и стремлении к счастью без позволения или помех со стороны лиц, облеченных властью или прерогативами. С течением времени использование и привычка превратили это общепринятое правило в неотъемлемое право. Но вместе с ним, как неотъемлемое расширение полномочий, которые гарантировало это неотъемлемое право, входило право купли-продажи, касающееся как произведения, так и его продукта, право свободно владеть собственностью и распоряжаться ею. В настоящее время, ближе к концу эпохи ремесел, или, точнее, в конце восемнадцатого века в Англии, промышленность перешла под капиталистическое управление. Когда это изменение вступило в сносно полную силу, рабочий уже был уверен в своем гражданском (естественном) праве распоряжаться своим произведением так, как он считал наилучшим, но обстоятельства найма при капиталистическом управлении фактически не позволяли ему передавать свою работу никому, кроме этих работодателей, и в значительной степени на их условиях, или распоряжаться своей личностью, за исключением случаев, когда этого могли потребовать требования их бизнеса. И столь же неотъемлемое право собственности, которое аналогичным образом возникло из употребления и обычая при ремесленной системе, но которое теперь фактически обеспечивало капиталисту-предпринимателю контроль над материальными средствами производства, — это священное право собственности теперь препятствовало любым шагам, которые могли быть направлены на восстановление у рабочего его реальной свободы работать по своему выбору или распоряжаться своей личностью и продуктом по своему усмотрению.

Показанная таким образом связь между ростом ремесла и системой естественных прав не претендует на то, чтобы быть полным описанием становления этой системы, даже в общих чертах. Более распространенное объяснение связывает эту систему с концепцией *естественного права* поздне римских юристов. Несомненно, здесь нет призыва подвергать

сомнению или принижать работу тех юристов и ученых, которые занимались аутентификацией системы Естественных прав, доказывая, что она основана на *праве родства* и *естественном праве* Латинских кодексов. Их работа, несомненно, исторически точна и компетентна. Но, как это обычно бывает с подобной работой юристов и ученых, особенно в ту прошлую эпоху, она довольствуется прослеживанием подлинной родословной, вместо того чтобы вдаваться в вопросы причин, которые привели к моде этих концепций на момент их принятия, или обстоятельств, которые придали этим естественным правам тот особый объем и содержание, которые они приобрели в современной теории права и гражданских отношений. Тезис, который здесь предлагается, заключается в том, что привыкание к использованию и привычкам в рамках ремесленной системы в зачаточном виде закрепило эти права в нынешних предубеждениях сообщества, и что это привыкание прослеживается, скорее причинно, чем путем логического рассуждения, к чувству мастерства, когда оно принимало форму и начинало действовать в конкретных конвенциональных обстоятельствах ранней эпохи ремесла; что предубеждения, которые таким образом вступили в силу, определили нынешнее отношение вдумчивых людей к вопросам гражданских прав и правовых принципов; и что юристы, которые имели возможность рассматривать обратите внимание на эти текущие предубеждения, касающиеся прав человека, которые оказались вынужденными рассматривать их как элементарные факты в сложившейся ситуации и, следовательно, находить для них обоснование в принятых канонах, таких, которые убедили бы правоведов в их подлинности в силу давних предписаний, или таких, которые должны определять сферу их применения в соответствии с правовыми принципами, имеющими предшествующее утверждение и авторитетную санкцию. Тезис, таким образом, состоит не в том, что юристы основали эти современные принципы теории права на популярных предрассудках, распространенных в их время и обусловленных привычкой к рутинному ремеслу, и не в том, что они расширили древние принципы *естественного права*, чтобы удовлетворить требования популярных предрассудков, но в том, что, вызванные юридическими потребностями, к которым привело практическое принятие этих принципов, юристы нашли в капитуляриях кодекса то, что было необходимо для подтверждения подлинности этих принципов теории права и придания им авторитета, — работу по обоснованию всего того, что было сделано. более близкий по духу и убедительный для юристов, поскольку они, как и остальные представители их поколения, по привычке и традиции были проникнуты склонностью считать эти принципы правильными и благими и, следовательно, не находить в кодексах ничего другого, что могло бы фатально повлиять на тех, чья аутентификация была должным образом подтверждена. Но это вопросы родословной, и эта работа великих юристов и философов в значительной степени носит характер второстепенной, поскольку основывается на том широком принятии этих принципов и той неоспоримой эффективности, которые характеризуют ход их жизненной истории в наше время. Юристы и философы искали и показали достаточную причину для принятия этой схемы принципов, а также для особого способа, которым они были сформулированы; но следует признать, что незаметный рост привычек мышления, вызванный условиями жизни в (раннее) новое время, является эффективной причиной их доминирующего контроля над современной практикой, спекуляциями и чувствами, затрагивающими все те отношения, которые были стандартизированы в их терминах. Благодаря использованию и привычке ряд общепринятых элементов, включенных в схему, превратился в вечные и несомненные принципы правильного разума, укоренившиеся в интеллектуальной структуре юристов, а также их современников-непрофессионалов; и поэтому задачей юристов было выработать их аутентичность с точки зрения достаточного основания; не их дело было утруждать себя каким-либо вопросом о

причинах, которым эти принципы были обязаны своим вечным соответствием в схеме Природы в то конкретное время.

Естественные права, которые таким образом нашли подтверждение в руках юристов, были индивидуалистического рода, привитого дисциплиной ремесленной системы, и подтверждение, содержащееся в *естественном праве*, не выходит далеко за предписанные таким образом индивидуалистические рамки, и другие направления древних предписаний, расходящиеся с этими правами, вообще не были ярко освещены юридическими исследованиями юристов. Принимая во внимание, что не вызывает серьезных сомнений тот факт, что главное значение древних находок, воплощенных в кодексе, не носит такого индивидуалистического характера. Причины, которые привели к современному принятию этой схемы естественных прав, являются вопросом использования и привычки, совершенно отличной от той линии аргументации, с помощью которой юристы обосновывали их на достаточных основаниях, опирающихся на древние предписания.

Чрезвычайная жизнестойкость, демонстрируемая системой Естественных прав, может вызвать обоснованные сомнения относительно адекватности любого объяснения, которое связывает их происхождение с дисциплиной использования и обычаями, свойственными какой-либо конкретной культурной эпохе, даже когда рассматриваемая эпоха имеет столь последовательный характер и такую продолжительную продолжительность, как эпоха ремесел. Что придает силы такому вопросу, так это тот факт, что нечто подобное этим предубеждениям о естественном праве не является редкостью в низших культурах. Так что, судя по результатам, природа вещей, по-видимому, дает веские основания для обозначения этих конвенционных прав “естественными”. Нечто подобное, очевидно, распространено среди мирных сообществ на более низких уровнях культуры, среди которых схема принятых прав и обязанностей имеет более чем отдаленное сходство с естественными правами восемнадцатого века. Но нечто подобное можно найти и у народов более высокого уровня, как миролюбивых, так и хищнических; хотя по содержанию они более заметно отходят от системы восемнадцатого века. Точку схождения или идентичности между всеми этими системами общепринятых фундаментальных и вечных прав человека следует искать в их внутренней санкции — все они или некоторые из них являются правильными и благими с точки зрения здравого смысла; точку расхождения или непохожести следует искать в содержании кодекса, которое далеко не во всех случаях одинаково. В средневековой естественной, основанной на здравом смысле схеме прав, прерогативы, личные и классовые исключения составляют суть канона; но, тем не менее, эта схема по своей сути обязательна для тех, кто был воспитан в привычном принятии ее рутиной жизни того века. Различные права, обязанности и привилегии являются отправной точкой в этой средневековой системе гражданских отношений; тогда как в системе, разработанной под эгидой ремесленной промышленности, отрицание дифференциальных преимуществ, будь то классовых или индивидуальных, является началом мудрости и сущностью здравого смысла применительно к гражданским отношениям. Одна из этих схем исходит из экономической ситуации, основанной на принципах хищничества, древней, предписывающей и устоявшейся, и ее первым принципом является принцип господина и слуги; другая исходит из ситуации, основанной на эффективности рабочего, и ее первым принципом является принцип справедливого получения средств к существованию за выполненную работу.

То, что некоторые из действующих систем гражданских прав, действующих по обычаю среди мирных сообществ низшей культуры, имеют больше общего с современными Естественными правами, чем эта средневековая схема, должно логически объясняться сходством условий жизни, из которых они возникли. В этих сообществах дикарей или низших варваров также принципом организации является работа ради средств к существованию, а традиционной основой экономических отношений является мастерство, как это было при ранней ремесленной системе; но с той разницей, что в то время как технология ремесла выдвигает квалифицированного рабочего в перспективе как самодостаточную личность и, таким образом, выдвигает самопомощь на передний план как принцип экономической справедливости, среди этих дикарей и низших варваров, живущих с помощью технологии менее узкоспециализированного характера, с материальным положением, не допускающим такой же степени разделения труда или средств к существованию. Таким образом, главным условием в отношениях, регулирующих права и обязанности членов группы, является обеспечение средств к существованию не отдельного квалифицированного работника, а группы в целом. Личные притязания индивида являются лишь второстепенными и подчиняются потребностям группы в целом; права собственности расплывчаты, и им не хватает той жизненной силы, которая характеризует аналогичные права при ремесленной системе. Это правда, продукт промышленности принадлежит в первую очередь его производителю, именно к нему в некотором смысле могло бы перейти право собственности, если бы технологическая ситуация позволяла работать для получения средств к существованию строго и последовательно по отдельности; но в реальном случае, как это наблюдается на этих более низких уровнях, продукт обычно несколько легко ускользает из его индивидуального владения и становится привычным для использования группой. За исключением тех предметов, которые продолжают принадлежать ему в силу личного и повседневного использования, собственнический контроль производителя над своим продуктом, вероятно, в лучшем случае будет временным и сомнительным, легко уступающим место любому срочному призыву к его использованию другими членами группы.¹³⁷

Фактом некоторого резкого эффекта в этой связи, несомненно, является характерная черта ремесла, заключающаяся в том, что на его ранних этапах полностью и очевидно, а в его более позднем развитии также несколько очевидно, что оно было делом класса; тогда как в сообществах дикарей, с которыми оно здесь сравнивается, рассматриваемые технологии и средства к существованию принадлежат сообществу в целом, а не классу, который контрастирует с сообществом в целом и в некоторой степени конкурирует с ним. Ремесленники составляли часть сообщества, трудом для нужд которого они добывали средства к существованию, хотя со временем они стали доминирующим элементом в местном сообществе (муниципалитете), состояние которого они разделяли. А поскольку между этой частью населения и внешними классами, с которыми они вели свою торговлю, особенно между зажиточными и землевладельческими классами, не могло быть сдерживающего чувства солидарности интересов. Древняя связь хозяина и слуги была разорвана чем-то вроде открытого акта классового раскола со стороны ремесленников, и ничто похожее на узы товарищества не заняло ее места. Братство существовало в рамках ремесленного производства, в то время как деятельность каждого ремесленника обычно пересекала черту, отделявшую ремесленника от старого порядка и населения за пределами этой промышленной системы.

То, что система естественных прав восемнадцатого века демонстрирует такую степень приближения к схеме прав и обязанностей, наблюдаемой у многих первобытных народов, не должно поколебать ничьего чувства культурной согласованности. Возвращение к природе было более или менее паролем в заключительный период эры ремесел и после, и в отношении этой системы гражданских отношений представляется, что популярное отношение того времени было фактически чем-то вроде возврата к примитивным привычкам мышления; хотя в лучшем случае это было частичное возвращение к “естественному состоянию” в смысле состояния мира и промышленности, а не возвращение к бесхитростным истокам общества. То, что такой частичный возврат вступает в силу в привычках мышления того времени, по-видимому, связано с таким же частичным возвращением к несколько аналогичным жизненным привычкам. Соответствие в привычках мышления не больше, чем в привычках жизни, из которых эти привычки мышления возникли. Первобытные народы, которые демонстрируют это наводящее на размышления сходство с системой Естественных прав, как правило, живут по заведенному порядку и в состоянии привычного мира, — в этом отношении они находятся в некотором сходстве с ремесленным сообществом. Ремесленная система соответствует той же характеристике в той мере, в какой в ней доминировала рутинная работа, и в той мере, в какой, по сути, история ее жизни приходится на эпоху преимущественно мирных условий; и такая характеристика справедлива для собственно промышленного сообщества в течение периода, в течение которого ремесло является доминирующим фактором в обычном круге интересов сообщества. Дело не в том, что эпоха ремесла была эпохой возврата к дикости, а лишь в том, что фактор, задающий тон в обществе того времени, в силу состояния промышленного искусства вернулся к мирным привычкам и трудолюбию, в которых ведущее место занимает прямая и детальная ручная работа. Существует также еще один момент экономического контакта с диким государством, заключающийся в том, что в ремесленном сообществе различия в богатстве не являются ни значительными, ни решающими в течение длительного периода привыкания, который привел предрассудки той эпохи к устоявшейся форме, придавшей им характер законченной и сбалансированной системы принципов.

Рискуя утомительно повторяться, можно добавить, что жизненные привычки, характерные для той эпохи, а также склад ума, соответствующий этому характерному распорядку жизни, кажутся особенно подходящими для исконных дарований европейских народов, — возможно, в особой степени подходящими для исконных наклонностей тех слоев населения, в которых имеется заметная примесь долихоцветного происхождения. То, что это может быть так, по крайней мере, убедительно подтверждается цепкой властью, которую эта система Прав, по-видимому, все еще оказывает на сентиментальную преданность этих западных народов после того, как условия, которым эти Права обязаны своим возникновением и которым они соответствуют, в основном прекратили свое существование; а также несколько слепым рвением, с которым эти народы, и особенно их англоязычная часть, берутся за идиллическое предприятие по восстановлению той устаревшей “конкурентной системы”, которая воплощала систему Естественных прав и которая пришла в эпоху ремесел и торговли. пошел ко дну при его распаде.

ГЛАВА VII

Машиностроение

Эпоха машинной индустрии обозначалась по-разному, в соответствии с различными точками зрения, с которых она рассматривалась разными авторами. Как историческая эпоха, она проявляет различные черты, более или менее характерные, и она была обозначена той или иной из этих черт в соответствии с конкретным направлением интересов, которое, возможно, привлекло внимание тех, у кого была возможность назвать ее. О ней говорят как об эпохе фабрично-заводской системы, крупной промышленности, как о эпохе капитализма или свободной конкуренции, или опять же как об эпохе кредитной экономики. Но если смотреть с точки зрения технологии, и более конкретно с точки зрения мастерства, лежащего в основе технологической системы, то ее лучше всего охарактеризовать как эпоху машиностроения или машинного процесса. Как технологический период оно обычно считается возникшим в британском промышленном сообществе примерно в третьей четверти восемнадцатого века, общепринятой датой промышленной революции, — те, кто любит точные даты, относят его более конкретно к шестидесятым годам того столетия, чтобы совпасть с самым ранним практическим использованием некоторых крупных механических изобретений того времени.¹³⁸

Такая точная дата едва ли пригодна для каких-либо иных целей, кроме мнемонических. Если рассматривать этот вопрос в исторической перспективе, то будет видно, что эпоха машинного процесса наступала в Англии в первые годы столетия и даже раньше; в то время как заметные механические изобретения и инженерные достижения, имеющие общее отношение к технологии, начали влиять на промышленную ситуацию в некоторых континентальных странах в значительно более ранний период. Так, *например*, практические усовершенствования произошли в водяных колесах, насосах и ветряных мельницах, в использовании парусов и конструкции судов, в колесных транспортных средствах (хотя ранние современные усовершенствования в этой области легко переоценить) и в таких устройствах, как дымоходы; и, опять же, существует своеобразная, но весьма поучительная область прикладной механики, представленная изобретением и усовершенствованием огнестрельного оружия. Сюда же относятся и такие машиностроительные предприятия, как "Дренажные системы Голландии", которые следует отнести к числу заметных достижений в области прикладной механики.

Даже самый поверхностный обзор технологической ситуации в Европе, скажем, в семнадцатом веке, выявит характерные черты, которым нельзя отказать в почетном упоминании в качестве приложений механической науки, хотя сразу же следует оговориться, что эти ранние механические приемы и их применение выделяются скорее как спорадические факты механических изобретений в эпоху ручного труда, чем как характерные черты промышленной системы, в которой они встречаются. Зарождение машиностроительной промышленности носит такой спорадический характер. Они возникают как результат ремесленной технологии, особенно в условиях, когда эта технология призвана решать такие серьезные механические проблемы, которые превышают силу ручного труда или недоступны инструментам ремесленника.

Так, *например*, в Англии, скажем, начиная с шестнадцатого века, улучшаются дороги и водные пути, а также осушаются сельскохозяйственные угодья; и, как пример, более явно связанный с машинной промышленностью, как это обычно понимается, в начале восемнадцатого века

появляется “коневодство”, на которое Джетро Талл потратил свой энтузиазм. Наряду с этим явно механическим направлением усилий и инноваций следует также отметить целенаправленные усилия по улучшению пород овец и крупного рогатого скота, которые предпринимались примерно в то же время. Возможно, их нельзя отнести к механическим изобретениям в простом и очевидном смысле этого слова, но у них есть общая черта с изобретениями машинной эры, заключающаяся в том, что они превращают установленные факты грубой природы в объяснение использования человеком логики, которая во многом носит характер безличной случайности, характерный для машинных технологий. Машинная промышленность возникает постепенно; ее начальные стадии заметны в начале восемнадцатого века, но только к концу этого столетия ее влияние на промышленную систему становится настолько заметным, что можно с полным основанием сказать, что наступила эра машинных технологий; и только в Великобритании можно сказать, что в тот период она преобладала.

Из других особенностей, упомянутых выше как характерные для этого периода истории, ни одна не носит столь существенного характера или столь отличительного характера для данного конкретного периода, как его технологические особенности. Свободная конкуренция, *например*,, относится в такой же степени к эпохе ремесла, как и к эпохе машин, преобладая — более широко в теории, чем на практике — как при первом режиме, так и при последнем; и фактически она постепенно подпадает под возрастающие ограничения по мере продвижения машинного века, пока на более высокоразвитых этапах текущей ситуации она в значительной степени не перестала быть практически осуществимым направлением политики в промышленном бизнесе. Точно так же и расцвет капитализма не совпал с промышленной революцией, хотя его наилучшее развитие и наибольшая экспансия могут произойти в эпоху машин. Она зародилась в дни процветания ремесла, и одна капиталистическая эпоха на Континенте уже закончилась до того, как появилась машинная промышленность. “Кредитная экономика”, связанная с капиталистическим управлением промышленностью, также переживает более ранний период развития, что касается дней ее раннего расцвета, хотя более масштабное и далеко идущее развитие кредита эффективно вступает в игру только в последние десятилетия машинного века. Во многом то же самое верно и в отношении так называемой крупномасштабной организации промышленности и фабричной системы. Его наивысшее развитие связано с передовыми стадиями машинной технологии и явно обусловлено последней, но во времена промышленной революции с ней уже приходилось считаться. Крупная промышленность, которую с некоторой опаской рассматривал, например, Адам Смит, была основана не на машинных технологиях, а на ремесле с обширным разделением труда и на “домашней промышленности” в том виде, в каком она набирала силу в его время. Последнее по форме представляло собой то, что с тех пор стало известно как “потогонная промышленность”.

* * * * *

В эту новую эру технология вступает в тесный контакт с наукой; и наука, и технология новой эры носят обыденный характер, не имеющий прецедентов. настолько, что, напротив, технология ремесел, по-видимому, не имела никакой тесной или последовательной связи с общепризнанной наукой своего времени. Не то чтобы антропоморфное вменение полностью отсутствовало или не работало в современных научных исследованиях или в технологическом использовании имеющихся фактов; но в более поздних концепциях антропоморфизм в лучшем случае был вытеснен и стерилизован в беспрецедентной степени. И это справедливо для

машинной технологии, превосходящей любое другое состояние промышленного искусства, что факты наблюдения могут быть эффективно использованы для объяснения только в той мере, в какой они воспринимаются как факты. Логика этой технологии, с помощью которой должны решаться ее проблемы, - это логика механического процесса, в который не входят личные или телеологические факторы. Инженер или изобретатель, который разрабатывает процессы, приборы и приемы в этих помещениях, обязан воспринимать и оценивать действующие факты в соответствии с той бесстрастной, непрозрачной, нетелеологической манерой, в которой происходят явления грубой материи; и он должен научиться определять их применение с помощью логики грубой материи вместо того, чтобы интерпретировать их путем вменения и по аналогии с проявлениями человеческого мастерства. Менее императивно, но все же в заметной степени тот же дух должен проявляться у рабочих, под руководством которых эти процессы и приспособления должны обеспечивать ожидаемые результаты.

При более простой технологии более примитивных промышленных систем обращение к антропоморфному приписыванию также всегда было препятствием для мастерства рабочих, особенно в собственно механических искусствах, и лишь в меньшей степени выражено в тех промышленных искусствах, таких как земледелие, которые имеют непосредственное отношение к растениям и животным. Знание грубых фактов, интерпретируемых с точки зрения человеческой природы, по-видимому, никогда не было полезным в полной мере в соответствии с их содержанием. Но в этих более примитивных промышленных системах — как и в лучшие дни ремесла — рабочий всегда находится под мгновенным контролем своих инструментов и материалов; движения, используемые в работе, по сути, носят характер манипуляций, при которых рабочий ловко придает материалам формы и соотношения, соответствующие его цели, и при которых также ничего (как правило) не происходит за пределами ручной досягаемости рабочего, в отличие от инструментов, которыми пользуются его руки. В этих условиях относительно незначительно влияет на то, оценивает ли рабочий объекты, которые он использует в качестве инструментов и материалов, в квазиличностных терминах или вменяет им определенную степень самостоятельности, поскольку им ни в коем случае не позволяется ускользать от его ручной досягаемости и они посредством прямой передачи его силы, ловкости и рассудительности преобразуются в формы, движения и пространственные расположения, к которым он стремится. Его приписывание грубой материи некоторой предвзятости, склонности, инициативы, духовной силы или немощи, несомненно, во многом лишает его способности эффективно разрабатывать процессы и использовать доступные материальные факты; его творческое воображение исходит из ошибочных предпосылок и до сих пор идет неправильно; и поэтому такая антропоморфная интерпретация всегда должна рассматриваться как существенный недостаток для технологического овладения доступными ресурсами и в некоторой степени тормозить возможный прогресс в промышленном искусстве. Но в пределах предпосылок, создаваемых промышленным искусством в его нынешнем виде, он все еще может эффективно выполнять работу механика, владеющего ручными операциями, предписанными данным уровнем техники. Ибо в механических производствах всех этих других, более архаичных промышленных систем рабочий выполняет работу; это может быть с помощью инструментов и даже с помощью более или менее длительных процессов, в которых естественные силы роста, ферментации, гниения и тому подобного играют существенную роль; но решающим фактом остается то, что движения и операции такого ручного труда осуществляются его руками и посредством его мускульной силы и ручной досягаемости. Там, где естественные процессы, такие как рост, ферментация или сгорание, включены в рутину

производства, они, как естественные процессы, находятся вне его дискреционного контроля; самое большое, он запускает их в действие и позволяет им работать, с некоторыми ограничениями и сдвигами по мере их продвижения, чтобы привести их в действие таким образом, который соответствует его целям; он принимает меры предосторожности в отношении них, а затем использует шанс, что они приведут к желаемому результату. Они не находятся, и поскольку он видит работу и ее условия, в них нет необходимости, под его контролем подобно тому, как он контролирует свои инструменты и материалы, используемые в его ручных операциях; они работают хорошо или плохо, и то, что из этого получается, в некоторой степени зависит от его удачи или неудачи, какой бывает у человека, который сделал все возможное под руководством Провидения. В случае поразительного результата, хорошего или плохого, в результате действия таких природных процессов набожный ремесленник склонен расценивать это как Божий промысел; точно так же поступает набожный земледелец, который больше зависит от дождя, чем от орошения. Мудрый работник в таком случае должен принимать то, что приходит, без восторга или сетования, в той мере, в какой эти факторы успеха и неудачи не входят в его предполагаемое мастерство рабочего.

В машиностроении дело обстоит иначе. Задействованные здесь механические процессы поддаются расчету, измерению и не содержат таинственного элемента провиденциальной двусмысленности. В той мере, в какой они работают с наибольшим эффектом, они способны к теоретическому изложению, а не просто доступны с помощью практического правила. Инженер-проектировщик принимает свои меры на основе установленного количественного факта. Он знает применяемые силы, и, действительно, он может использовать только те, которые он знает, и только в той мере, в какой он их знает; и он организует процессы, которые должны выполнять работу, только с такой расчетной погрешностью, которая обусловлена установленной средней ненадежностью доступных материалов. Он имеет дело с силами и следствиями, стандартизированными в тех же непрозрачных терминах. Он будет опытен в своем ремесле во многом в той жесткости, в какой он владеет логикой фактов, связанной с механическими процессами давления, скорости, перемещения и тому подобным; не в той мере, в какой он может искусно придать доступным материалам характер рабочего, использующего его собственную ручную силу и ловкость, и не в той степени, в какой он может быть способен проницательно угадывать течение сезона или колебания температуры и влажности, которые обуславливают эффективную работоспособность естественных процессов в рукоделии.

Доля оперативного рабочего в машиностроительной отрасли (как правило) составляет долю обслуживающего персонала, ассистента, в обязанность которого входит идти в ногу с машинным процессом и помогать с рабочими манипуляциями в тех точках, где задействованный машинный процесс не завершен.¹³⁹ Его работа дополняет машинный процесс, а не использует его. Напротив, машинный процесс использует рабочего. Идеальным механическим устройством в этой технологической системе является автоматическая машина. Совершенство в машинной технологии достигается в той степени, в которой данный процесс может обходиться без ручного труда; тогда как совершенство в системе кустарного производства означает совершенство ручного изготовления. Работа рабочего заключается в том, чтобы знать, как работает механизм, с которым он связан, и с механической точностью приспособлять свои движения к его требованиям. Это требует определенной степени интеллекта, и, кроме того, большая часть этой работы требует значительной специальной подготовки; так что по-прежнему верно, что рабочий в какой-то степени полезен в той мере, в какой он квалифицирован в профессии, к которой его призывает машинная промышленность. В

новую эпоху гораздо решительнее делается упор на общий интеллект и информацию, в отличие от детального владения деталями ремесла; так что знакомство с обычными технологическими знаниями того времени является скорее более настоятельным требованием в рамках машинной технологии, чем в рамках ремесла. В то же время этот общий запас технологической информации значительно больше при нынешнем состоянии промышленного искусства; настолько большой по объему и в то же время настолько более требовательный с точки зрения точности и детализации, что эта банальная информация, необходимая для любой квалифицированной профессии, больше не может быть получена в рамках обычной производственной рутины, а может быть получена только ценой целенаправленного применения и с помощью школ.

В этом отношении, что касается требований промышленности к общей информации со стороны квалифицированных рабочих, контраст достаточно заметен, *например*, между елизаветинскими временами и викторианской эпохой. В более ранний период неграмотность не была препятствием для надлежащего обучения квалифицированным профессиям. В семнадцатом веке Томас Мун включил в число особых и экстраординарных приобретений, необходимых для выдающегося успеха в коммерции, вопросы, которые сейчас легко включаются в обычное школьное обучение; и при этом он ясно показывает, что эти приобретения были сверх того, что было обычным или считалось бы полезным для обычного человека. Даже Адам Смит во второй половине восемнадцатого века, каким бы проницательным наблюдателем он ни был, не включал какую-либо степень школьного образования или какое-либо подобное стремление к общей информации в число необходимых условий эффективности квалифицированного труда. Даже в то время, по-видимому, все еще оставалось правдой, что банальная информация и общая подготовка, необходимые для овладения любым из ремесел, лежали в столь узком диапазоне, что все необходимое можно было получить понаслышке и в качестве примера из практики ученичества. В течение столетия после зарождения машиностроения неграмотность стала серьезным препятствием для любого квалифицированного механика; диапазон банальной информации, которую обычно приходится использовать в квалифицированных профессиях, расширился до такой степени и включал в себя такой большой объем малоизвестных фактов, что умение читать приобрело промышленное значение; более высокое мастерство в любой отрасли механического искусства предполагало такое знакомство с фактами и теорией, которое невозможно было ни получить, ни поддерживать, не прибегая к печатной продукции. И этот ряд требований постоянно увеличивался в объеме и срочности, а также в диапазоне профессий, к которым предъявляются требования, пока не стало обычным делом, что теперь никто не может надеяться побороться за мастерство в квалифицированных профессиях без такого образования, которое значительно продвинет его за пределы трех "Р", составлявших необходимый набор знаний для обычного человека полвека назад.

Из этих больших и возрастающих требований, предъявляемых машинной технологией, следует, что период предварительной подготовки неизбежно удлиняется, а обучение, требуемое для общей подготовки, становится все более требовательным. Так что, помимо всех вопросов о гуманитарных чувствах или пригодности населения к демократической гражданской деятельности, стало вопросом экономической целесообразности, просто как предположение о технологической эффективности в целом, добиться освобождения детей от работы на производстве на более поздний срок и значительно продлить их эффективный школьный возраст, превышающий тот, который когда-то был достаточным для удовлетворения всех банальных требований квалифицированного труда. [140](#)

Знания, столь необходимые в качестве общего и банального оборудования, необходимого для занятий этими современными квалифицированными профессиями, имеют общую природу прикладной механики, в которой суть предприятия заключается в готовом восприятии непрозрачных фактов в относительно точных количественных выражениях. Этот класс знаний предполагает определенное интеллектуальное или духовное отношение со стороны работника, такое отношение и враждебность, которые позволят легко воспринять и оценить фактические данные и защитят от переполнения этих знаний предполагаемыми анимистическими или антропоморфными тонкостями, квазиличностными интерпретациями наблюдаемых явлений и их связей друг с другом. Нормой систематизации является то, что задается логикой машинного процесса, а ее масштаб определяется статистическими вычислениями и принципом материальной причины и следствия.

В какой-то степени рутина машиностроительной отрасли неизбежно вызывает такую враждебность у ее работников, поскольку таковы масштабы и методы ее собственной работы; и чем тщательнее и требовательнее подход к работе такого рода, тем более тщательными должны быть последствия ее дисциплины. Но эта рутина и ее дисциплина выходят за рамки механических занятий как таковых, так что в значительной степени определяют привычки всех членов современного сообщества. Это утверждение справедливо в более широком смысле для текущего состояния промышленного искусства, чем любое подобное утверждение, *например*, для ремесленной системы. Обычный распорядок жизни сегодня более широко и всепроникающе определяется машинной промышленностью и подобными машинам производственными процессами, и это определение в то же время более строгое, чем любой аналогичный эффект, который был достигнут при кустарной системе. В эффективных рамках современного христианского мира никто не может полностью избежать или в какой-либо разумной степени отклониться от рутинной работы машины.

Современная жизнь идет как по маслу. Настолько, что ни одна современная семья не может обойтись без механических часов; которые, правда, могут быть более или менее точными, но которые обычно отмечают течение времени с такой степенью точности, которая показалась бы забавночрезмерной обычному человеку эпохи расцвета ремесел.¹⁴¹ Следует помнить, что в последнее время указанное таким образом время является “стандартным временем”, стандартизированным для совпадения на обширных территориях и различающимся только большими и стандартными единицами. Это приводит рутину жизни к довольно единообразному графику рабочего времени для всего населения, которое во много раз превышает численность тех сообществ, которые когда-то вполне удовлетворительно обходились без такого средства при режиме ремесленничества. В этом вопросе требования машины даже привели к пересмотру графика времени, установленного механизмом небесных тел, так что не только “солнечное время”, но даже “среднее солнечное время”, которое когда-то считалось достаточным усовершенствованием путей Природы, было заменено графиком, установленным железнодорожной системой.

Дисциплина часов в достаточной степени характеризует дисциплину, применяемую машинным процессом в целом в современной жизни, и как культурный фактор, как фактор формирования образа мыслей современных народов, она сама по себе, более того, является фактом первостепенной важности. Что касается стандартизации графика времени, о которой только

что говорилось, то принятие "среднего солнечного времени" было вызвано непосредственно требованиями машинного процесса как такового, который не допускал сезонных колебаний "кажущегося" солнечного времени. Этот эпитет "очевидный", между прочим, наводит на мысль, что обозначенный таким образом временной график менее соответствует фактическим обстоятельствам дела, чем тот, который его заменил. И так оно и есть, если действительность, на которую обращают внимание, относится к машинному процессу; тогда как обратное верно, если действительность, которая должна решать, относится к временам года, как это было при более раннем устройении. "Стандартное время" вошло в силу в первую очередь благодаря потребностям железнодорожного сообщения, которое само по себе является доминирующим элементом механической рутины жизни; но лишь в меньшей степени это требование других видов деятельности, составляющих движение современной жизни. Железная дорога - одно из крупнейших механических изобретений машинного века, и ее требования в этом отношении типичны для того, что справедливо в целом. Коммуникация любого рода, а также снабжение другими предметами первой необходимости стандартизированы с точки зрения времени, пространства, количества, частоты и, действительно, во всех измеримых измерениях; и "потребитель", как называют обитателей этих созданных машинами сообществ, обязан соответствовать этой сети стандартизаций в своих потребностях и использовании их под страхом того, что его "бросят". "Бросать" - это просторечие эпохи машин и описывает самую распространенную форму лишений при режиме машинного процесса. Это уже устаревший разговорный оборот, поскольку прошло уже некоторое время с тех пор, как вездесущая рутина машинного процесса впервые убедила обычного человека в злобещей вероятности, скрытой за этой фразой.

Отношение потребителя, обычного человека, к механической рутине жизни в целом во многом такое же, как у современного квалифицированного рабочего к тому детальному машинному процессу, с которым он связан в промышленной системе. Чтобы эффективно использовать то, что предлагается по мере вращения рутинных колес, в плане работы и развлечений, средств к существованию и отдыха, он должен путем легкого привыкания знать, что происходит, и как, и в каких количествах, и по какой цене, и где, и когда, и для достижения наилучшего эффекта он должен приспособлять свои движения с квалифицированной точностью и хладнокровным механическим пониманием к хорошо сбалансированному движущемуся равновесию задействованных механических процессов. Чтобы жить — если не сказать непринужденно — в условиях этой механической рутины, требуется определенная степень последовательной тренировки в механическом восприятии вещей. Простая механика соответствия распорядку жизни подразумевает определенную степень подготовленности и легкую стратегию во всех видах количественных корректировок и адаптаций, особенно в более крупных населенных пунктах, где распорядок дня более всеобъемлющий и продуманный.

И здесь и сейчас, как всегда и везде, изобретение - мать необходимости. Комплекс технологических путей и средств увеличивается за счет приращений, которые появляются в схеме в виде улучшений, инноваций, приемов, призванных облегчить, сократить или усилить предстоящую работу. Любое такое новшество, которое эффективно вписывается в технологическую схему и которое в какой-либо заметной степени ускоряет темпы этой схемы на любом этапе, в настоящее время войдет во всеобщее и обязательное употребление, независимо от того, является ли его чистый скрытый эффект увеличением или уменьшением материального комфорта или промышленной эффективности. Это особенно актуально при нынешней финансовой схеме жизни, если новый способ служит конкурентной выгоде или

конкурентным расходам; тогда его всеобщее принятие безапелляционно приводит к ущербу и дискомфорту для всех тех, кто не в состоянии достичь нового темпа. Каждое новое средство, добавленное к системе и включенное в нее, предлагает не только новые средства для того, чтобы не отставать от хода событий в ускоренном темпе, но и новые шансы остаться не у дел. Это хорошо видно, например, на примере нынешних конкурентоспособных вооружений, где техника подвергается постоянному износу и моральному износу не из-за упадка или ветшания, а благодаря новым усовершенствованиям. То же самое можно сказать и о росте рекламы, который продолжался в течение последней четверти века, благодаря расширению возможностей и усовершенствованным методам в полиграфии, производстве бумаги и других отраслях промышленности, которые способствуют развитию средств рекламы.

Конечно, настоящим не подразумевается, что эти современные изобретения удовлетворяют какие-либо потребности, кроме тех, которые они сами создают. Бесспорно, что такие механические приспособления, например, как телефон, пишущая машинка и автомобиль, являются не только великими и заслуживающими похвалы технологическими достижениями, но и оказывают существенную услугу. В то же время по меньшей мере сомнительно, что на эти изобретения не было потрачено впустую больше усилий и вещества, чем они сэкономили, — что им следует приписать ощутимый чистый убыток. Они предназначены для облегчения путешествий и общения, и это, несомненно, их первый и очевидный эффект. Но конечный результат их внедрения ни в коем случае не должен быть одинаковым. Их основное применение заключается в обслуживании бизнеса, а не промышленности, и их большое дальнейшее применение заключается в продвижении или, скорее, ускорении создания обязательных социальных удобств. Как приспособления для ускорения товарооборота как в бизнесе, так и в общественных отношениях, они используются главным образом, почти полностью, по конкурентной природе; и в конкурентном снаряжении и маневрах бизнеса и аристократии будет обнаружен тот же общий принцип, который применим к конкурентоспособным вооружениям и усовершенствованиям в технологии ведения войны. Любое технологическое преимущество, полученное одним конкурентом, немедленно становится необходимостью для всех остальных под страхом поражения. Пишущая машинка, без сомнения, является хорошим и исправным приспособлением для отправки объемистой корреспонденции, но также нет разумных сомнений в том, что ее внедрение значительно более чем удвоило объем корреспонденции, необходимый для ведения данного объема бизнеса, или что она вчетверо увеличила необходимые расходы на такую корреспонденцию. И в то же время обработка корреспонденции стенографисткой и пишущей машинкой стала обязательной для всех коммерческих фирм под страхом потери касты и, следовательно, доверия своих корреспондентов. О телефоне можно сказать почти то же самое, с добавлением, что его использование сопряжено с очень заметным нервным напряжением, а его повсеместное присутствие приводит к постоянному нервному напряжению и беспокойству, где бы он ни находился. Самым большим безопасным результатом этих различных современных приспособлений, предназначенных для облегчения и сокращения поездок и связи, , по-видимому, является увеличение объема движения на единицу результата, ускорение темпа и усиление напряжения, с которым осуществляется движение, и, как следствие, увеличение нервных расстройств и сокращение эффективной трудовой жизни тех, кто занят в этом движении. Но в этих вопросах изобретательство - мать необходимости, и в рамках этих приспособлений для облегчения и сокращения труда альтернативы нет, и жизнь не предлагается ни на каких других условиях. [142](#)

Другие виды рутины, стандартизированные и тщательно продуманные, были или все еще остаются в силе, помимо этого машинного процесса жизни, осуществляемого в современных технологических условиях; и то или иное из них временами будет возрастать до уровня требований, вполне сопоставимых с требованиями машинного процесса. Но эти другие имеют иной характер в том смысле, что их требования не подкрепляются санкциями непосредственного механического характера; они не обрушиваются на правонарушителя прямым механическим воздействием, а наказания за несоответствие носят общепринятый характер. Так, *например*, пунктуальность религиозных обрядов может превратиться в очень жесткую рутину, которую следует соблюдать под страхом достаточно серьезных последствий; но в той мере, в какой эти возможные (эсхатологические) последствия поддаются оценке с точки зрения материального воздействия (пожара, серы или подобного), механически обученный современный потребитель будет склонен считать, что они носят только предполагаемый характер. Итак, опять же, в вопросе моды и приличий график соблюдения правил может быть достаточно строгим, но и здесь неспособность четко сформулировать пунктуальную рутину со всеми уверенными и твердыми прикосновениями эксперта не сдерживается немедленным катастрофическим воздействием механического удара. Соответствие в технологическом отношении заведенному порядку жизни при других технологических системах, отличных от машинного процесса, также имело нечто подобное характеру общепринятых предписаний; и дисциплина, обеспечиваемая заведенным порядком жизни в эти более архаичные технологические эпохи, также носила скорее характер обучения общепринятым приемам. Возникающий в результате рост привычек мышления в таком сообществе также должен аналогичным образом отличаться от того, что наблюдается в настоящем.

* * * * *

Следовательно, как по своему влиянию на рабочего, так и на членов общества в целом, обучение, обеспечиваемое нынешним состоянием промышленного искусства, является обучением безличному, количественному восприятию и оценке вещей, и оно имеет тенденцию сильно препятствовать и дискредитировать любое приписывание духовных черт фактам наблюдения. Это практическое обучение; более конкретно, это обучение логике машинного процесса. Его результатом, очевидно, должна стать безоговорочная материалистическая и механистическая враждебность во всех слоях общества, наиболее ярко выраженная в рабочих классах, поскольку они наиболее непосредственно и последовательно подвергаются дисциплине машинного процесса. Но такая враждебность, которая наилучшим образом согласуется с логикой машинного процесса, по-видимому, к добру это или к худу, не соответствует врожденной черте человеческой природы тех народов, которые подчинены его дисциплине. У всех различных народов христианского мира наблюдается явное сопротивление течению учения машины, возрастающее со временем и у определенных классов населения до степени отвращения.

Очевидно, что такое отвращение распространено главным образом среди умеренно обеспеченных, наполовину праздных классов, что время от времени приводит к фантастическим, архаизирующим культам и верованиям и к притворной вере в оккультные озарения и силы. В то же время, и с подобным оттенком жеманства и притворства, большая

часть общества испытывает чувство дезадаптации и дискомфорта, которое ищет лекарство в “возвращении к природе” тем или иным способом; своего рода возвращение к “простой жизни”, которое каким-то образом позволит избежать бесконечной “рутинной работы”, состоящей в том, чтобы жить изо дня в день машинным методом, и, таким образом, на время оставит позади обременительную тщетность, с помощью которой только и можно продолжать жизнь в рамках рутинного машинного процесса. .

Нельзя принимать все это неприятное отвращение за чистую монету; несомненно, во всех этих разговорах о простой жизни присутствует переменный, но довольно значительный элемент аффектации; но когда все должное смягчение допущено, остается значительный осадок искреннего протеста. Уровень и громкость этого протеста против “искусственного” и “бесполезного” образа жизни наиболее велики в развитых индустриальных странах, и он усиливается одновременно с наступлением машинной эры. Что, возможно, является более значимой реальностью, чем эти благовоспитанные заявления о дискомфорте и недовольстве, так это “отпуск”, являющийся более ощутимым явлением и поддающимся количественной оценке. Обычай “брать отпуск” в течение некоторого времени набирает обороты, и общепризнанная потребность в ежегодном или сезонном отпуске значительно превышает практику его проведения почти во всех профессиях. Это растущее использование отпусков должно быть достаточно убедительным доказательством того, что ни образ жизни, навязываемый машинной системой, ни занятия тех, кто находится в тесном контакте с этой технологией и соответствующими ей привычками мышления, не могут быть “естественными” для обычного образа жизни цивилизованного человечества.

Согласно общепринятым теориям наследственности, [143](#) цивилизованное человечество в силу врожденных способностей должно быть наилучшим образом приспособлено к жизни в условиях умеренно развитой дикости, чего не позволяют машинные технологии. [144](#) Следовательно, ни в физических условиях, которые оно создает, ни в привычных способах наблюдения и рассуждения, которые требуются для выполнения работы, эра машин не приспособлена к нынешним врожденным способностям расы. И эти различные проявления беспокойства и отвращения, насколько они того стоят, являются доказательствами того, что это так.

Не в последнюю очередь убедительным является тот факт, что значительная часть тех, кто неустанно служит машинному процессу, “ломаются”, впадают в преждевременный упадок сил. Физически и духовно эти современные народы лучше приспособлены к жизни в условиях, радикально отличающихся от тех, которые навязываются этой современной технологией. [145](#) Все это показывает, о каком пункте здесь идет речь, что какой бы требовательной и всепроникающей ни была дисциплина машинного процесса, в конце концов, она не может достичь своей совершенной работы путем привыкания населения христианского мира в его нынешнем виде. Предел терпимости, присущий этой расе, как в физическом, так и в духовном плане, не дотягивает до того абсолютного материализма и непрекращающейся механической рутины, к которым неуклонно подталкивает машинная технология.

* * * * *

Чтобы получить хоть сколько-нибудь полное представление о влиянии машинной технологии на масштабы и методы познания в наше время, необходимо вернуться к ее истокам. Исторически эпоха машин следует за эпохой ремесел, но они очень сильно пересекаются. Настолько, что,

хотя обычно считается, что эпоха машинных технологий наступила примерно полтора столетия назад, еще слишком рано утверждать, что промышленная система очистила себя от остатков ремесла или что привычки мышления, соответствующие временам ремесла, больше не являются определяющими в нынешнем правовом и популярном понимании производственных отношений. У дисциплины машинного процесса еще не было ни времени, ни четкого поля. Следовательно, лучшее, что можно ожидать в плане привычек мышления, соответствующих путям и средствам машинного процесса, должно быть чем-то вроде прогрессивного приближения; и соображения, изложенные в последних нескольких абзацах, должны вызывать сомнения в том, что что-либо большее, чем несовершенное приближение к логике машинного процесса, может быть достигнуто за счет какой-либо продолжительности обучения народами, среди которых уже достигнут наибольший прогресс в этом направлении.

Науки о материалах рано показали склонность к машинным технологиям, чего и следовало ожидать, поскольку эти науки находятся в особенно тесной связи с технологической стороной промышленности — почти в родственных отношениях. Ни в какой более ранний период взаимосвязь между наукой и технологией не была столь тесной. И реакция в отношении масштабов и методов этих наук на любой заметный прогресс в технологии была достаточно поразительной. Как уже указывалось выше, современная наука в целом использует статистические методы и точные механические измерения, и в этом вопросе научные исследования становятся все более уверенными и тщательными, в то же время эта механистическая процедура постоянно применяется все шире по мере продвижения вперед технологического прогресса. Вопрос о том, насколько этот статистико-механистический уклон современных исследований следует отнести к дрейфу технологий в сторону машиностроения, и насколько это может быть связано с постоянно растущим знакомством с концепциями бухгалтерского учета, навязываемыми системой цен и графиком рабочего времени в повседневной жизни, может быть оставлен открытым. Главным фактом остается то, что во многом в той же степени, в какой тонкости расчетов стали доминировать в современных технологических методах и устройствах, подобная настойчивость в отношении предельных тонкостей механических измерений и статистической точности также стала императивной в научных исследованиях; до тех пор, пока справедливо не будет сказано, что такое тщательное изучение количественных соотношений, которое казалось бы глупым в первые дни машинной эры, стало главной характеристикой научных исследований сегодня. ¹⁴⁶ Конечно, нельзя упускать из виду, что в этом вопросе количественных ограничений отношение между современной технологией и наукой представляет собой отношение взаимного отдачи и взятия; но этот факт вряд ли можно рассматривать как возражение против точки зрения, согласно которой эти две линии выражения современного образа мыслей тесно связаны друг с другом, поскольку именно о такой связи преемственности между ними здесь и идет речь.

Как показано в предыдущей главе, в ходе перехода к новому времени и современным способам мышления принцип действенной причины постепенно вытеснил принцип достаточного основания в качестве окончательного основания уверенности в выводах теоретического характера. Это смещение метафизической основы знания с субъективной на объективную в первую очередь и наиболее безоговорочно затрагивает материальные науки, как и должно быть, если это вообще можно истолковать как результат дисциплины, применяемой тогдашней технологией ремесленного производства. Но подобный эффект в настоящее время, хотя и с опозданием, наблюдается в других областях систематического знания, которые лежат дальше от непосредственного применения технологий и светского трафика. Так что ко времени

промышленной революции подобная механистическая враждебность проникла даже в философские и теологические рассуждения, ходившие в тех сообществах, которые были наиболее глубоко и безоговорочно затронуты дисциплиной ремесла и мелкой торговли. ¹⁴⁷

К этому времени — во второй половине восемнадцатого века — материальные науки (открыто) не признают в пределах своей компетенции никакого принципа систематизации, кроме принципа действенной причины. Но на тот момент концепция причинности все еще сохраняла большую часть содержания, приданного ей технологией ремесла. Действенная причина все еще понимается индивидуалистически; без серьезного преувеличения можно даже сказать, что концепция причины, используемая в настоящее время в научных спекуляциях того времени, имела нечто вроде квазиличностного облика. Расследование обычно обращалось к какой-то одной эффективной причине, задействованной в качестве творчески доминирующей в деле и работающей до конца при обуславливающих обстоятельствах, которые могли бы сильно повлиять на результат, но которые не ощущались (или не признавались), чтобы войти в дело с той же агрессивной направленностью причинности, которая принадлежала собственно эффективной причине. “Сопутствующие обстоятельства” были задуманы скорее внешне как аксессуар к событию; возможно, “аксессуар перед фактом”, но, тем не менее, аксессуар. А научное исследование приняло форму исследования причинно-следственной связи между предшествующим фактором (причиной или комплексом причин) и его результатом в событии. Исследование рассматривало начало и конец эпизода деятельности, результатом которого должен был стать готовый продукт, примерно так же, как готовое изделие выходит из рук мастера. Мастер — это организация, продуктивно занимающаяся делом, в то время как его инструменты и материалы являются дополнением к его силе и мастерству, а готовая продукция покидает его руки как достигнутая цель; и таким образом, эпизод творческой эффективности завершается.

С самого начала машинной эры в научных исследованиях проявляется новое отношение к вопросам причинно-следственной связи. Очевидное изменение, возможно, заключается в большем масштабе, в котором понимается причинно-следственная последовательность. Речь больше не идет преимущественно об эпизодах причинно-следственной эффективности, обособленных и округленных. Такие подробные эпизоды все еще продолжают входить в рутину расследования; это неизбежно, поскольку эти эмпирические науки шаг за шагом продвигаются к определению явлений, которыми они занимаются. Но во все большей степени эти обособленные явления стремятся переработать в теоретическую структуру большего масштаба, и эта более масштабная структура теории обретает форму самодетерминирующей последовательности кумулятивных изменений. Та же концепция процесса, которая господствует в машинных технологиях, вторгается в рассуждения ученых и приводит к появлению теорий кумулятивной последовательности, в которых отправная точка, а также объективный конец последовательности причинно-следственных связей постепенно приобретают все меньшее и меньшее определяющее значение для хода исследования и его результатов. В теоретических рассуждениях, основанных на данных эмпирических наук, интерес и внимание постепенно сосредотачиваются на этом процессе совокупной причинности, так что интерес к продуктивной эффективности завершения постепенно перестает быть решающим моментом в формулировках теории; которая, таким образом, становится описанием разворачивающегося процесса, а не сверкой индивидуальных следствий с индивидуальными причинами. То, что когда-то было окончательными вопросами, в современной науке превратилось в скрытые вопросы и утратило свое преимущественное место

в исследовании. Ни очаг эффективной инициативы, который, как предполагается, придает этому разворачивающемуся процессу кумулятивных изменений его содержание и направление, ни его конечная цель, на которой, как предполагается, он останавливается, когда первоначальный импульс исчерпан и его завершение достигнуто, — ни один из этих конечных элементов не привлекает внимания и не направляет исследования современной науки.

Лишь постепенно, одновременно с постепенным развитием машинных технологий, систематизация знаний в научной теории по общему согласию привела к сближению формулировок генетического процесса кумулятивных изменений. Эта наука машинного века является “эволюционной” в особенно безличном, даже механистическом смысле этого термина. В завершенной форме, какой она является на переходе к двадцатому веку, эта эволюционная концепция генетического процесса, по крайней мере в идеале, лишена всех телеологических элементов и всякой индивидуальности - за исключением того, что личность может быть признана побочным продуктом механистического размаха слепых движений грубой материи. Ни название, ни понятие генетической эволюции не являются чем-то особенным для машинного века; но эта текущая, безличная, нетелеологическая, механистическая концепция эволюционного процесса характерна для поздней современной моды восприятия вещей.

Само собой разумеется, что эта механистическая концепция процесса освободилась от персонализации и телеологической предвзятости лишь постепенно, путем незаметного распада и постепенного устранения тех предвзятых представлений о личной силе и телеологической пригодности, которые управляли всеми теоретическими знаниями в те дни, когда принцип достаточного основания преобладал над принципом действенной причины; и точно так же само собой разумеется, что этот переход к механистической основе ни в коем случае не является полным, что научное исследование еще не очистилось от всякого загрязнения анимистическими, антропоморфными или телеологическими элементами; поскольку изменение носит характер привычки, что требует времени, и поскольку дисциплина современной жизни, к которой прослеживается механистический склад ума, ни в коем случае не является полностью последовательной или безоговорочной в своем механистическом течении. И все же привыкание к механистическим способам мышления настолько возымело действие, и дисциплина машинного процесса была настолько всеобъемлющей и основательной, что механистическое, нетелеологическое представление об эволюции является сегодня обычным предубеждением как среди ученых, так и среди непрофессионалов; тогда как сто лет назад такое тщеславие глубоко затронуло воображение лишь очень немногих, если таковые вообще были, среди научных адептов новой эры.

Понять, о каком эффекте Лукреций и ему подобные в классической древности, *например*, могли рассуждать и пытаться говорить, исходя из этих предпосылок, отнюдь не легко; и это не касается настоящего исследования, поскольку не прослеживается никакой жизненно важной связи или преемственности привычек между их достижениями в этом отношении и теоретическими предубеждениями современной науки или машинной технологии. В наше время концепции эволюционной последовательности творения или генезиса возникают все чаще, и с раннего периода машинного века эти концепции приобретают все более механистический характер, но только до Дарвина такой генетический процесс эволюции понимался в терминах одних только слепых механических сил, без помощи вменяемых телеологических предубеждений или персонализированной инициативы. Возможно, вопрос о том, не загрязнена ли дарвиновская концепция эволюции телеологическими фантазиями,

остается открытым, но как бы то ни было, остается верным, что чисто механистическая концепция генетического процесса в природе не нашла места в научной теории вплоть до середины девятнадцатого века. С переменным успехом эта концепция с тех пор была усвоена адептами всех материальных наук, и можно даже сказать, что она является молчаливо постулируемым общим местом, лежащим в основе всей современной научной теории, будь то в области материальных или социальных наук. Это принимается по общему согласию как нечто само собой разумеющееся, хотя, несомненно, многие античные детали, расходящиеся с этим, остаются в стороне как в теоретических формулировках адептов, так и в популярной мысли, и должны продолжать оставаться в стороне до тех пор, пока процесс привыкания со временем не сможет, предположительно, утвердить исключительную компетентность этой механистической концепции как окончательной нормы систематического знания. Должно ли такое развитие событий превзойти масштабы и методы познания в западной цивилизации, по-видимому, должно быть вопросом того, насколько длительной, последовательной, абсолютной и насколько соответствующей их исконным наклонностям дисциплина машинного процесса может оказаться в дальнейшей истории этих народов.

* * * * *

Как было показано выше, в своем зарождении машинная технология взяла верх над рабочими концепциями ремесла, и она постепенно перешла с предоставленной таким образом основы ручного управления на основу безличного механического процесса; но это смещение базы в отношении элементарных технологических предубеждений до сих пор не было полным, большая часть личного отношения ремесленников к механическим силам и структурам все еще видна в работах современных технологов. Аналогичным образом и одновременно с переходом к машинной промышленности произошло аналогичное изменение точки зрения и элементарных научных представлений. Наиболее широко и далеко это проявилось в науках о материалах, как и следовало ожидать, исходя из тесной связи, существующей между этими науками и технологией машиностроения; но и здесь устранение ремесленных концепций до сих пор не было полным. И, что более поучительно в отношении роли, которую играет технологическая дисциплина в развитии науки, характер этого изменения научных масштабов, методов и предубеждений, очевидно, таков, какой был бы обусловлен привыканием к машинному процессу. Там, где более поздние научные исследования отошли от ограничений, налагаемых привычками мышления, свойственными ремеслу, или преодолели их, движение приняло направление, навязанное машинной технологией.

Так, *например*, хотя элементами, используемыми машинной технологией и характеризующими ее работу, являются концепции массы, скорости, давления, напряжения, вибрации, смещения и т.п., эти элементы используются только в соответствии с правилом, согласно которому действие в любом из этих подшипников осуществляется только при ударе, непосредственном контакте или через непрерывную среду. Математические вычисления и разъяснения, которые являются одним из основных инструментов, используемых технологом, не включают и не могут включать этот основополагающий постулат контакта, поскольку это предположение чуждо тем величинам, в терминах которых данная технология выполняет свою работу. Насколько это предубеждение о том, что действие может происходить только при контакте, может быть оценено как элементарная концепция, перенесенная из ремесла, где она, очевидно, является

домашней и фундаментальной во всей работе манипулирования, возможно, будет праздным вопросом. В любом случае машинная технология в этом плане едина с мастерством, хотя в современных промышленных процессах есть много особенностей, которые не предполагают контактного воздействия таким очевидным образом, чтобы предполагать его необходимое допущение, как, *например*, в процессах, связанных с использованием света, тепла или электричества. И все же остается верным, что, в общем и целом, технология машинного процесса - это технология контактного воздействия; и, очевидно, находясь под давлением этого широкого, хотя и не обязательно универсального применения принципа, опытный технолог не успокоится до тех пор, пока он каким-либо разумным образом не истолкует любое очевидное исключение как особый случай в соответствии с правилом.

То же самое происходит и в современных научных исследованиях. Концептуальные элементы, с которыми ученый довольствуется работой, - это именно те, которые зарекомендовали себя как компетентные в своем технологическом использовании. Поскольку действие посредством контакта является, в целом, принципом работы машинного процесса, оно также принимается в качестве основного постулата при формулировании всех точных знаний о безличных фактах. Здесь, конечно, нет склонности критиковать или возражать против этого характерного образа мыслей, который пронизывает современные научные исследования. Он сослужил хорошую службу, и для нынешнего поколения, обученного невероятно эффективным методам машинного процесса, тот факт, что он работает, является неоспоримым доказательством его истинности.¹⁴⁸ Однако не следует упускать из виду еще один факт, что приверженность этому принципу объясняется не просто бесхитростным наблюдением. Это принцип, привычка мышления, а не факт простого наблюдения. Несомненно, это факт наблюдения, прямого и недвусмысленного, в отношении наших собственных ручных операций; и, несомненно, также это вопрос такого быстрого вывода в отношении многих внешних явлений, чтобы добросовестно выполнять свои обязанности как факт наблюдения; но, несомненно, также есть многие из этих внешних явлений, которые должны быть несколько кропотливо истолкованы, чтобы подчинить их правилу. Вполне возможно, что даже если бы такая привычка к мышлению не была передана из опыта ремесла, она могла бы быть вызвана дисциплиной машинного процесса и даже могла бы укорениться у людей, подвергшихся этой дисциплине достаточно строгим образом, чтобы служить основным постулатом научного исследования; машинный процесс, несомненно, подтверждает такой принцип в основном, и очень строго. Но с точки зрения исторического факта совершенно нет необходимости предполагать, что этот принцип контактного действия является *новым* продуктом машинной дисциплины, поскольку он старше появления машинной промышленности и также вполне соответствует трудовым привычкам, навязанным технологией кустарного производства, даже в большей степени, чем технологии машинной промышленности. Представляется совершенно несомненным, что этот принцип является наследием, заимствованным из жизненного опыта во времена ремесленничества. И, возможно, даже остается открытым вопрос, не имела бы сегодня машинная технология существенно иного облика, если бы она развивалась, как это предположительно могло бы произойти, без жестких ограничений, налагаемых этим постулатом. Несомненно, научное исследование и теоретические формулировки, полученные в результате такого исследования, несколько заметно отличались бы от того, что они представляют собой в настоящее время, если бы ученые приступали к своей работе без такого постулата или придерживались его в ограниченном смысле, как принципа ограниченной сферы применения, применимого только в

пределах ограниченного круга явлений, только в той мере, в какой эмпирические данные могут подтвердить его в деталях.

Если, как кажется, по крайней мере предположительно, этот принцип действия посредством контакта обязан своим происхождением привычкам, вызванным манипуляцией, то будет видно, что он имеет антропоморфное происхождение. И если, кроме того, своим признанием в качестве принципа, универсально применимого к материальным явлениям, он обязан длительной дисциплине жизни в рамках технологии ремесла, то его универсальность также должна быть оценена как антропоморфное вменение, навязанное долгой привычкой. Это по своей природе привычка, и более того, привычка рабочего. Возвращаясь к прошлой истории цивилизации и к современным низшим культурам, окажется, что рассматриваемый принцип (привычка мышления) преобладает повсюду и, предположительно, на протяжении всего человеческого времени; как и должно быть, если его можно проследить до такого повсеместного опыта, как манипуляция. Но также окажется, что, за исключением пределов, во времени и пространстве, высокого уровня мастерства и машинной технологии, этот принцип не присваивает себе универсального обязательного авторитета в области внешних явлений. Не только принципы магии и теологии расходятся с утверждением, что действие может происходить только при механическом контакте; но и в наивном мышлении обычного человечества за пределами этой созданной машинами западной цивилизации действие на расстоянии явно не является ни идиотским, ни непонятным как знакомая черта внешних объектов в их повседневном поведении.

И ни в коем случае это не благодарная работа спонтанного пристрастия, все это механистическое искажение объективной реальности до простых инертных измерений и сопротивления давлению; о чем свидетельствует широко распространенное отвращение, хроническое или периодическое, к ее принятию в качестве окончательного термина знания. Непрофессионалы ищут передышки в тумане оккультных и эзотерических верований и культов и поэтому возвращаются к желанию верить в то, о чем органы чувств не передают никаких свидетельств; в то время как образованные и прилежные люди, испытывая ту же “щемящую пустоту”, втягиваются в спекулятивные догматы мнимого знания, которые претендуют на то, чтобы приблизиться к сердцу реальности, и которые ускользают от всех механистических доказательств или опровержений. Само по себе это отвращение к мышлению в неокрашенных механистических терминах наводит на мысль о параллели с тем другим отвращением, о котором уже говорилось, к геометрически выверенной рутине поведения, навязанной современной жизни машинным процессом; эти два явления по большей части совпадают или сопутствуют, как с точки зрения класса лиц, затронутых каждым из них, так и с точки зрения неопределенной меры окончательности, сопровождающей сделанный таким образом шаг в любом случае. Ни образ жизни, навязанный машинным процессом, ни образ мышления, привитый привычкой к его логике, не будут соответствовать свободному движению человеческого духа, рожденного, как это есть, для приспособления к условиям дикой жизни. Так происходит неудержимое — в некотором смысле врожденное — возрождение магии, оккультных наук, телепатии, спиритуализма, витализма, прагматизма. [149](#)

Выше отмечалось, что действие посредством контакта не включается, за исключением субпозиции, в математические формулировки технологии или науки. Теперь следует добавить,

что при всей одновременности и последовательности, которыми пользуются математические формулировки механических явлений, предположение о сопутствии или последовательности на расстоянии удовлетворяет требованиям формул столь же убедительно и обычно проще, чем предположение о сопутствии только при контакте. Чтобы осознать трудности, с которыми сталкивается этот постулат о том, что действие обусловлено исключительно механической непрерывностью, а также *очевидную* глупость самого принципа, необходимо всего лишь вспомнить запутанные теории тяготения, призванные сохранить его в неприкосновенности, и чудо несообразной неосязаемости, известное как эфир, — твердую и невесомую жидкость.

С принципом действия связана только механическая непрерывность второго метафизического постулата науки — сохранения энергии, или постоянства количества. Как и его аналог, он не допускает эмпирического доказательства, но точно так же считается, что он имеет универсальное применение. Этот принцип, согласно которому количество вещества или энергии не увеличивается и не уменьшается, или, что, возможно, лучше, что количество механических факторов в целом неизменно, имеет больше оснований для того, чтобы считаться побочным продуктом машинной технологии; хотя такое утверждение, несомненно, может быть разрешено только с широкими оговорками. Не то чтобы этот принцип не был известен или формально не принимался до эпохи машин; давным-давно римский ученый и последовавшие за ним философы-схоласты провозгласили *ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti*. Но на протяжении всей эпохи ремесла также продолжал свято соблюдаться постулат о том, что материальная вселенная имела начало в акте творения, а также о том, что когда-нибудь ей придет конец, количественный коллапс. По мере развития эры ремесел и, по-видимому, по мере того, как дисциплина жизни при той технологии навязывала привычное принятие утверждения о том, что количество материальных фактов постоянно, было потрачено много изобретательности и двусмысленных высказываний в попытке согласовать механическую эффективность творческого приказа с изречением "*из ничего*". Но вплоть до конца той эпохи остается верным, что в целом народы христианского мира продолжали верить в механическую созидательную эффективность Великого Мастера; хотя, следует признать, со все возрастающим опасением, что в этом догмате веры они оказались лицом к лицу с божественной тайной. Ученые восемнадцатого века, и многие даже в девятнадцатом веке, продолжали исповедовать веру в творческое происхождение материальных вещей, а также в провиденциальное руководство материальными событиями, которые, должно быть, предполагались как осуществляемые каким—либо иным способом, кроме действия через механический контакт, поскольку один из элементов отношения не был задуман как имеющий механическую природу.

Только после того, как машинный век пошел полным ходом и машинные технологии пришли на землю, вера в теорему сохранения энергии стала достаточно прочной, чтобы позволить ученым потерять интерес ко всем вопросам творения. Догмат умер из-за пренебрежения, а не из-за опровержения. То, что это произошло среди адептов материаловедения и что это происходит среди непрофессионалов в целом в современных промышленных сообществах, вероятно, следует отнести на счет дисциплины машинного процесса и технологических концепций, к которым эта дисциплина ведет. Это ведет к такому результату более чем одним способом. Эта современная технология представляет собой технологию механического процесса; она ориентируется на последовательность механических действий и заботится о ней, а не об условиях ее начала или последовательности ее завершения. Разум, проникнутый логикой этого машинного процесса, по привычке или с острым эффектом не обращает внимания на эти

чуждые материи, которые не имеют никакого значения в рамках этой логики. Творческое увеличение материальных объектов - это вопрос, выходящий за рамки логики машины.

Как уже отмечалось, принцип (привычка мышления), согласно которому количество материальных фактов постоянно, неизбежно имеет древнее происхождение и долгое развитие. Взятый в предположительном смысле и широко используемый как обыденный опыт, он, должно быть, возник и приобрел некоторую силу очень рано в трудовом опыте расы. И чем ближе применение к рассматриваемой работе, тем последовательнее будет этот принцип здравого смысла утверждать себя; так что он должен, как это действительно достаточно очевидно, быть как дома среди обычных обобщений, распространенных во времена ремесла; хотя, по—видимому, в то время он не был общепринятым принципом, обязательно имеющим универсальное применение, - о чем свидетельствует тогдашнее доверие к теологическим догмам о сотворении мира и тому подобному. Привычки бухгалтерского учета, возникшие при системе цен, по мере того как объем рынка расширялся с ростом и диверсификацией ремесел, по-видимому, оказали большое влияние на расширение и подтверждение привычного принятия такой теоремы. Строгий баланс, постоянное равновесие задействованных количественных показателей, является центральным фактом профессии бухгалтера. И эта привычка к тщательному анализу и балансированию количеств, а также кропотливому отслеживанию и учету любого очевидного избытка или недостатка в обрабатываемых суммах пронизывает общество в целом, хотя и в менее выраженной форме, а также ту часть населения, которая занята в торговле. Дисциплина ремесленной системы в этом отношении неуклонно набирает обороты по мере развития этой технологической системы с присущим ей управлением бизнесом.

Когда в настоящее время машинные технологии продвигаются вперед, это привычное предубеждение, касающееся неизменности количества материала, находит новые применения и новые тонкости применения, в результате чего его руководство мышлением людей становится все более всеобъемлющим и безапелляционным. Но только спустя полвека после Промышленной революции можно сказать, что этот принцип, наконец, получил безоговорочное признание в качестве теоремы, универсально применимой к материальным явлениям. К тому времени — примерно ко второй четверти девятнадцатого века — безусловная справедливость этой теоремы стала настолько очевидной, что она фактически перешла от эмпирического обобщения к метафизическому тезису. Затем ученые мужи совершенно бесхитростно приступили к доказательству закона сохранения энергии, апеллируя к экспериментам и рассуждениям, которые с абсолютной наивностью исходили из молчаливого предположения о подлежащей доказательству теореме.

* * * * *

В своем влиянии на рост институтов машинная технология еще едва успела наложить свой отпечаток. Такие институциональные факторы, как, например, общее право, неизбежно характеризуются медленным ростом. Система гражданских прав - это не только сбалансированная схема привычных реакций на те стимулы, под воздействием которых они вступают в силу; в то же время это схема, санкционируемая общепризнанным согласием, которое выразится в оценке этих институциональных элементов как фактов использования с незапамятных времен или как неотъемлемо присущих природе вещей с самого начала. Такие гражданские институты формируются как предписывающий обычай, и вопросы привычки,

которые таким образом поддерживаются широкими основаниями подлинности и корреляции с другими элементами предписывающей схемы вещей, лишь с запозданием адаптируются к любому изменению ситуации или к любому новому уклону в развитии дисциплины. То, что произошло в вопросе гражданских прав при системе ремесла, является показательной иллюстрацией. Вряд ли стоит сомневаться, но схема естественных прав восемнадцатого века была результатом длительной дисциплины, характерной для эпохи ремесла, и адаптацией к требованиям повседневной жизни в рамках этой системы.

Система естественных прав с ее принципами естественной свободы и требованием индивидуальной самопомощи была хорошо адаптирована к требованиям ремесла и мелкой торговли, дух которых она отражает с завидной точностью. Но это был медленный рост, каким и должна быть любая схема институтов по природе вещей. Настолько, что ремесло и мелкая торговля эффективно функционировали около полудюжины веков, набирая все большую силу, прежде чем соответствующая система гражданских прав и моральных обязанностей оправдала свои претензии на управление экономическими делами общества. Действительно, только ко второй половине восемнадцатого века система естественных прав достигла достаточной зрелости и, наконец, приобрела статус надежного принципа просвещенного здравого смысла; и к тому времени ремесленная система уступала место машинной промышленности. И даже тогда этот результат был достигнут только в наиболее развитом промышленном сообществе Европы, где дисциплина ремесла и торговли имела наибольший простор для реализации своих естественных наклонностей при наименьших помехах со стороны других доминирующих интересов, противоречащих школьному образованию. [150](#)

Таким образом, получилось так, что, хотя система естественных прав является институциональным побочным продуктом ремесленного производства в рамках ремесленной системы и адаптирована к потребностям ремесленничества и мелкой торговли, она никогда полностью не влияла на формирование институтов, пока этот этап экономической жизни не был в значительной степени пройден, или пока новая эра машинной промышленности и крупного бизнеса, вызванного новыми технологиями, не стала управлять экономической ситуацией. Таким образом, до сих пор работа машиностроительной промышленности была организована и велась в соответствии с кодексом юридических прав и принципами ведения бизнеса, адаптированными к состоянию промышленного искусства, которое вытеснила машиностроительная промышленность. В последнее время, это правда, требования машинной технологии в плане крупномасштабной организации, непрерывности функционирования и межотраслевого баланса промышленной системы начали демонстрировать себя настолько явно расходящимися с этими принципами бизнеса, порожденными эпохой ремесла, что бросают тень сомнения на адекватность этой “естественной” метафизики естественной свободы, самопомощи, свободной конкуренции, индивидуальной инициативы и тому подобного. Но, каким бы резким ни было несоответствие между принятой системой экономических институтов, с одной стороны, и работой машинной технологии, с другой, ее влияние на изменение существующих привычек мышления в этих предпосылках до сих пор не привело ни к чему более определенному, чем к тревожному убеждению, что “С этим что-то нужно будет сделать”. Действительно, машинный процесс настолько далек от того, чтобы переделать принципы промышленного управления в отличие от технологических процедур, что усилия, вдохновленные ответственными государственными чиновниками и общественно настроенными гражданами этим патентным несоответствием, до сих пор были полностью направлены на приведение промышленности в соответствие с с устаревшей схемой принципов

ведения бизнеса, вместо того чтобы подумать о том, как наилучшим образом вести производственные дела и распределять средства к существованию в соответствии с технологическими требованиями машиностроительной промышленности.

Это правда, что среди рабочих, и особенно среди тех квалифицированных рабочих, которые прошли обучение машинной технологии и подвергаются полному воздействию машинной дисциплины, некритичная привычная вера в эту институциональную схему начинает рушиться, что касается принципа Естественных прав, который наделяет владельца собственности неограниченной свободой действий, и что касается собственности на материальное оборудование промышленности. Но это примерно настолько широкое суждение такого рода, насколько позволяют подтвердить текущие факты общественного мнения и агитации, и этот начальный разрыв с общепринятыми привычными взглядами, касающимися сборов и обязательств по осмотрительности в производственных вопросах, чрезвычайно расплывчат и почти полностью негативен. Даже у тех членов сообщества, которые наиболее непосредственно и строго подвергаются его дисциплине, машинный процесс до сих пор не вызвал такого определенного предубеждения, такого позитивного привычного отношения рабочей инициативы к конвенциям промышленного менеджмента, чтобы привести к конструктивному отклонению от общепринятых принципов.¹⁵¹

С другой стороны, принципы ведения бизнеса, порожденные привычкой мышления, породившей систему Естественных прав, имели серьезные последствия для мастерства в условиях, навязанных машинной промышленностью. Как было показано в некоторых деталях в предыдущей главе, индивидуалистическая организация работы в сочетании с индивидуальным применением технологии кустарного производства и упор на ценообразование и самопомощь из-за постоянно растущего обращения к сделкам и продаже (“свободный контракт”) в рамках этой системы, привели, в конце концов, к привычной оценке мастерства с точки зрения цены, которую оно могло бы принести. Тогда, как всегда, деловитость рабочего вызвала одобрение вдумчивых людей, поскольку служила общему благу и являлась существенным проявлением человеческого совершенства; и в то же время, тогда, как всегда, эффективная работа была источником комфорта и самодовольства для рабочего. Но в соответствии с учением о системе цен эффективность стала оцениваться с точки зрения денежной выгоды.

С появлением машиностроительной промышленности эта денежная оценка эффективности получила новый импульс и повлекла за собой новые последствия как для технологий, так и для бизнеса. Как правило, машинная промышленность работает в больших масштабах, в отличие от кустарного производства, и она предполагает относительно широкое и жесткое разделение труда между изготовлением и сбытом продукции. В условиях крупной собственности, подразумеваемой этой современной промышленной системой, рабочие больше не несут и не могут нести ответственность за финансовое управление промышленным концерном; с другой стороны, те же условия крупной собственности и обширных деловых связей требуют от ответственных бизнесменов делегировать непосредственный надзор за заводом и его технологическими процессами в другие руки и посвящать свою собственную энергию финансовому управлению концерном и его операциями. Отсюда следует, что по мере того, как машинная система и сопутствующее ей высокоспециализированное коммерческое предприятие достигают большего масштаба и более высокой степени развития, ответственные

бизнесмены из-за обучения и постепенного ограничения интереса становятся все менее и менее компетентными для удовлетворения технологических потребностей машинной системы. Но в то же время свобода действий в технологических вопросах по-прежнему остается в их руках в силу их права собственности. Таким образом, хотя ответственность за технологическое усмотрение по-прежнему лежит на них и не может быть полностью передана в другие руки, требования предпринимательской деятельности и связанного с ней обучения больше не позволят им компетентно выполнять эту ответственность.

Бизнесмены, контролирующие крупные промышленные предприятия, начинают осознавать свою собственную непригодность направлять, надзирать или даже контролировать технологические вопросы, и поэтому они, в качестве эксперимента, стали нанимать экспертов для выполнения работы за них. Такие эксперты известны в просторечии как “инженеры по повышению эффективности” и, как предполагается, сочетают в себе квалификацию технолога и бухгалтера. Фактически, именно как бухгалтеры, способные применять тесты бухгалтерского учета в новой области, эти эксперты хвалят себя перед бизнесменами, находящимися под контролем, и “эффективность”, на которую они рассчитывают, - это эффективность, рассчитываемая в терминах чистой денежной выгоды. “Эффективность” в этих предпосылках означает денежную эффективность, и только случайно или во вспомогательном смысле она означает производственную эффективность - только в той мере, в какой промышленная эффективность приводит к наибольшему чистому денежному выигрышу. Все это время бизнесмены сохраняют решающую превосходящую свободу действий в своих собственных некомпетентных руках, поскольку все это время весь вопрос остается деловым предложением. “Организация персонала”, в которую входит высший контроль над этими технологическими процессами, неизменно остается организацией житейской мудрости, деловой предприимчивости, а не технологического мастерства, — положение вещей, которое не подлежит исправлению до тех пор, пока промышленность работает ради прибыли.

Тем временем рабочие всех видов и рангов — разнорабочие, механики, оперативники, инженеры, эксперты - все руководствуются одними и теми же денежными принципами эффективности, выполняют свою работу, более чем вполглаза учитывая денежную выгоду от того, что у них в руках. Отношение профсоюзов к своей работе и к промышленным концернам, на службе у которых выполняется их работа, в некоторой степени иллюстрирует обычное состояние ума этих людей, которые являются признанными экспертами в области мастерства.

В последнее время сообщество в целом, а также отдельные слои и классы промышленного сообщества сталкиваются со многими неудобствами, в основном из-за последовательного соблюдения этих принципов ведения бизнеса при управлении производственными делами. Работодатели-капиталисты, с одной стороны, использовали все полномочия, которыми наделил их современный институт собственности и его широкие последствия; в результате общественность в целом, инвесторы, потребители промышленной продукции, пользователи учреждений “общественного назначения”, обслуживающих такие потребности, как свет, топливо, транспорт, связь, развлечения и т.д., чувствуют себя очень обиженными; также, и особенно рабочие, с которыми работодатели-капиталисты ведут бизнес на принципах, установленных подлинными деловыми принципами, связанными с дискреционным владением промышленным предприятием и ресурсами. С другой стороны, рабочие, основываясь на том же самом здравом смысле, что индивид является самодостаточной экономической единицей, которая ничего не должна обществу в целом, кроме того, что он может свободно предпринять

“за хорошее и ценное вознаграждение, выплачиваемое лично”, - рабочие также опираются на все полномочия, предоставленные им нынешними институтами собственности и договорным усмотрением, и поэтому причиняют вред, какой только могут, своим работодателям и обществу в целом, всегда безупречно соблюдая правила игры, установленные издревле на финансовых принципах предпринимательской осмотрительности, и в свете о том смысле, который придало им их обучение в отношении эффективности в отраслях, попавших в их руки. И тогда “власть денег” выступает в качестве третьего финансового фактора, обладающего все возрастающей силой и пронизательностью, чтобы таинственным и непоправимым образом запутать всю ситуацию, заботясь о своих собственных денежных интересах даже более трезвым и законным способом, если это возможно, чем управление рабочими своими собственными делами.

Конечно, вся эта работа с противоположными целями происходит не только из-за тренированной неспособности нескольких участников оценить большие и общие требования производственной ситуации; возможно, это даже не главным образом из-за такой неспособности, а скорее из-за привычного и традиционно законного пренебрежения другими соображениями, кроме денежных. Несомненно, представляется, что выработанная неспособность воспринимать что-либо иное, кроме непосредственной денежной отдачи от своих маневров, составляет большую долю в поведении бизнесменов, контролирующих производственные дела, чем в поведении их рабочих, поскольку привычная занятость первых заставляет их более строго и последовательно оценивать в денежном выражении все, что попадает под их руки; и подобное должно быть справедливо только в большей степени для тех, кто имеет дело исключительно с финансовой стороной бизнеса. Состояние промышленного производства требует, чтобы эти несколько факторов взаимодействовали разумно и безоговорочно, с оглядкой исключительно на требования этой современной широко распространенной технологической системы; но их привычное пристрастие к денежным, а не технологическим стандартам и соображениям заставляет их работать в противоположных целях. Точно так же их (денежные) интересы пересекаются; и поскольку эти интересы обязательно преобладают в любой финансовой культуре, они должны определить линию поведения для каждого из нескольких задействованных факторов.

Эти расхождения, обструктивная тактика и непригодная для использования практика обычно вызывают сожаление и, по-видимому, достойны сожаления, и они, несомненно, заслуживают широкого обсуждения на этой основе, но их достоинства в данном аспекте здесь должным образом не учитываются. Этот вопрос был поднят здесь не с какой-либо целью защиты, доноса или средства правовой защиты, а потому, что это имеет серьезные последствия для обучения, полученного благодаря деловому опыту этих людей, в руки которых нынешняя схема институтов передала технологическое состояние сообщества. И независимо от того, происходят ли эти финансовые тактики и практики, занимающие столь большое место во внимании и чувствах нынешнего поколения, главным образом из-за отсутствия понимания текущих технологических потребностей или из-за преднамеренного выбора зла, вызванного денежными потребностями дела, все равно их дисциплинарная ценность как влияющая на чувство мастерства, взятое в более широком масштабе, будет практически одинаковой в любом случае. Привыкание к торгам и принципам конкуренции в бизнесе неизбежно приводит к тому, что денежные стандарты эффективности вторгаются (загрязняют) чувство мастерства; так что работа, рабочие, оборудование и продукты начинают оцениваться по шкале денежной ценности, которая имеет лишь косвенное и часто лишь предположительное отношение к их трудовой эффективности или пригодности для использования. Те профессии и те способности, которые

приносят хорошую отдачу с точки зрения цены, считаются ценными и достойными похвалы — общепринятым критерием успеха и даже пригодности к эксплуатации являются полученные выгоды. Мастерство часто путают с умением продавать, пока такт, наглость и изворотливость не стали служить стандартом эффективности, а незаработанная выгода не стала приниматься за показатель продуктивности.

Эффективность способствует общему благу, а также является похвальной чертой характера человека, который ее проявляет. Но в соответствии с канонами самопомощи и денежной оценки критерием эффективности в экономических вопросах стало не технологическое мастерство и производственный эффект, а мастерство в управлении деньгами и приобретении богатства. Как по его собственной оценке, так и в глазах его товарищей, человек, который много добивается, преуспевает; считается, что он преуспевает как с точки зрения личной эффективности, так и с точки зрения способности служить общему благу. “Преуспевать”, выражаясь современным языком, означает поглощать что-то значительно большее из общественного богатства, чем выпадает на долю обычных людей. Но поскольку прибыль, а следовательно, и эффективность, оцениваются в терминах цены, из этого следует, что человек, рабочий или бизнесмен, который может побудить своих собратьев хорошо заплатить ему за его услуги или его товары, считается эффективным и пригодным к эксплуатации; из этого следует, что в соответствии с этим канонем денежной эффективности предполагается, что люди служат общему благу в некоторой степени пропорционально тому, насколько они способны побудить общество платить за их услуги больше, чем они того стоят.

Бизнесмен, который получает много за небольшие деньги, который получает что-то даром, оценивается, как в его собственном, так и в глазах его соседей, как общественный благотворитель, необходимый для благосостояния общества, и как вносящий вклад в общее благо прямо пропорционально сумме, которую он смог извлечь из совокупного продукта. Возможно, нет необходимости напоминать, что такого характера основные факты в истории всех крупных состояний;¹⁵² хотя текущие отчеты об их накоплении, определяемые денежными стандартами эффективности и полезности, в основном касаются услуг, оказанных обществу в результате торговли, в которую вмешивались великие капитаны в поисках наживы. Преобладание торгового мастерства, то есть деловой предприимчивости, и вытекающая из этого высокая репутация деятельности и способностей продавца в любом сообществе, организованном по системе цен, является, пожалуй, самым серьезным препятствием, которое денежная культура противопоставляет прогрессу в мастерстве. Это вторгается в самую сокровенную и тайную работу человеческого духа и загрязняет чувство мастерства на начальном этапе, а также формирует как склонность к эффективной работе, так и склонность к полезности в целях, идущих вразрез с общим благом.

Но в условиях, порожденных машинной технологией, рамки этого финансового стандарта изготовления были значительно расширены. В целом, машиностроительная промышленность требует крупномасштабной организации, и это становится все более очевидным по мере того, как проходит время и машинный процесс все более полно доминирует в промышленной ситуации. В результате того же шага инициативы и осмотрительности перешли к тем, кто может претендовать на владение столь необходимым крупным материальным оборудованием, и проявление такой инициативы и осмотрительности этими владельцами примерно пропорционально величине их активов. Мелкие собственники обладают такой же свободой инициативы и усмотрения с точки зрения юридической и конвенционной компетентности —

такая свобода и равенство между людьми составляют суть Естественных Прав; но с точки зрения практического факта, определяемого технологическими и деловыми потребностями, у таких мелких собственников остается лишь небольшая свобода действий. Инициатива и свобода действий в современных промышленных вопросах принадлежат владельцам промышленного предприятия или таким финансовым концернам, которые могут иметь отношение к андеррайтингу владельцев предприятия; такая свобода действий осуществляется посредством денежных операций; и эти денежные операции, посредством которых управляется и контролируется поведение отрасли, заключаются с целью получения ценовой выгоды. Будет лишь небольшим преувеличением сказать, что такие сделки, которые определяют ход развития промышленности, осуществляются с единственной целью получения денежной выгоды, — промышленные последствия и их влияние на благосостояние общества являются вопросами, второстепенными при ведении бизнеса. Проще говоря, при господстве современных технологий и принципов ведения бизнеса промышленностью управляют бизнесмены в коммерческих целях, а не технологические эксперты или ради материальной выгоды сообщества. И в этом контроле над промышленными делами мелкие бизнесмены в значительной степени зависят от усмотрения более крупных. [153](#)

По древней привычке, унаследованной со времен ремесла и мелкой торговли, такое управление денежными средствами традиционно считается направленным на производство товаров и услуг, и бизнесмен по-прежнему традиционно оценивается как производитель, а его прибыль принимается как показатель эффективности его производства. В общепринятой речи “производитель” означает владельца промышленного предприятия, а не нанятых рабочих или механический аппарат, в котором они задействованы. [154](#) “Производители”, “фабриканты”, “капитаны промышленности”, чьи интересы защищены действующим законодательством и блюстителями закона и порядка, - это бизнесмены, имеющие денежный интерес в производственных делах; и именно их денежные интересы так охраняются в наивной вере, что материальные интересы общества в целом совпадают с возможностями получения прибыли, которые таким образом обеспечиваются бизнесменам.

Выше уже говорилось о том, что производственные процессы связаны всеобъемлющей системой взаимных уступок таким образом, что ни одна значительная часть этой промышленной системы не функционирует независимо от остальных. Промышленную систему в целом можно рассматривать как комплексный машинный процесс, несколько подпроцессов которого технологически взаимопроникают и разветвляются в то, что можно представить как сеть элементов, работающих в подвижном равновесии, ни один из которых не может работать с полной производительной эффективностью, кроме как в должным образом сбалансированном соотношении со всеми остальными. Эта характеристика будет строго применима только в той мере, в какой машинная технология захватила различные отрасли промышленности, но в свободной, хотя и отнюдь не праздной форме она применима и к тем элементам промышленной системы, в которых машинная технология еще не стала доминирующей. Поскольку промышленная система носит такой характер, также будет считаться, что управление бизнесом какой-либо одной отрасли, или линии, или группы отраслей будет оказывать влияние на остальные, в первую очередь и непосредственно на те другие отрасли, или линии, с которыми данная система находится в непосредственных отношениях взаимовлияния, через рынок или более непосредственно через технологическую корреляцию, — как, например, в транспортной системе. Управление бизнесом, влияющее на значительную часть этой сбалансированной системы, обязательно окажет широкомасштабное влияние на работу системы в целом. Такой

деловой контроль над промышленностью, как только что было отмечено выше, осуществляется с целью получения денежной выгоды; но денежная выгода в этих условиях проистекает из изменений, и предполагаемых изменений, в эффективности различных производственных процессов, на которые распространяется такой контроль, а не от повседневного функционирования нескольких задействованных единиц оборудования. Изменения, которые таким образом приносят выгоду этим более крупным бизнесменам, могут быть благоприятными для эффективной работы промышленности, но они также могут быть и неблагоприятными; и возможности для получения прибыли, которые они предоставляют более крупным бизнесменам, могут быть одинаково выгодными независимо от того, благоприятны или неблагоприятны рассматриваемые нарушения для эффективности производства. Выгоды, которые можно извлечь из такого нарушения, пропорциональны величине нарушения, а не его промышленной производительности. Из этого, конечно, следует, что если машинная технология станет настолько доминирующей в промышленной ситуации, что свяжет всю промышленность в рамках строго всеобъемлющего сбалансированного процесса, материальное благополучие общества окажется безоговорочно и во всех деталях в руках тех крупных бизнесменов, которым принадлежит окончательное финансовое усмотрение.

В качестве уточнения к этому общему утверждению следует отметить, что, хотя выгоды бизнесменов высшего ранга накапливаются указанным способом — посредством беспорядков, которые безразлично могут быть благоприятными или неблагоприятными для промышленности, - все же в долгосрочной перспективе неизбежно верно, что выгоды, которые так выгодны финансовым магнатам, должны извлекаться из чистого продукта промышленности и в долгосрочной перспективе будут в совокупности тем больше, чем производительнее промышленность сообщества. Что делает бизнес прибыльным для бизнесменов, так это, в конце концов, их использование промышленной эффективности сообщества. В долгосрочной перспективе ничто не может принести финансовым магнатам большего дохода, чем прибавочный продукт промышленности сверх средств к существованию промышленного сообщества в целом. Но до тех пор, пока магнаты не пришли к рабочему соглашению на этой основе и не “объединили свои интересы”, сформулированное выше предположение, по—видимому, соответствует фактам, а именно, что прибыли этих крупных бизнесменов являются функцией величины беспорядков, которые они создают, а не их производственного эффекта.

Из этого также должно следовать, и поскольку приведенная выше характеристика верна, это действительно следует, что нынешняя финансовая организация промышленности наделяет владельцев промышленного оборудования узурпаторством промышленного мастерства сообщества. Этот узурпаторский технологический знания и трудоспособности промышленного сообщества непосредственно определяет владельцев оборудования, но только косвенно. В дальнейшем это касается только бизнесменов, обладание крупными средствами которых позволяет им создавать и контролировать те финансовые конъюнктуры в промышленности, которые приводят к изменениям рыночной стоимости оборудования и права собственности на него.

СНОСКИ

1Ср. Жак Леб, Сравнительная физиология мозга и сравнительная психология, глава i.

2 Ср. У. Джеймс, "Принципы психологии", гл. xxiv и xxv, где, однако, различие между тропизмом и инстинктом не очень четко отражено — тропизмы на тот момент не подвергались исследованию и определению, как это было верно с тех пор; Уильям МакДугалл, "Введение в социальную психологию", гл. i.

3 Леб, Сравнительная физиология мозга, стр. 177-178.

4 Ср. Грэм Уоллас, "Природа человека в политике", особенно гл. i.

5 Ср., например, Джеймс, "Принципы психологии", глава xxiv; Уильям МакДугалл, "Введение в социальную психологию", глава iii.

6 Леб, Сравнительная физиология мозга, особенно глава xiii.

7 Конечно, тропизмы рассматриваются не как перекрывающиеся, смешивающиеся или интерферирующие только как физиологические признаки, и аналогично, только в отношении их физиологической прерывности подобный аргумент мог бы быть применен к инстинктам. Что касается их выражения, в плане ориентации, движения, роста, секреции и т.п., тропизматическая реакция на разнородные стимулы часто настолько очевидно идентична, что опытные исследователи порой затруднялись решить, к какой из двух или нескольких признанных тропизматических чувств следует отнести данную двигательную реакцию. Но в отношении их окончательного физиологического характера, интимного физиологического процесса, посредством которого данная чувствительность вступает в силу, реакция, обусловленная различными тропизматическими ощущениями, представляется в каждом случае отличительной и не сочетающейся с какой-либо другой реакцией на другой стимул, с которым она может случайно синхронизироваться.

8 Ср., например, МакДугалл, Введение в социальную психологию, главы i-iii.

9 Ср., например, Отто Аммон, *Die Gesellschaftsordnung*; Г. Вашер де Лапуж, "Социальные выборы", "Раса и социальная среда", особенно "Фонды Лоис по антропосоциологии".

10 всепроникающий современный институт частной собственности, по-видимому, имел такое происхождение, в совокупности вырос из эгоистичной предвзятости мужчин в их надзоре за материальными интересами общества.

11 Ср. МакДугалл, Социальная психология, гл. x.

12 В последнее время вопрос об инстинктах стал предметом довольно обширных дискуссий среди исследователей поведения животных, и на протяжении всего этого обсуждения аргументы обычно велись на неврологической или, самое большее, физиологической почве. Эта аргументация хорошо и доходчиво представлена в недавно опубликованном томе ("Наука о поведении человека", Нью-Йорк, 1913) г-на Мориса Пармали. Книга предлагает острое критическое обсуждение природы инстинкта (гл. xi) с конкретной ссылкой на инстинкт мастерства (стр. 252). Обсуждение проводится добросовестно и компетентно на неврологической основе и приводит к ожидаемому результату в попытке свести инстинкт к неврологическим (или физиологическим) терминам. Как это обычно бывает с подобными попытками, результат по существу отрицательный, поскольку "инстинкт" не столько объясняется, сколько отмахивается от него. Причина такого исхода достаточно очевидна; "инстинкт", не являясь неврологическим или физиологическим понятием, не поддается

определению в неврологических или физиологических терминах. Инстинкт мастерства не более, чем любая другая инстинктивная склонность, является изолированной, дискретной нервной функцией; что, однако, не затрагивает вопроса о его статусе как психологического элемента. Результатом такого анализа, предложенного м-ром Пармали, является не придание терминологической точности понятию "инстинкт" в том смысле, который придается ему в современном употреблении, а отказ от него; что является нежелательным шагом, поскольку лишает изучающего свободного использования этого знакомого термина в его знакомом значении и, следовательно, вынуждает его снова тайно ввести незаменимое понятие инстинкта под прикрытием какого-либо незнакомого термина или терминологической околичности. Современные механистические анализы поведения животных представляют большую и несомненную ценность для любого исследования поведения человека, но их ценность заключается не в попытке вытеснить ими те психологические явления, объяснение которых является их целью. То, что за такой заменой психологических явлений механистическими формулировками нет необходимости следовать и их не нужно принимать во внимание, проявляется, например, в такой работе, как упомянутая выше работа м-ра Леба "Сравнительная физиология мозга и сравнительная психология".

13 Бесконечный в том смысле, что эффекты такой конкатенации ни в каком направлении не заканчиваются конечным термином.

14 Многие исследователи поведения животных все еще, как и психологи в целом когда-то, склонны противопоставлять инстинкт интеллекту и ограничивать этот термин, как правило, такими автоматически определяемыми действиями, которые осуществляются без обдумывания или разумного надзора. Эта точка зрения, по-видимому, является пережитком более ранней теоретической позиции, согласно которой все функции интеллекта относились к отдельной нематериальной сущности, энтелехии, связанной в симбиозе с физическим организмом. Если отбросить все подобные предвзятые представления о существенной дихотомии между физиологической и психологической активностью, то становится само собой разумеющимся, что сами интеллектуальные функции проявляются только по инициативе инстинктивных предрасположенностей и под их наблюдением, и, следовательно, антитеза между инстинктом и интеллектом отпадает. К каким методам терминологии и различения можно тогда прибегнуть при изучении тех животных инстинктов, которые требуют минимального интеллекта, - это, конечно, вопрос для сравнительных психологов. Ср., например, К. Ллойд Морган, Введение в сравнительную психологию (2-е издание, 1906), гл. xii, особенно стр. 206-209, и Привычка и инстинкт, гл. i и vi.

15 Ср. Х. С. Дженнингс, "Поведение низших животных", гл. xii, xx, xxi.

16 См. МакДугалл, Введение в социальную психологию, главы iii и x.

17 Ср. М. Ф. Уошберн, "Разум животных", гл. x, xi, где более простые факты привыкания суггестивно представлены в соответствии с современными взглядами эмпирической психологии.

18 Ср., например, Спенсера и Гиллена, коренные племена Центральной Австралии; Селигмана, веддов.

19 Хаттон Вебстер, "Первобытные тайные общества", особенно гл. iii и iv.

20 Дж. Г. Фрейзер, "Ранняя история царствования", глава iv, стр. 107.

21 Например, некоторые коренные племена Австралии; ср. Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии, особенно гл. i.

22 Скит и Благден, языческие расы Малайского полуострова.

23 Дж. Мердок, "Эскимосы Пойнт-Барроу", Отчет Бюро американской этнологии, 1887-1888; Ф. Боас, "Центральные эскимосы", Там же, 1884-1885.

24 Э. Х. Мэн, "Об коренных обитателях Андаманских островов", *JAI*, том xii.

25 Отчеты Бюро американской этнологии, многочисленные статьи разных авторов, возможно, особенно миссис Стивенсон, "Sia", 11-й отчет (1889-1890).

26 Современная экономическая теория обычно исходит из так называемого "гедонистического исчисления" (ср. Джереми Бентам, "Введение в принципы морали и законодательства") или "гедонистического принципа", как его еще называют (ср. Панталеони, "Чистая экономика", гл. i). Этот "принцип" является основной предпосылкой современной теории. Он постулирует, что индивидуальный эгоизм является главной движущей силой всего экономического поведения. Среди современных экономистов существует некоторая неопределенность и разногласия относительно точных терминов, которые следует использовать для обозначения этого принципа поведения и его реализации; по мнению более поздних спекулянтов, "удовольствие и страдание" Бентама показались слишком голыми и материалистичными, и они прибегли к таким менее точным и поддающимся определению терминам, как "удовлетворение", "сатисфакция", "жертва", "полезность" и "вредность", "психический доход" и т.д., Но до сих пор без какого-либо окончательного пересмотра терминологии. Эти различия и предлагаемые нововведения не затрагивают сути древнего постулата. Исходя из этого постулата, теоретики сформулировали широкое положение о том, что "нынешние блага предпочтительнее будущих", из чего вытекают многие теоретические трудности, особенно при любой попытке согласовать результаты теории с повседневными фактами. Крупица истины, содержащаяся в этом предложении, по-видимому, лучше всего была бы выражена в формуле: "Предполагаемая безопасность предпочтительнее предполагаемого риска"; что, по-видимому, является почти всем, что требуется либо в качестве обобщения человеческих мотивов в данном случае, либо в качестве предпосылки для направленных на это теоретических уточнений, тогда как утверждение о том, что "нынешние блага предпочтительнее будущих", должно, по размышлении, признать себя по существу ложным. В общем и целом, конечно, товары никому не нужны, кроме как для перспективного использования — сверх меры того срочного текущего потребления, которое не играет никакой роли в теоретических уточнениях, для которых используется это изречение. При размышлении сразу станет очевидно, что даже для собственной выгоды индивида "нынешние блага предпочтительнее будущих" только там, где и в той мере, в какой защищены права собственности, и то только для будущего использования. Такое предпочтение становится эффективным только для продуктивного использования в будущем, или, более конкретно, ради предполагаемого дохода, который можно получить от удерживаемого таким образом богатства путем предоставления его в ссуду или инвестирования. Помимо этого денежного преимущества, которое дает собственность, сохраненная из настоящего в будущее, по-видимому, такого предпочтения не существует даже с точки зрения индивидуального эгоизма, а там, где такие денежные соображения не являются

доминирующими, такого предпочтения “настоящим благам” не существует. Именно нынешнее “богатство”, а не нынешние “блага” являются объектом желания; а нынешнего богатства желают главным образом ради его предполагаемой выгоды. Хорошо известно, что в сообществах, где обычно нет деловых расширений кредита или инвестиций с целью получения прибыли, сбережения принимают форму накопления, то есть накопления для будущего использования в ущерб текущему потреблению. Возможно некоторое расхождение во мнениях относительно характера предполагаемого использования, для которого испрашиваются товары, но вряд ли можно сомневаться в том, что большая часть этого предполагаемого использования не носит эгоистичного характера и не преследуется из мотивов чувственной выгоды.

27 Традиционно теоретическая презумпция утверждала обратное. Считалось само собой разумеющимся, что институциональный результат врожденных предрасположенностей людей будет здоровым и благотворным; но эта презумпция упускает из виду последствия усложнения и отклонения инстинктов из-за накопленной привычки. Традиция дошла как предмет некритической веры от исторической веры в благотворный Порядок Природы; которая, в свою очередь, восходит к раннемодернистской религиозной концепции Провиденциального порядка, установленного проникательным и доброжелательным Творцом; которая основывается на антропоморфном приписывании родительской заботы и мастерства предполагаемому метафизическому субстрату вещей. Таким образом, эта традиционная точка зрения по существу является теологической и имеет ту степень обоснованности, которая может быть выведена из предполагаемых характеристик любого антропоморфного божества.

28 Ср., например, Ф. Х. Кушинга, “Исследование керамики пуэбло как иллюстрация роста культуры Зуни”, Отчет Бюро этнологии, 1882-1883 (том iv); Дж. У. Фукс, “Археологическая экспедиция в Аризону в 1895 году”, разделы “Керамика” и “Палеография керамики”, там же, 1896-1897 (том xviii); У. Х. Холмс, “Древнее искусство Чирики”, там же, 1884-1885 (том vi).

29 Ограничения в этом отношении заключаются главным образом в том, что “священные” сосуды, отличающиеся особыми формами и украшениями, предназначены для особого церемониального использования.

30 Ср. Э. Б. Тайлор, Примитивная культура, особенно глава XVII.

31 Ср. “Эволюция научной точки зрения”, Хроника Калифорнийского университета, октябрь 1908г.

32 Так, например, мастерство бушменов, веддов, австралийцев, американских индейцев и других народов низкого технологического уровня в выслеживании дичи было с большим восхищением отмечено всеми наблюдателями; и эффективность этих и других им подобных не менее достойна восхищения в том, что касается плавания, катания на лодках, верховой езды, скалолазания, выслеживания и т.д.

33 Ср. Г. и А. де Мортилле, “История”, особенно главу “Données chronologiques”, стр. 662-664; У. Г. Соллас, “Древние охотники”, гл. i и xiv.

34 Cf. Sophus Müller, L’Europe Préhistorique.

35Ср., например, Отчет Бюро американской этнологии, 1884-1885 гг., Франц Боас, “Центральные эскимосы”; там же, 1887-1888 гг., Джон Мердок, “Эскимосы Пойнт-Барроу”.

36 Здесь предполагается то, чего обычно придерживаются, а именно. что расовые предки, составлявшие население Европы позднего палеолита, все еще в умеренной степени представлены в расовом смешении, которое заполняет Европу сегодня, и что эти более древние расовые типы не только спорадически встречаются в европейском населении в целом, но также присутствуют локально в достаточной силе, чтобы придать особый характер населению данной местности. (See G. de Mortillet, Formation de la nation française, 4me partie, and Conclusions, pp. 275–329.) Большие изменения произошли в расовом облике Европы в начале и на ранних фазах периода неолита, но с тех пор никакое вторжение новых популяций серьезно не нарушало смешение рас, за исключением изолированных областей, что имело второстепенное значение для культурной ситуации в целом.

См. также У. Г. Соллас, Древние охотники и их современные представители.

37 Эти улучшенные расы обычно, если не всегда, являются продуктом гибридизации, хотя вполне возможно, что такая раса могла возникнуть как “вид спорта”, менделевский мутант. Создание такой расы или “составной чистой линии” гибридов, а также ее размножение и улучшение в ходе дальнейшей селекции требует определенного терпения и постоянной нацеленности.

38 Культура позднего неолита, или “неолита”, выявленная Пумпелли в Анау в Закаспии, удивительно ясно демонстрирует синхронность развития технологий механического искусства, с одной стороны, и обработки почвы и скотоводства, с другой. Считается, что это место датируется примерно 8000 годом до нашей эры или раньше и демонстрирует непрерывное заселение на протяжении нескольких тысяч лет. Поселенцы в Анау привезли с собой злаки (ячмень и пшеницу), когда было основано поселение; так что выращивание этих злаков, должно быть, датируется на значительном расстоянии от каменного века Азии. В последующие эпохи жители Анау добились некоторого дальнейшего прогресса в использовании культурных растений; неизвестно, были ли они усовершенствованы и внедрены в домашних условиях или заимствованы. В настоящее время, в течение следующих нескольких тысяч лет, они одомашнили и приспособили к домашнему использованию путем селективного разведения большее количество тех видов животных, которые с тех пор составили основу живого поголовья в западной культуре. В механическом искусстве видимый прогресс незначителен по сравнению с работой в скотоводстве, хотя сам по себе его нельзя назвать незначительным. Считается, что более заметные улучшения в этом направлении произошли благодаря заимствованиям. Возможно, наиболее характерной чертой механической технологии в Анау является полное отсутствие оружия в нижней половине отложений. Рафаэль Пампелли, Исследования в Туркестане: доисторические цивилизации Анау. (Публикация Карнеги, № 73.) Вашингтон, 1908.

39 Ср. О. Ф. Кук, “Пищевые растения Древней Америки”. Отчет Смитсоновского института, 1903. Э. Дж. Пейн, “История Нового Света под названием Америка”, том i, (1892), стр. 336-427.

40 Ср. Э. Дж. Пейна, как указано выше.

41 Ср., например, Лумхольц, “Неизвестная Мексика”, том i, глава vi.

42 Ср., например, Дж. У. Пауэлл, "Мифология североамериканских индейцев", Отчет, Бюро Eth., 1879-1880 (том i); Ф. Х. Кушинг, "Очерки мифов о сотворении зуни", там же, 1891-1892; Дж. О. Дорси, "Исследование культов сиу", там же, 1889-1890.

43 Взгляните еще раз на рассказы, собранные под заголовком "Дневная работа", где антропоморфная романтика механики максимально воплощена тем же мастером, который рассказывал сказки о Книге джунглей и о "Коте, который гулял".

44 Ср. Президентское обращение Фрэнсиса Дарвина на дублинском собрании Британской ассоциации содействия развитию науки; ср. также Х. Бергсона, "Эволюцию креатрис" и особенно отрывки, посвященные жизни.

45 Ср. Г. Дж. Романес, "Интеллект животных", особенно Введение.

46 Ср. Джейн Э. Харрисон, "Пролегомены к изучению греческой религии", особенно гл. iv; то же самое, "Фемида", особенно гл. i, ii, iii и ix; с которыми сравниваются культы пуэбло, упомянутые выше.

47 Ср., например, Скит, малайскую магию, возможно, особенно главу v, раздел о выращивании риса.

48 Отсюда и анимизм, который применяет свои концепции скорее к неодушевленным, чем к одушевленным объектам.

49 Подобное применимо к сезонным и метеорологическим мифам; там редко, если вообще случается, что явления времен года или силы, проявляющиеся в метеорологических изменениях, персонифицируются прямо или недвусмысленно. Это всегда какой-нибудь бог или деймон, который управляет ветром и погодой или использует их, какой-нибудь обитающий в человеке дух или человекоподобный гигант, который обитает и наблюдает за холмом, родником или рекой, и всегда интересы обитающей в нем личности, а не интересы материальных объектов в данном случае, должны быть защищены суеверными практиками, которыми миф окружает общение людей с этими элементами ландшафта.

50 Как в легендах о Прометее; сравните легенды и ритуал огня из различных культур в книге Л. Фробениуса "Детство человека", гл. xxv-xxvii.

51 В качестве интересной иллюстрации этого тезиса см. Статью Дункана Маккензи "Критские дворцы" в ежегоднике Британской школы в Афинах за 1907-1908 годы, где вся дискуссия строится на факте, не оспариваемом ни одним из участников широкого и горячего спора, что в течение нескольких столетий вредных помех от дымящих каминов в продуваемых сквозняками комнатах великая цивилизация средиземноморского побережья так и не нашла готового решения проблемы путем прокладки дымохода.

52 Ср., например, У. Джеймс, "Принципы психологии", глава xxiv; Макдугалл, "Социальная психология", глава iii.

53 Ср., например, М. Ф. Уошберн, "Животный разум", гл. xii, xiii.

54 Для иллюстраций см. Дадли Кидда, Главного кафира, особенно главу ii "Верования коренных народов".

55Ср. "Место науки в современной цивилизации", Журнал социологии, март 1906 г., стр. 585-609; "Эволюция научной точки зрения", Хроника Калифорнийского университета, том х, стр. 396-415.

56Ср. Теория праздного класса, гл. iv, v.

57Это технологическое сочетание ручного труда с магической практикой хорошо видно, например, в малайском ритуале выращивания риса.—У. В. Скит, Малайская магия, различные отрывки, касающиеся церемониала посадки, роста и сбора урожая риса.

58Ср. Дж. Э. Харрисон, "Пролегомены к изучению греческой религии", особенно главу iv; Дж. Г. Фрейзер, "Адонис, Аттис, Осирис", книга i, глава iii.

59Таковы, по-видимому, свидетельства, например, о Кибеле, Астарте (Афродите, Иштар), Милитте, Исидае, Деметре (Церере), Артемиде и о таких сомнительно поздних персонажах, как Гера (Юнона), — см. Харрисон, "Пролегомены к изучению греческой религии"; Фрейзер, "Адонис, Аттис, Осирис и "Золотая Ветвь". Кванон может быть сомнительным случаем, как, возможно, и Аматеразу. Свидетельства таких американских примеров, как великие богини-матери пуэбло и других индейских племен, возможно, указывают на обратное, или, в лучшем случае, могут оставить этот пункт под сомнением. См., например, Матильду К. Стивенсон, "Индейцы зуни", отчет Бюро американской этнологии, 1901-1902, раздел "Мифология"; То же самое, *там же*, 1889-1890, "Sia"; Фрэнк Х. Кушинг, *там же*, 1891-1892, "Мифы о сотворении мира зуни".

60Ср., например, Фрейзера, Адониса, Аттиса, Осириса, кор. ii, гл. iii, кор. iii, гл. vi и xi.

61Ср., например, Хаттон Вебстер "Первобытные тайные общества", особенно гл. iii, iv, v; Спенсер и Гиллен "Коренные племена Центральной Австралии", гл. vii, viii, ix, xvi.

62Ср., например, Кодрингтон, меланезийцы; Селигманн, меланезийцы Британской Новой Гвинеи.

63Эти соображения, конечно, могут ничего не означать напрямую относительно размера политической организации или национальной территории или населения; хотя национальные границы, вероятно, как влияют, так и будут затронуты подобными изменениями в промышленной системе. Сообщество может быть небольшим по сравнению с промышленной системой, в которой оно живет, и все же, если условия мира позволяют это, может находиться в таком отношении дополнения к более крупному комплексу промышленных групп, что фактически делает его неотъемлемой частью более крупного сообщества в том, что касается его технологии. Так, например, Швейцария и Дания являются неотъемлемой частью культурного и промышленного сообщества западной цивилизации настолько эффективно, насколько это возможно при площади и населении, равных Соединенному Королевству или Германской империи, и, несомненно, каждая из них является более важной частью этого сообщества, чем Россия. В то же время, по мере развития событий в рамках этой западной культуры, национальные границы оказывают очень значительное препятствующее влияние на промышленные дела и технологический рост. Вероятно, следует признать, с одной стороны, что любое заметное сокращение совокупного населения христианского мира привело бы к некоторому сокращению или замедлению технологического прогресса, в котором эти народы совместно и по отдельности участвуют; и точно так же следует признать, с другой стороны, что

аналогичный эффект последовал бы за любой заметной степенью успеха усилий тех патриотических и династических государственных деятелей, которые пытаются разделить эти народы вооруженным путем и установить нейтралитет.

64Ср., в качестве крайнего случая, Матильду К. Стивенсон, "Sia", Отчет Bur. Eth., xi (1889-1890).

Известно, что подобное сокращение произошло во многих частях Европы в результате сокращения населения из-за Черной смерти и чумы.

65О таких врожденных различиях между ведущими расами Европы см., например, Г. В. де Лапуж, "Социальные выборы"; и л'Ариен; О. Аммон, "Общее дело"; Г. Серджи, "Арии и итал."

66Например, японцы и айну, полинезийцы и меланезийцы, сингальцы и ведды. О последнем названии см. Селигман, Ведды.

67Ср. У. З. Рипли "Расы Европы"; Г. Серджи "Средиземноморская раса"; В. де Лапуж "Ариен"; ср. также Дж. Деникер "Европейские расы" и "Шесть рас, составляющих население Европы", журнал "Антропологический институт", том 34.

68Имеющиеся данные указывают на то, что долихо-белокурая раса северной Европы, вероятно, возникла в результате мутации (от средиземноморья как родительской ветви?). в период раннего неолита, то есть примерно в начале неолита в Западной Европе. Существует менее надежное основание для догадок относительно даты и обстоятельств, при которых возникла какая-либо из других европейских рас, но дата и место их возникновения, по-видимому, лежат за пределами Европы и раньше, чем европейский период неолита. К сожалению, до сих пор среди антропологов не было прямого или сжатого обсуждения этого вопроса. —Ср. "Теория мутаций и белокурая раса", Журнал развития рас, апрель 1913г.

69 В этом отношении меланезийцев можно сравнить с балтийскими народами, хотя сравнение, возможно, скорее наводящее на размышления, чем убедительное. Меланезийцы, по-видимому, наделены весьма респектабельными способностями к мастерству, как в отношении проницательности, так и в применении, а также относительно высоким чувством экономической целесообразности. Они также обладают бдительной и устойчивой групповой солидарностью. Но им, очевидно, не хватает той разумной степени "человечности" и врожденной терпимости, которые в целом удерживали народы Балтийского региона от фатальных проявлений жестокости и устойчивой ненависти между группами. Нельзя сказать, что какой-либо избыток человечности повлиял на развитие культуры в Северной Европе. Но, по крайней мере, представляется допустимым сказать, что взаимная ненависть, недоверие и пренебрежение легче улаживаются между этими народами, чем среди меланезийцев; особенно когда и в той мере, в какой материальные интересы нескольких групп явно страдают от продолжающегося свободного распространения экстравагантной враждебности. Разница в точке зрения коренных жителей, возможно, не очень заметна, но та степень, которая есть, очевидно, изменила баланс таким образом, что прибалтийские народы в технологическом плане имели преимущество в виде широких и относительно легких контактов и коммуникации; в то время как меланезийцы в течение столь же длительного периода времени тратили себя в основном на междоусобную вражду — ср. Кодрингтон, меланезийцы; Селигманн, меланезийцы Британской Новой Гвинеи.

70 Эти соображения, по-видимому, с особой силой применимы к белокурой расе, поскольку свидетельства ранних времен позволяют утверждать, что эта порода никогда не жила изолированно от других, конкурирующих пород. Предположительно, это началось как небольшое меньшинство в сообществе, состоящем в основном из представителей другого расового типа, его родительской ветви, и в среде в целом, в которой по крайней мере одна конкурирующая ветвь присутствовала в силе почти с самого начала; так что расовая конкуренция, то есть соперничество с точки зрения рождаемости и смертей, была мгновенной и неослабевающей. И в этом соревновании данные условия соблюдались с точки зрения прожиточного минимума группы.

71 Cf., e. g., Sophus Müller, *Vor Oldtid*, "Stenalderen."

72 Обычно не отмечалось, хотя это вряд ли будет подвергнуто сомнению, что боеспособность и склонность к борьбе редко, если вообще когда-либо, были успешными в борьбе между расами и народами, когда они соревновались с прилежным выращиванием урожая и детей, если успех оценивать с точки зрения выживания расы.

73 По-видимому, остается открытым вопрос, следует ли должным образом приписывать эти духовные черты долихо-блондинам как черты этого типа, взятые сами по себе, а не черты, характерные для гибридного потомства блондинов, скрещенных с той или иной расовой группой, ассоциированной с ним в популяциях Европы. Имеющиеся данные, по-видимому, скорее подтверждают мнение о том, что любая гибридная популяция, вероятно, будет наделена исключительной степенью беспокойства и недовольства, которые составляют то, что в расе называют "духом предприимчивости".

74 Как, например, жители многих полинезийских островов на момент их открытия. Посмотрите также, Кодрингтон, на меланезийцев.

75 В этом нет ничего необычного среди меланезийцев и микронезийцев, и в некоторой степени среди австралийцев.

76 См. примечание, [стр. 120](#).

77 Например, некоторые австралийские аборигены и представители некоторых низших малайских культур.

78 Например, пуэбло и эскимосы.

79 Действительно, например, очень наводящие на размышления ритуальные предметы и обряды индейцев пуэбло.

80 Крайний пример этого среди живых сообществ см. в книге Скита и Благдена "Языческие расы Малайского полуострова", т. i, стр. 242-250, где приводится обобщение (стр. 248), согласно которому "рудиментарную стадию культуры, через которую прошли эти племена, а в некоторых случаях проходят до сих пор, возможно, более точно можно описать как век дерева и кости, чем как век камня", поскольку имеются свидетельства того, что до того, как малайцы начали получать металлы, их единственные орудия более сложного изготовления были изготовлены из дерева. прочным материалом были "наковальня и молоток (необработанные) ..., точильный камень, щепки или отщепы, используемые в качестве ножей, и кухонные камни". Из-за иного

характера окружающей среды это обращение к дереву и кости вряд ли могло быть доведено до такой крайности дикарями Балтийского региона.

81 Ср. Пампелли, Исследования в Туркестане.

82 Случайное посещение скандинавских музеев вряд ли передаст это впечатление. В соответствии с представлениями публики и, возможно, экспертов, на витринах, как и следовало ожидать, представлено много оружия, но его относительно мало в складских помещениях, где инструменты, с другой стороны, оцениваются скорее по кубическому ярду, чем поштучно.

83 Проявляется, например, в соблюдении и санкционировании табу во многих низших культурах.

84 Эскимосы находятся в условиях, которые в некоторых отношениях сходны с теми, которые, как предполагается, обуславливали жизнь белокурой расы и ее гибридов на ранних этапах их жизнедеятельности, и к числу черт, которые способствовали выживанию эскимосов, несомненно, следует отнести несколько добродушное дружелюбие этой расы в сочетании с заметным нежеланием воевать. Точно так же индейцы северо-Западного побережья, ситуация которых, возможно, даже более близка к неолитической балтийской культуре, чем у эскимосов, не относятся к числу особенно воинственных народов земли, хотя они, несомненно, проявляют больше хищнической враждебности, чем их северные соседи. В этом случае, вероятно, можно с уверенностью сказать, что их технологическим достижениям ни в какой степени не способствовала такая воинственная предприимчивость, какую они продемонстрировали, и что их комфорт и успех как расы были бы еще более заметными, если бы они были одарены меньшим количеством воинственного духа и более последовательно поддерживали мир во всей своей среде обитания, чем они это делали. —Ср. Франц Боас, “Центральные эскимосы”, Бюро американской этнологии, отчет, 1884-1885; То же самое, “Тайные общества и социальная организация индейцев квакиутль”, Отчет, Национальный музей, 1895. ; А. П. Ниблак, “Прибрежные индейцы Южной Аляски и Северной Британской Колумбии”, *там же*, 1888.

85 Такая потеря из-за пренебрежения технологическими элементами, которые были заменены, может иметь серьезные последствия в случае, если народ с несколько продвинутыми достижениями потерпит материальный спад либо в своих промышленных условиях, либо в своей культурной ситуации в целом, как это произошло, например, в Темные века Европы. В таком случае это, вероятно, приведет к тому, что сообщество не сможет вернуться к уровню промышленного искусства, соответствующему стесненным обстоятельствам, в которые оно попало, утратив использование многих технологических элементов, знакомых предыдущим поколениям, жившим в аналогичных обстоятельствах, и поэтому промышленное сообщество оказывается во многих отношениях вынужденным начинать практически заново, с более рудиментарной отправной точки, чем того могла бы потребовать ситуация в противном случае. Это, в свою очередь, отбрасывает людей назад, к более архаичной фазе развития технологий и институтов, чем, казалось бы, оправдывает первоначальная культурная утрата, понесенная сообществом сама по себе.

86 Sophus Müller, *Vor Oldtid, “Stenalderen,”* sec. iii, “Tidsforhold i den ældre Stenalder;” O. Montelius, *Les temps préhistoriques en Suède*, ch. i, p. 20.

87 Сравните случай с индейцами Северо-Западного побережья, которые населяли регион, сравнимый с неолитическим балтийским регионом по распределению земли и воды, а также по изобилию хорошей древесины.

88 Sophus Müller, *Vor Oldtid*, "Bronzealderen," secs. xiii, xiv; Montelius, *Les temps préhistoriques en Suède*, ch. ii.

89 Ср., например, К. А. Хэддон, *Эволюция в искусстве*, раздел "Магия и религия".

90 За исключением видов, которые обычно размножаются путем партеногенеза.

91, Возможно, излишне предостережение, что настоящим не ставится цель поставить под сомнение исследования Гальтона или подвергнуть сомнению предложения евгеников, чьи труды, без сомнения, следует принимать во внимание во всей их ценности.

92 См., например, Skeat and Blagden, *Pagan Races of the Malay Peninsula*, vol. ii, часть ii; Отчет Бюро американской этнологии, 1884-1885, Ф. Боас, "Центральные эскимосы".

93 Ср. Бэзил Томсон, "Развлечения премьер-министра" и "Фигианцы".

94 Масштабы этой "квазиличностной границы" объектов интимного использования значительно различаются в разных культурах. Об этом часто можно судить по количеству предметов, захороненных или уничтоженных вместе с умершими у народов с таким уровнем культуры.

95 В этой связи могут возникнуть сомнения, касающиеся таких культур и народов, как языческие расы Малайского полуострова, малороссы Андаманских островов или (возможно) негритосы Лусона, но эти мыслимые исключения из правила, очевидно, не уменьшают его силы.

96 Возможно, уместно принять к сведению влияние этих соображений на определенные догматические концепции, которые сыграли определенную роль в теоретических и противоречивых спекуляциях прошлого столетия. Экономисты одной школы и другой придавали большое значение "производительности труда", особенно как обеспечивающей основу для справедливого распределения продукта; одна школа полемистов зашла так далеко против течения общепринятой экономической доктрины, что утверждала, что труд является единственным производительным фактором в промышленности и что на этом основании рабочий имеет право по справедливости на "полный продукт своего труда". Конечно, не предполагается, что изложенные здесь соображения опровергнут эти доктринальные утверждения; но они, по крайней мере, создают видимость того, что производительность труда или любого другого мыслимого фактора в промышленности является условной производительностью — условной на основании условностей, предоставляемых институтами, которые выросли в ходе технологического развития и которые, следовательно, имеют только ту значимость, которая присуща привычкам мышления, порожденным любой данной фазой коллективной жизни. Эти привычки мышления (институты и принципы) сами по себе являются косвенным продуктом технологической схемы. Соответственно, споры относительно производительности труда должны сместиться с "природы вещей" на остроту укоренившихся предубеждений, принципов и целесообразности, рассматриваемых в свете современных технологических требований и текущего процесса привыкания.

97 See Sophus Müller, *Vor Oldtid*, "Stenalderen," and Aarbøger for nordisk Oldkyndighed, 1906.

98Ср. У. Г. Соллас, "Древние охотники".

99См., например, Бэзила Томсона "Фигианцы", особенно главы iv, xiv, xxviii, xxxi.

100Пуэбло представляют собой любопытное исключение из этого общего правила паразитического жречества. Хотя они в значительной степени привержены религиозным обрядам и имеют обширную жреческую организацию, включающую различные ордена и подотряды, это духовенство, как правило, не получает дохода или даже заметных льгот от своей должности.

101 Разница в значимости и полномочиях между военным вождем мирных пуэбло, с одной стороны, и хищными ацтеками, с другой, показывает, как статус такого должностного лица может изменяться *де-факто* без заметных изменений *де-юре*. -Ср. также Бэзил Томсон, "Фигианцы", гл. iv, xxxi, "Устройство общества" и "Владение землей", где показано, что рост обычаев передает денежные прерогативы и контроль в руки успешного военного вождя.

102Например, в целом в островных государствах полинезии. Нечто, отдаленно напоминающее такое положение вещей, наблюдается в раннефеодальной Европе, где феодальные владения переходили из рук в руки с изменением статуса их владельцев таким образом, что это наводит на мысль о том, что право собственности в значительной степени было следствием владения определенными гражданскими полномочиями. То же самое было и в церковных владениях того же периода и позже. И, опять же, в сомнительном и меняющемся статусе подневольных классов феодальной Европы, где различие между господством и собственностью часто кажется чем-то вроде юридической фикции или различия без различия. Феодальная Япония свидетельствует во многом о том же эффекте.

103Ср. Дж. Дж. Фрейзер, Лекции по ранней истории царствования. Поток свидетельств о североевропейских культурах языческой древности, по-видимому, сильно смещается в этом направлении, хотя термин "жреческий", применяемый к этим языческим царям, вероятно, передает слишком широкое значение торжественности и опосредованной божественной власти.

104 Станьте свидетелем предполагаемых отношений Яхве с его избранным народом и восхвалений, воздаваемых Ему священниками за "поведение, неподобающее джентльмену".

105Как свидетельствуют Египет фараонов, Древнее Перу, Вавилон, Ассирия, Израиль при Соломоне и его ближайших преемниках.

106См. Ф. Б. Джевонс, Введение в историю религии, гл. х.

107Ср., например, Бэзила Томсона, "Фигианцы", глава iv.

108Как показано, например, на керамике и корзинах, изготовленных для торговли американскими индейцами, когда они вступали в торговый контакт с цивилизованными людьми.

109Для более подробного обсуждения этих вторичных последствий института собственности, утомительности труда и бросающейся в глаза расточительности товаров, которые здесь не могут быть рассмотрены, см. Теорию праздного класса, гл. ii-vi.

110 Для дальнейшего анализа взаимосвязи между собственностью, доходами и материальным оборудованием см. “Ежеквартальный экономический журнал”, август 1908 г., “О природе капитала”; а также статью Х. Дж. Дэвенпорта в том же журнале за ноябрь 1910 г. “Общественная производительность в сравнении с частным приобретением”.

111 Для более подробного обсуждения этого дисциплинарного неравенства между бизнесом и промышленными профессиями см. Теория делового предпринимательства, главы iv, viii и ix.

112 Ср., например, Харрингтон Эмерсон, Эффективность как основа деятельности и заработной платы, гл. i, iv.

113 Такова негласно предполагается природа современной экономической жизни в текущих теоретических формулировках экономистов, которые делают теорию меновой стоимости центральной и контролирующей доктриной в своих теоретических системах и которые с легкостью убеждают, что эта ценность восходит к индивидуалистической основе доктрин дифференциальной полезности — “предельной полезности”.

114 Помимо разрозненных и все более несущественных проявлений этого канона денежной справедливости в европейском сообществе в целом, имеет место его причудливое и четко определенное применение в практике “холмгангра” в позднесредневековые и раннехристианские времена у скандинавских народов. “Боевое пари”, вероятно, имеет то же происхождение, по крайней мере частично.

115 Ср. книгу Фредерика Барнарда Хоули “Предприятие и производственный процесс” за экстремальное, зрелое и последовательное развитие этого принципа.

116 Смотрите теорию делового предпринимательства, главы iv, vi, vii, для более подробного обсуждения этого делового оборота и принципов работы, которые им управляют. См. также Х. Дж. Дэвенпорт, “Экономика предприятия” (Нью-Йорк, 1913).

117 Cf., e. g., Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger; Sombart, Der Moderne Kapitalismus, bk. i.

118 Ср. Теория праздного класса, гл. iv, v, vi.

119 Ср. Харрингтон Эмерсон, Эффективность как основа деятельности и заработной платы.

120 Ср., например, Карл Бюхер, “История Фольксвагена”, (3-е изд.), глава iv, “Геверблихен Бетрибссистема”, глава v. “Управление ручными работами”; У. Дж. Эшли, Английская экономическая история и теория, часть ii, гл. i, с. 25, гл. iii, особенно с. 44; У. Каннингем, “Рост английской промышленности и торговли”, т. ii, Введение; Вернер Зомбарт, “Современный капитализм”, книга i, особенно главы iv-xii.

121 Чтобы завершить набросок на этом этапе, даже в общих чертах, было бы необходимо подробно остановиться на отношениях собственности и контроля (в основном косвенных), в которых владельцы земли и природных ресурсов, земельная доля, находились по отношению к промышленному сообществу ремесленников до начала этого перехода к эре бизнеса, а также на дальнейших взаимоотношениях, существующих между земельной долей, ремесленниками и деловым сообществом во время этого перехода к деловому режиму. В самом кратком изложении соответствующие обстоятельства, по-видимому, заключались в том, что с начала своей технологической эры ремесленное сообщество с его мастерством и технологическими

достижениями в неопределенной степени подчинялось дискреционному зову землевладельческого сообщества, в основном обезличенным образом, через каналы торговли и в целом со все меньшими затратами с течением времени; и промышленное сообщество в целом никоим образом не освободилось от этого контроля, когда наступила эра предпринимательской деятельности; поскольку землевладельческое сообщество продолжало получать средства к существованию от смешанного сельскохозяйственного и ремесленного сообщества, а также от продуктов, производимых землевладельцами. изделия кустарного промысла все еще продолжали поступать главным образом в качестве снабжения землевладельцев в обмен на средства существования, контролируемые последними; и еще долгое время после того, как предприниматели взяли в свои руки руководство промышленностью, требования землевладельцев все еще оставались первостепенными в экономической ситуации, и промышленность все еще продолжала осуществляться в основном с целью удовлетворения потребностей землевладельцев.

122 “Handwerk (im engeren Sinne) ist diejenige Wirtschaftsform, die hervowächst aus dem streben eines gewerblichen Arbeiters seine zwischen Kunst und gewöhnlicher Handarbeit die Mitte haltende Fertigkeit zur Herrichtung oder Bearbeitung gewerblicher Gebrauchsgegenstände in der Weise zu vertreten, dass er sich durch Austausch seiner Leistungen oder Erzeugnisse gegen entsprechende Äquivalente seinen Lebensunterhalt verschafft.”—Sombart, *Moderne Kapitalismus*, bk. i, ch. iv.

123 Cf. Sombart, *Der Moderne Kapitalismus*, bk. i; W. J. Ashley, *English Economic History and Theory*, bk. i, especially ch. iii; Karl Bücher, *die Entstehung der Volkswirtschaft*, ch. iv, v.

124 Классический отрывок Адама Смита демонстрирует эту кустарную концепцию механики производства: “Годовой труд каждой нации — это фонд, который первоначально обеспечивает ее всеми предметами первой необходимости и удобствами для жизни, которые она ежегодно потребляет” “Но это соотношение [продукта к потребителям] должно регулироваться в каждой нации двумя различными обстоятельствами; во-первых, мастерством, ловкостью и рассудительностью, с которыми обычно применяется ее труд; и, во-вторых, соотношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто не столь занятый”. - “Богатство наций”, Введение, стр. 1.

Адам Смит постоянно говорит о промышленности в терминах ручного изготовления, к чему его неизбежно привели традиции и сохраняющийся привычный взгляд того поколения; и то, как широко его интерпретация экономической жизни находит признание у современников, показывает, что при этом он говорит в полном соответствии с преобладающими концепциями своего времени. Он пишет в начале эры машин, но говорит в терминах прошлой индустриальной эпохи, из которой был почерпнут его взгляд на экономическую ситуацию и его концепция нормальных экономических отношений. Можно добавить, что его концепция естественной свободы в экономических вопросах аналогичным образом проистекает из традиционной ситуации, дисциплина которой на более поздних этапах ремесленной эпохи прививала свободу собственности применительно к продукту рабочего и свободу заключения сделок и продажи применительно к деятельности типичного мелкого торговца. И этот способ понимания промышленности и экономической ситуации был настолько тщательно внедрен в структуру человеческого мышления, что та же линия интерпретации продолжает удовлетворять экономическую теорию в течение ста лет после того, как Адам Смит сформулировал этот канон

экономической доктрины, и после того, как ситуация, к которой он мог бы применяться, была создана машинной промышленностью и менеджментом крупного бизнеса.

125 Случай педали, применяемой для создания вращательного движения, типичен для того, что происходит с технологическим элементом общего класса, о котором здесь идет речь. Такой новый технологический прием, поначалу кажется, воспринимается в терминах ручного изготовления; но в настоящее время благодаря привычному использованию он занимает свое место как механическое функционирование инструментов, при использовании которых он вступает в силу, — ассоциируется в современном понимании с механическими приспособлениями, используемыми при его производстве, и, таким образом, отделяется от личности рабочего. Таким образом, в какой-то мере это относится к категории безличных фактов, которые доступны в качестве технологического сырья для выполнения текущей работы. При дальнейшем использовании, и особенно при внедрении дополнительных механических приемов между рабочим и данным технологическим элементом, это будет восприниматься все более объективно, как факт механики грубой материи, а не расширение возможностей ручного труда рабочего; пока это, наконец, не перейдет в категорию простого механического факта, очевидного и обыденного при рутинном использовании; в котором остается лишь исчезающий остаток приписываемой личности, такой, который присущ всем концепциям действия. Таким образом, можно сказать, что данный технологический элемент постепенно выходит за пределы “квазиличностной окраины” ручного воздействия рабочего в область сырья, доступного для использования в производстве; где он, по общему мнению, будет обладать только такими предполагаемыми квазиличностными или антропоморфными характеристиками, которые обязательно приписываются внешним фактам в целом.

Конкретно, концепция педали, по-видимому, изначально была вариантом той же концепции, которая привела к использованию бормашины. Оба изобретения включают по меньшей мере две различные формы. В каждом из них более простая и, предположительно, более примитивная форма преобразует возвратно-поступательное продольное движение в возвратно-вращательное движение; и, по-видимому, только после некоторого ознакомления с этим механическим достижением происходит следующее движение в направлении усовершенствованной педали, которая преобразует возвратно-поступательное продольное движение в непрерывное вращательное движение.

126 Cf. Sombart, *Moderne Kapitalismus*, bk. i, Exkurs zu Kapitel 7, bk. ii, ch. xv.

127 Приключения Карла I и Якова II в достаточной степени иллюстрируют этот замкнутый характер промышленного и коммерческого сообщества в отличие от короны и придворной партии.

128 См. гл. ii и iii, выше.

129 вменение женского начала в этом олицетворении Природы, вероятно, не более чем перенос латинского рода слова, но в этой квазиличностной концепции Природы обычно присутствует заметное вменение доброты и нежной заботливости, которые хорошо сочетаются с ее предполагаемой женственностью. Благодаря необычайно простой градации *Natura naturans* переходит в Мать-Природу. Контраст в этом отношении, просто с сентиментальной стороны, между концепцией Природы, скажем, восемнадцатого века, с одной стороны, и патриархальным Небесным Царем, далеким и суровым, средневекового культа, с другой

стороны, достаточно разителен. С точки зрения сентиментального содержания эта концепция Природы более близка к средневековой Божьей Матери, чем к Царю Небесному.

130 При этом, конечно, не упускается из виду тот факт, что в ходе научных исследований все шире использовались статистические методы и результаты и что это обращение к статистике носило все более объективный характер как в отношении ее методов, так и в отношении обрабатываемых объектов. Следует также отметить, что время от времени предпринимались серьезные и последовательные попытки свести научную аргументацию в целом к столь же объективным понятиям количества, количественной значимости и сопутствия. Например, "Грамматика науки" Карла Пирсона - проницательная и в некоторой степени широко известная работа такого рода. Итак, опять же, философские взгляды, связанные с именами Лейбница и Беркли, имеют такую природу, и в рассуждениях Юма есть немалая доля того же скептицизма. Но в равной степени следует отметить, что за исключением отдаленного плана обобщения, принадлежащего философским спекуляциям, и за исключением работ по чистой математике, этот метод обращения с фактами не оказался доступным для научных целей. "Праздное любопытство", которое находит применение в научном исследовании, не довольствуется одним лишь пустым отношением сопутствия между фактами, которые оно ищет и систематизирует. До сих пор в научной теории не было достигнуто никакого прогресса без использования этого необходимого вменения причинности. В этой связи см. статью "Эволюция научной точки зрения", Хроника Калифорнийского университета, ноябрь 1908 г., особенно сноску, стр. 396.

131 В этой связи стоит отметить, как бы то ни было, что существует столь же грубое соответствие между распространением белокурой расы в Европе и современными формами протестантизма и религиозной ереси. Усиливает ли этот факт или ослабляет какой-либо аргумент, который может быть извлечен из приведенного выше сочетания ереси и предприимчивости, возможно, лучше оставить вопрос открытым.

132 См. главу v выше.

133 Cf. Ashley, English Economic History and Theory, bk. i, ch. i; Karl Bücher, Entstehung der Volkswirtschaft, ch. iii.

134 Cf. R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger.

135 Видно, как указывалось выше, из обычного обращения ученых к концепции действенной причины как к разрешению проблем, касающихся материальных явлений, а также из неудержимого стремления теологов и философов к творческой эффективности как конечной цели их спекуляций.

136 Ср. Локк, "Гражданское управление", гл. v: "Хотя земля и все низшие существа являются общими для всех людей, тем не менее каждый человек обладает собственностью в своей собственной личности; на это никто не имеет права, кроме него самого. Мы можем сказать, что труд его тела и дело его рук по праву принадлежат ему. Следовательно, что бы он ни извлек из того состояния, в котором Природа предусмотрела и оставила это, он смешал свой труд с чем-то своим и присоединил к этому что-то, что является его собственным, и таким образом делает это своей собственностью".

137 Иллюстративные примеры такого обычного кодекса "естественных" прав и обязанностей многочисленны в поздней литературе по этнологии. Хорошие иллюстрации дают различные

статьи в Отчетах Ам. Бюро этнологии, о культуре пуэбло, эскимосов и индейцев Северо-Западного побережья; то же самое касается скита и Благдена, языческих рас Малайского полуострова, или Селигманна, веддов.

138 Ср., например, К. Бирд, "Промышленная революция", глава ii; Спенсер Уолпол, "История Англии с 1815 года", том ii. i; К. У. Тейлор, Современная фабричная система, гл. i, ii.

139 В общем, отношение квалифицированного рабочего в крупных отраслях промышленности к машинному процессу аналогично отношению первобытного скотовода, пастуха или молочницы к домашним животным, находящимся на их попечении, а не отношению ремесленника к своим инструментам. Это работа, требующая присутствия, содействия и квалифицированного вмешательства, а не сильного и ловкого использования инструмента.

140 Из этого следует также, среди других вторичных следствий, что эффективная производственная жизнь квалифицированного рабочего будет, для достижения наилучшего среднего эффекта, начинаться в значительно более преклонном возрасте и, следовательно, на столько же сокращаться. Период подготовки становится более длительным, требовательным и дорогостоящим, а эффективный жизненный цикл работника становится короче. Хотя, возможно, это не относится именно к этой связи, не лишним будет напомнить, что все более жесткие требования машиностроительной промышленности, особенно в плане точного, бдительного и легкого соответствия требованиям машинного процесса, прерывают производственную жизнь квалифицированного рабочего на более ранней стадии старческого угасания. Таким образом, производственный жизненный цикл рабочего сокращается как в начале, так и в конце, в то же время обычная подготовка к работе становится более дорогостоящей и требовательной.

Детский труд, который когда-то, с промышленной точки зрения, мог быть экономичным методом потребления доступного человеческого материала, больше не совместим с высочайшей производственной эффективностью, даже если не учитывать любые трудности или ухудшение состояния, связанные с чрезмерным или оскорбительным использованием детского труда; он несовместим с материальными интересами общества. Таким образом, деловое сообщество — совокупность бизнесменов в целом, — в чьих интересах функционируют отрасли промышленности страны, напрямую заинтересовано не только в продлении возраста освобождения от работы в промышленности, но и в обеспечении надлежащего школьного образования для нового поколения рабочих. Деловое сообщество, очевидно, начинает ценить такое положение дел, по крайней мере, в некоторой степени, о чем свидетельствует их склонность отдавать предпочтение обучению “практическим” предметам в государственных школах за государственный счет, а также широкомасштабное движение, направленное на оснащение частных и государственных школ оборудованием, которое подготовит молодежь к работе в различных отраслях промышленности.

141 Ср., например, размышления Адама Смита об использовании точных часов, Теория моральных чувств, часть iv, глава 2.

142 С другой стороны, часто цитируемый афоризм о том, что “Необходимость - мать изобретений”, представляется не чем иным, как фрагментом не критичного рационализма. Он предлагает рационализированный, *постфактум*, отчет о происходящих изменениях и отражает то древнее предубеждение, с помощью которого сторонники назидания получили возможность

интерпретировать все изменения как улучшение, обусловленное достижением какой-то определенно предвиденной цели. Это также представляется заведомо ложным, за исключением того, что “изобретение” следует понимать как эвфемистический синоним “уклонения от ответа”. Несомненно, ощущаемая потребность в путях и средствах привела ко многим изменениям в технологии, но, несомненно, также и скрытые последствия любого из величайших механических изобретений, в основном, не были ни предусмотрены, ни преднамеренны при их разработке. Более серьезные последствия, особенно такие, которые имеют институциональное значение, были вызваны изобретениями, а не спроектированы самими изобретателями.

143См. стр.18-21 выше.

144Ср., однако, то, что было сказано выше (стр. 21-23) об изменчивости и приспособляемости гибридной популяции и возможном избирательном создании гибридного типа, более подходящего к текущим условиям жизни, чем любая из расовых групп, из которых состоит гибридная популяция.

145 Так, *например*, современные технологии прямо или косвенно привели к росту крупных городов и промышленных поселков, а также к увеличению плотности населения в целом. Это современное состояние промышленного искусства является творением Европейского сообщества наций, в котором лидируют белокурые гибриды. Население этих стран перетекает в эти созданные машинами города и поселки, и это перетекание влияет на белокурых гибридов в более выраженной степени, чем на любой другой столь же различимый элемент населения. В то же время уровень рождаемости ниже, а уровень смертности выше в этих современных городских сообществах, чем на открытой местности, несмотря на то, что профилактической санитарии в городах уделяется больше внимания, чем в сельской местности, и именно в городских сообществах медицинская помощь наиболее доступна, в то же время там собираются наиболее эффективные практикующие врачи. Этот ускоренный уровень смертности в значительной степени поражает городских белокурых гибридов; и детская смертность в городах, в частности, достигает такой цифры, что на нее смотрят с величайшим опасением. По своему суммарному воздействию на жизнеспособность современных народов эта современная технология представляется столь же пагубной, как и их переезд в неподходящий климат. Действительно, гигиенические меры, которые принимаются или пропагандируются как средство защиты от этих созданных машинами условий городской жизни, носят во многом тот же характер и требуют почти такого же скрупулезного внимания к деталям, которое требуется для сохранения жизни европейцев в сложных климатических условиях низких широт. Так что, по крайней мере, для этих европейцев гигиеническая обстановка, созданная их собственной технологией, во многом напоминает характер комплексной клиники, характерный для британской оккупации Индии или более поздней европейской оккупации Западной Африки или Филиппин.

146 Статистики столетней давности, *например*, довольствовались круглыми процентами, в то время как их современные преемники вряд ли довольствуются десятичными числами с тремя знаками после запятой.

147 В высшей степени наглядным примером механистического уклона в науках о морали являются гедонистические концепции начала девятнадцатого века; и деистическая теология того периода и ранее является не менее характерным симптомом того же анимуса.

Ср. также, для точки зрения, ведущей к выводу, противоположному тому, о котором говорилось выше, Х. Бергсон, *Творческая эволюция* (перевод Артура Митчелла, Нью-Йорк, 1911), гл. i, особенно стр. 16-23; где механистическая концепция толкуется как инстинктивная метафизическая норма и противопоставляется открытиям разума и опыта, которые, как затем утверждается, прививают антропоморфную интерпретацию тех же фактов.

148 “Прагматизм” - это термин, который был выбран для обозначения этого метафизического постулата эффективности, понимаемого как эталон актуальности.

149 Из всех этих современных вызывающих отвращение схем избавления от пустоты и раздражения механистической концепции та, о которой говорил М. Х. Бергсон, несомненно, самая удачная, в то же время по своим элементам она наиболее привлекательно наивна. Помимо и без ущерба для (несомненно, весьма существенных) достоинств этой системы спекулятивных догматов, популярность, которой она достигла, по-видимому, во многом объясняется ее созвучием с этой архаичной чертой цивилизованной человеческой природы, о которой уже говорилось. Имманентная, или, скорее, внутренне доминирующая, творческая склонность, присущая материи и объективно неотличимая от нее, в достаточной степени наводит на мысль о той претермеханической эффективности, которая кажется такой простой для понимания многим народам, находящимся на более низких уровнях культуры, и которая обеспечивает существенную основу магических практик и находит безмятежное выражение в более наивных их теоретических рассуждениях. Было бы чрезвычайно сложной работой, например, провести последовательно обоснованное различие между *жизнью* М. Бергсона, с одной стороны, и *маной* меланезийцев (ср. Кодрингтон, “меланезийцы”, особенно гл. vii и xii), *вакондой* индейцев сиу (ср. А. К. Флетчер и Ф. ла Флеше, “Племя Омаха”, Бюро этнологии, Отчет xxvii (1905-1906), особенно стр. 597-599), или даже хамингия скандинавского язычества, с другой стороны.

Фактически, отправной точкой и опорой для спекуляций М. Бергсона, по-видимому, является не что иное, как проекция в объективную реальность той же самой человеческой черты, о которой здесь говорилось как об инстинкте мастерства; эта норма инициативы и эффективности, которая таким образом накладывается на объективные факты, затем с большой тонкостью и сочувственным пониманием разрабатывается для создания всеобъемлющей космологической схемы. Подобное проецирование рабочей инициативы и эффективности и их приписывание объективной реальности, как в целом — как у М. Бергсона — так и в конкретных деталях, с большей или меньшей персонализацией, является одним из основных, хотя и часто неправильно понимаемых факторов в космологиях, которые выполняют функции науки и философии среди дикарей и низших варваров.

То, что корни этой умозрительной схемы “творческой эволюции” уходят так далеко в предысторию человеческой культуры и опираются на источники, столь близкие к недисциплинированным первопроходцам человеческой природы, конечно, ни в коей мере не умаляет этой теоретической системы; это также не вызывает никаких предположений о необоснованности догматов, которые в процессе разработки были построены на основе этого метафизического постулата. Фактически, предлагаемая здесь характеристика помещает тезис М. Бергсона, а следовательно, и его систему, именно в то место, где он изо всех сил старался объяснить, что он желает занять свою первоначальную позицию в отстаивании своей точки зрения, — в полный разрыв с механистической концепцией; достоинства которой, в отличие от

его собственного тезиса, затем проявятся в ходе дальнейшего спора, который должен решить между их соперничающими претензиями на первенство. С точки зрения формальной и временной легитимации, такое вменение эффективности рабочего в целом опирается в точности даже на то, на что также опирается механистическая концепция, а именно. вменение в силу метафизической необходимости, то есть в силу инстинктивного импульса. Основная теорема о причинности, а также несколько ее механистических следствий являются, в конечном счете, лишь предполагаемыми чертами материи, а не фактами наблюдения; и подобное верно — по общему признанию М. Бергсона, — и для *истории* также. Следовательно, пока что в том, что касается формально определяемой предшествующей вероятности двух конкурирующих концепций, одна так же хороша, как и другая; но аргумент М. Бергсона, основанный в основном на косвенных доказательствах, демонстрирует, по крайней мере, убедительно привлекательную вероятность того, что концепция, о которой он говорит, должна быть принята как более фундаментальная, лежащая в основе механистической концепции, обуславливающая ее и иногда отменяющая ее выводы в вопросах, которые лежат за пределами его установленной компетенции. Что, в другой формулировке, сводилось бы к утверждению, что приписывание творческой эффективности, свойственной трудящемуся, основывается на инстинктивной основе, более неоспоримо присущей человеческой природе; предположительно, в силу того, что она воплощает в себе функционирование инстинктивной склонности, менее сложной и суженной особым привыканием, таким особым привыканием, например, каким в последнее время пользуются ремесленные технологии и машинный процесс.

150 Все это, конечно, не игнорирует и не отрицает существенной роли, которую *jus gentium* и *jus naturale* римских юристов и их комментаторов сыграли в формулировании системы естественных прав. С точки зрения родословной, линия происхождения этих правовых принципов, несомненно, по существу такова, как она достоверно изложена юристами, которые приложили свои компетентные усилия по этому вопросу. Что касается англоязычных сообществ, то эта родословная восходит к Локку, а через Локка - к линии юристов и философов, на которых опирался этот великий ученый; в то время как для более широкого распространения подобной системы принципов имена Гроция, Пуфендорфа, Альтузиуса, несомненно, имеют все то значение, которое им обычно приписывают. См. стр.290-293 выше.

151 Если только “синдикалистское” движение не следует воспринимать как нечто достаточно определенное в своих принципах, чтобы сделать его исключением из правил.

152 Ср., например, Анну Янгман "Экономические причины больших состояний", особенно главу vi; Р. Эренбурга "Гроссе Вермоген"; Иду Тарбелл "История Standard Oil Company".

153 Ср. статью “О природе капитала” в "ежеквартальном экономическом журнале" за ноябрь 1908 г.

154 Еще во времена Адама Смита слово “производитель” сохраняло свое этимологическое значение и обозначало работника, производившего товар. Но примерно с того времени, то есть с тех пор, как машинный процесс и бизнес-контроль в промышленности полностью вступили в силу, этот термин больше не имеет технологической коннотации, а полностью приобрел денежное (деловое) значение; так что теперь этот термин обозначает бизнесмена, который имеет только денежное отношение к производственным процессам.

Следующие страницы содержат рекламу книг того же автора или на родственные темы

Того же автора

Теория праздного класса

Экономическое исследование институтов

Cloth, 12mo, 2,00 доллара нетто

Издание Macmillan Standard Library Edition, 0,50 доллара нетто

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Целью данного исследования является обсуждение места и ценности праздного класса как экономического фактора современной жизни, но было сочтено практически невозможным ограничить обсуждение строго обозначенными таким образом рамками. Определенное внимание поневоле уделяется происхождению и линии вывода института, а также особенностям социальной жизни, которые обычно не классифицируются как экономические.

Содержание

- Глава I. Введение.
- Глава II. Денежное соперничество.
- Глава III. Демонстративный досуг.
- Глава IV. Демонстративное потребление.
- Глава V. Денежный уровень жизни.
- Глава VI. Денежные каноны вкуса.
- Глава VII. Одежда как выражение денежной культуры.
- Глава VIII. Исключение для промышленных целей и консервация.
- Глава IX. Сохранение архаичных черт.
- Глава X. Современные пережитки доблести.
- Глава XI. Вера в удачу.
- Глава XII. Религиозные обряды.
- Глава XIII. Пережитки ненасильственного интереса.
- Глава XIV. Высшее образование как выражение финансовой культуры.

“Исследование вдумчивое и интересное, изложено на ясном и понятном английском”. —
Minneapolis Journal.

ОПУБЛИКОВАНО

издательством MACMILLAN COMPANY
, Нью-Йорк, Пятая авеню, 64-66

Две Новые книги, представляющие взаимный интерес

Труд и богатство: человеческая оценка

Дж. А. ХОБСОН, магистр медицины,

Автор книг “Индустриальное общество”, “Джон Рескин, социальный реформатор” и др.

Ткань, 8 штук, 2,00 доллара нетто

Мистер Хобсон - экономист с устоявшейся репутацией, чьи труды на протяжении многих лет охотно читались его коллегами-экономистами. Цель этой, его последней работы, - представить справедливое и формальное разоблачение бесчеловечности и жизненно важных отходов современной промышленности путем тщательного применения наиболее апробированных формул индивидуального и социального обеспечения и указать наиболее обнадеживающие меры по исправлению положения для общества, достаточно разумного, смелого и самоуправляющегося, чтобы применять их. Полностью удовлетворяющий способ, которым автор достиг этой цели, приводит к наводящему на размышления и стимулирующему обзору с новой точки зрения проблем, в которых заинтересованы все изучающие экономику. Эта книга не только является важным вкладом в литературу в своей области; она не менее ценна тем, что затрагивает общие вопросы современности, которыми занимаются не только профессиональные экономисты.

Насилие и рабочее движение

РОБЕРТ ХАНТЕР,

Автор книг “Бедность”, “Социалисты за работой” и др.

Ткань, 12 мл, 1,50 доллара нетто

Эта книга посвящена мощному конфликту, бушевавшему во второй половине прошлого столетия за обладание душой труда. В нем рассказывается о доктринах и деяниях Бакунина, Нечаева, Кропоткина, Равашоля, Генри, Моста и Казерио. В нем рассматриваются причины таких вспышек ярости, которые произошли на Хеймаркете в Чикаго в 1886 году и которые сейчас широко обсуждаются как синдикализм, хейвудизм и ларкинизм. Это драматическое историческое повествование, в котором терроризм, анархизм, синдикализм и социализм страстно озвучиваются их величайшими защитниками, сражающимися за программы, тактику и философию.

ОПУБЛИКОВАНО

издательством MACMILLAN COMPANY

, Нью-Йорк, Пятая авеню, 64-66

Две важные интерпретации нынешних Движений

Прогрессивная демократия

Автор: ГЕРБЕРТ КРОУЛИ,

Автор книги “Обещание американской жизни”.

Ткань, 8 штук, 2,00 доллара нетто

Цель автора этой книги состоит из трех частей. В первую очередь он проанализировал современное прогрессивное демократическое движение в этой стране, чтобы отделить его существенные компоненты от несущественных и выяснить, существует ли какая-либо реальная проблема между американским прогрессивизмом и американским консерватизмом. Во-вторых, он попытался реконструировать историческую подоплеку прогрессизма, чтобы увидеть, какие корни или отсутствие корней он имеет в американской политической и экономической традиции. И, наконец, он попытался проследить, чего мы можем разумно ожидать от прогрессивного движения, показать, какие инструменты оно должно использовать для выполнения своей программы и какие претензии оно имеет на поддержку патриотически настроенных американцев. Таким образом, в данной работе впервые предпринята попытка изложить последовательно просветительскую теорию демократии.

Прогрессивизм и после

УИЛЬЯМ ИНГЛИШ УОЛЛИНГ,

Автор книг “Большие аспекты социализма”, “Социализм как он есть” и др.

Ткань, 12 мл, 1,50 доллара нетто

Это книга, которую должен прочитать каждый вдумчивый социалист, социальный реформатор и те, кому социальные реформы хоть как-то импонируют. Мистер Уоллинг рассматривает социальные и экономические вопросы как мыслитель и исследователь, а не просто как теоретик или приверженец. В политических событиях последних нескольких лет мистер Уоллинг видит многое, что имеет значение не только для настоящего, но и для будущего. Каким должен быть ход событий в следующем поколении, он излагает в этой работе в столь же убедительной, сколь и необычной с социалистической точки зрения манере. Особый интерес представляют его анализы президента Вильсона, полковника Рузвельта и других выдающихся лидеров, в то время как его описание того, что было, и того, что грядет, является резким и пронизательным. Независимо от того, согласны вы с его предсказаниями или нет, сила и четкость, с которыми обозначены проблемы, отличают книгу для самых разных читателей.

ОПУБЛИКОВАНО

издательством MACMILLAN COMPANY

, Нью-Йорк, Пятая авеню, 64-66

Американский синдикализм — I. W. W.

ДЖОН ГРЭМ БРУКС

Автор книг “Какими нас видят другие”, “Социальные волнения” и др.

Ткань, 1,25 доллара нетто; постоплата, 1,36 доллара

Книга мистера Брукса представляет собой тщательное, сочувственное и критическое исследование американского синдикализма, представленного в ордене под названием “Индустриальные рабочие мира”.

Дается теория, или “философия” этого синдикализма, делается обзор практического опыта движения в том виде, в каком оно проявило себя здесь за последние несколько лет, и предлагается взгляд на его возможные судьбы в Соединенных Штатах. Мистер Брукс говорит:

“В этом и через это заключено нечто столь же священное, какое когда-либо приносили нам лучшие из великих мечтателей. В целом, более глубоким, внутренним фактом этого движения, по-видимому, является его близость и сочувствие к этой наиболее обремененной и долго сохраняющейся массе простых тружеников. На свой страх и риск мы проигнорируем этот факт’.

— New York Tribune.

Социальные волнения

Исследования рабочих и социальных движений

ДЖОН ГРЭМ БРУКС

Ткань, 12 страниц, 394 страницы, 1,50 доллара нетто

Автор, мистер Джон Грэм Брукс, почти на четырехстах страницах рассматривает экономическое значение социальных вопросов современности, главные страсти, действующие среди нас, людей *против* машин и решение наших нынешних проблем в лучшем согласии, чем существует в настоящее время, — организация, при которой каждое преимущество более дешевых услуг и более дешевых продуктов будет распространяться непосредственно на все население.... Ничто по его предмету, столь всеобъемлющему и в то же время популярному в трактовке, как эта книга, не было выпущено в нашей стране. Это книга с живым знанием — не только для рабочего, но и для капиталиста и для изучающего политику — для каждого, кто живет — а кто нет? — продуктом труда”. —Мировоззрение.

Мистер Блисс Перри, редактор Atlantic Monthly, говорит о ней: “Увлекательная книга — для меня самое ясное, здравомыслящее и полезное обсуждение экономических и человеческих проблем, которое я читал за многие годы”.

ОПУБЛИКОВАНО

издательством MACMILLAN COMPANY

, Нью-Йорк, Пятая авеню, 64-66

УИЛЬЯМ ИНГЛИШ УОЛЛИНГ

Более широкие аспекты социализма

Ткань, 1,50 доллара нетто; постоплата, 1,63 доллара

“Во второй раз Уильям Инглиш Уоллинг внес заметный вклад в литературу о социализме”. — Мэри Браун Самнер в обзоре.

“Две ваши книги, вместе и по отдельности, составили величайший вклад Англии в социализм”. — Профессор Джордж Д. Херрон.

“Эта книга исключительно наводящая на размышления и интересная.... Остается надеяться, что мистер Уоллинг продолжит давать нам столь тщательный и наводящий на размышления анализ социалистической мысли”. — Александр Флейшер в “Анналах Американской академии”.

“Автор заслужил право на первое место среди американских социалистических “интеллектуалов”.... Дальновидный наблюдатель и репортер, честный с самим собой и общественностью”. —The Nation.

“Вы, безусловно, один из тех несносных людей, с которыми приходится считаться. Я прочитал вашу первую книгу с восхищением и крайним неодобрением. Нет ни одной книги, с которой я был бы знаком, которая так правдиво рассказывала бы о том, о чем думает значительная часть наших соотечественников”. — Профессор Альберт Бушнелл Харт.

Социализм как он есть

Обзор мирового революционного движения

Ткань, 12 штук, 2,00 доллара нетто; постоплата, 2,12 доллара

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КНИГАХ

“Может быть действительно рекомендован как здоровое и ясное изложение, не являющееся пересказом различных томов, которые уже были опубликованы по данному вопросу, а представляющее собой вклад с четкой и новой точки зрения”. — Нью-Йорк таймс.

“Лучшее и наиболее научное изложение предмета, которое когда-либо попадало мне в руки. Это дало мне понимание ситуации, к которой я стремился, но к которой не мог найти никакого доступа”. — Профессор Жак Леб.

“Вы, безусловно, даете прекрасное представление о социализме таким, какой он есть, и каким он становится — и это понимание должен иметь каждый гражданин”. — Профессор Джон Р. Коммонс.

“Я читал вашу книгу с большим интересом. Большим вкладом, как мне кажется, является четкое противопоставление государственного социализма революционному социализму”. — Профессор Саймон Н. Паттен.

ОПУБЛИКОВАНО

издательством MACMILLAN COMPANY
, Нью-Йорк, Пятая авеню, 64-66

Теория социальных революций

БРУКС АДАМС

Автор книг “Закон цивилизации и упадка”, “Новая империя” и др.

Ткань, 12 мл, 1,25 доллара нетто

“Замечательная работа”. —Аргонавт.

“Умно написанная книга умного человека. Аргумент заключается в том, что существующая социальная система скоро изменится и что суды станут политическими, а не судебными”. — Pittsburgh Post.

“Никто, интересующийся историей или политикой, не может позволить себе пренебрегать взглядами мистера Адамса”. — Newark Evening News.

“... более увлекательного исследования столь серьезной темы часто не печатают”. — "Нью-Йорк Уорлд".

“... за последние годы не было столь спокойной и решительной атаки на судебное законодательство”. — Журнал La Follette's Magazine.

“Очень стимулирующее исследование”. — Обзор рецензий.

Труд и администрация

ДЖОН Р. КОММОНС

ПРОФЕССОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ВИСКОНСИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ткань, 12 мл, 1,60 доллара нетто

История трудового законодательства и забастовок имеет это общее для обоих — законы становятся мертвой буквой; победы в забастовках сводятся на нет. Некоторые философы ссылаются на моральный облик индивида. По их мнению, мало что можно сделать с помощью закона или профсоюзов. Есть и другие, которые интересуются, как разрабатывать законы и обеспечивать их соблюдение, как сохранить выигрыш от забастовок — короче говоря, как соединить идеалы с эффективностью.

Таковы назревающие вопросы последнего десятилетия и тема этой книги. Здесь есть поле деятельности для студента и экономиста — не “друга труда”, который рисует абстрактного рабочего, а утилитарного идеалиста, который видит их всех такими, какие они есть; не любопытного собирателя фактов и статистики, а того, кто измеряет факты и выстраивает из них фундамент и структуру. Его конструктивная проблема заключается не столько в законе и его абстрактных правах, сколько в управлении и его конкретных результатах.

ОПУБЛИКОВАНО

издательством MACMILLAN COMPANY

, Нью-Йорк, Пятая авеню, 64-66

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись. Ниже отмечены некоторые очевидные ошибки.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в противном случае оставлены несбалансированными.

[Страница 72](#): “зерновые” были напечатаны именно так.

[Страница 76](#): “страж” был напечатан именно так.

Страница 158: “seige” было напечатано именно так.

Страница 262: “Беркли” было напечатано именно так; возможно, это отсылка к ирландскому философу Джорджу “Беркли”.

Сноски, первоначально размещавшиеся в конце страниц, были собраны, последовательно перенумерованы и перемещены после основного текста книги, непосредственно перед рекламными объявлениями.